

Миф, ритуал и религия, Том 2 (из 2)

Эндрю Лэнг

Myth, Ritual And Religion, Vol. 2 (of 2)

Andrew Lang

Электронная книга проекта "Гутенберг" о мифах, ритуалах и религии, том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Миф, ритуал и религия, Том 2 (из 2)

Автор: Эндрю Лэнг

Дата выхода: 20 июля 2011 [Электронная книга № 36794]

Последнее обновление: 18 марта 2013

Язык: Английский

Титры: Продюсер Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ", ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ

Том II.

Эндрю Лэнг

*"Лонгманс, Грин и Компания".
Патерностер-Роу, 39, Лондон,
Нью-Йорк и Бомбей,*

1901

г. Впервые напечатано в августе 1887 г.

МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ

Содержание

ГЛАВА XII. БОГИ НИЗШИХ РАС.

ГЛАВА XIII. БОГИ НИЗШИХ РАС.

ГЛАВА XIV. АМЕРИКАНСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

ГЛАВА XV. МЕКСИКАНСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

ГЛАВА XVI. МИФОЛОГИЯ ЕГИПТА

ГЛАВА XVII. БОГИ АРИЕВ ИНДИИ.

ГЛАВА XVIII. ГРЕЧЕСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

АПОЛЛОН.

АРТЕМИДА.

ДИОНИС.

АФИНА.

ГЕРМЕС.

ДЕМЕТРА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ГЛАВА XIX. ГЕРОИЧЕСКИЕ И РОМАНТИЧЕСКИЕ МИФЫ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Забытый здравый смысл Фонтенеля

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Ответ на возражения

ГЛАВА XII. БОГИ НИЗШИХ РАС.

Загадочная религия дикарей—Почему это так—Австралийцы в 1688 году—Сэр Джон Лаббок—Роскофф—Свидетельство религии—Мистер Мэннинг—Mr. Ховитт—Высшие существа—Мистер Теория заимствования Тайлора—Ответ—Санкционированная мораль—Ее природа—Сатирический ритуал—"Отче наш"—Мистер Ридли о творце—Мистер Лэнглох Паркер—Доктор Рот—Заключение—Религия австралийцев.

Наука антропология может с некоторой уверенностью говорить по многим вопросам мифологии. Материалы многочисленны и практически бесспорны, потому что в том, что касается своих мифов, дикие расы высказывались свободно. Миф представляет собой то раннюю научную, то раннюю способность к воображению и юмору, свободно играющую вокруг всех объектов мысли, даже вокруг Сверхчеловеческих существ веры. Но что касается своей Религии, дикарь ни в коем случае не высказывается так свободно. Религия отражает его серьезное настроение доверия, зависимости или опасения.

В некоторых случаях представления о сверхчеловеческих Создателях и судьях завуалированы тайнами, грубыми набросками мистерий Греции, к которым белого человека допускают крайне редко. В других случаях высшие религиозные представления людей находятся в состоянии устаревания, подчинены культу доступных второстепенных божеств и редко упоминаются. В то время как низшим объектам веры (призракам или богам, возникшим из призраков) снова приносятся жертвы или оказывается служение, Верховное Существо, в удивительном количестве случаев, совершенно не получает оправдания. Имея все, он ни в чем не нуждается (во всяком случае, ничего не получает) от людей, кроме повиновения их законам; будучи хорошим, его не боятся; или будучи устаревшим (вытесненным, как кажется, божествами, которых можно подкупить), он съезжился до тени имени. Примером богов, слишком добрых и великих, чтобы в чем-либо нуждаться, может служить Ахон краснокожих в Виргинии или Дендид африканских динка. Устаревшим богом, от которого теперь осталось лишь имя, был Атахокан гуронов, в то время как "Господь на небесах" зулусов является примером. Среди относительно высших существ, раскрывающихся только в мистериях, заслуживают внимания боги многих австралийских племен.

По всем этим причинам - таинственности, отсутствию жертвоприношений или идолов и устареванию - религия дикарей является предметом гораздо более неясным, чем их мифология. Истина заключается в том, что антропологическое исследование еще не в состоянии быть догматичным; оно еще не располагает знаниями, достаточными для создания теории происхождения религии и эволюции веры от ее низших стадий и самых ранних зародышей. Тем не менее такая теория была сформулирована и уже была изложена.

Мы сформулировали возражения против этой текущей гипотезы и отметили, что ее защитники должны искать убежища в отрицании свидетельств о низких религиях дикарей или, если принять факты, должны объяснять их теорией деградации или теорией заимствования из христианских источников. Мы продемонстрировали, что австралийцы не являются дегенератами, и теперь мы должны привести основания для утверждения, что их религиозные концепции не заимствованы у европейцев.

Австралийцы, которых Дампир наблюдал на Северо-западном побережье в 1688 году, казались "самыми несчастными людьми в мире", у которых не было домов, сельского хозяйства, металлов или одомашненных животных.* В таком состоянии они остаются до сих пор, когда не находятся под европейским влиянием. Дампир, как мы видели, отмечал особенности: "Мало или много они получают, у каждого есть своя роль, как у молодых и нежных, так и у старых и немощных, которые не могут уехать за границу, как у сильных и похотливых". Этот вид справедливости, или великодушия, или бескорыстия все еще присутствует в религиозных мистериях некоторых представителей этой расы. Щедрость, безусловно, является одной из ведущих черт аборигена. Он всегда привык отдавать часть своей пищи или того, что у него может быть, своим собратьям. Конечно, на это можно возразить, что, поступая таким образом, он всего лишь следует старому обычаю, нарушение которого подвергло бы его суровому обращению и тому, что на него стали бы смотреть как на неотесанного парня. Однако вряд ли можно отрицать, что, поскольку этот обычай выражает идею о том, что в данном конкретном случае предполагается, что каждый должен действовать по-доброму по отношению к определенным людям: само существование такого обычая, даже если он осуществляется только в надежде на получение в какой-то момент *услуги за услугу*, показывает, что местный житель осознает тот факт, что действие, приносящее пользу кому-то другому, достойно быть совершенным

* Ранние путешествия в Австралию, стр. 102-111. Общество Хаклуит.

У туземца вошло в привычку отдавать часть того, что у него есть". * Авторы этого заявления не говорят, что этот долг прививается в Центральной Австралии с религиозной санкции, в племенных мистериях. Это, однако, относится к курнаи и некоторым племенам Виктории и Нового Южного Уэльса. ** Поскольку Дампир обнаружил, что эта обязанность практиковалась еще в 1688 году, вряд ли можно утверждать, что туземцы переняли этот образ действий, который должен быть христианским поведением, исходя из их наблюдений за христианскими колонистами.

Вторым моментом, который произвел впечатление на Дампира, было то, что у мужчин и женщин, старых и молодых, не хватало двух передних верхних зубов. Среди многих племен аборигенов Нового Южного Уэльса и Виктории мальчикам до сих пор выбивают передние зубы при посвящении, но этот обычай не преобладает (в ритуале) там, где практикуется обрезание и другой очень болезненный обряд, как в Центральной Австралии и Центральном Квинсленде.

Свидетельства Дампира показывают, как мало местные жители изменились за двести лет. И все же, возможно, можно обнаружить свидетельства прогресса, как мы уже показали. Но следует отметить один факт, возможно, имеющий противоположное значение. Необычная картина в пещере, изображающая человека, одетого в красную мантию, доходящую до пят, с рукавами и со своего рода нимбом (или набором повязок) вокруг головы, остается загадкой, как и аналогичные фигуры с синими нимбами или повязками, одетые и опоясанные. Ни у одной из фигур не было рта; в остальном, на эскизах сэра Джорджа Грея, они отдаленно напоминают работы Чимабуэ. *** Эти рисунки были выполнены людьми, знакомыми с одеждой, как своей собственной, так и чужих, замеченных ими, хотя в одном случае обнаженная фигура несет кенгуру. В настоящее время туземцы рисуют с большим воодушевлением, когда их снабжают европейскими материалами, как можно видеть в двух томах *австралийских легендарных сказок* миссис Лэнглох Паркер. Их декоративные узоры различаются по характеру в разных

частях континента, но нигде сейчас не выполняются работы, подобные тем, что были выполнены в пещерах, открытых сэром Джорджем Греем. Читатель должен решить сам, в какой степени только эти памятники позволяют сделать вывод о великом вырождении Австралии или связаны с религией.

* Спенсер и Гиллен, уроженцы Центральной Австралии, стр. 48.

** Ховитт, журнал *Anthrop. Inst.*, 1885, с. 310.

*** "Дневники открытий Грея в Северо-Западной и Западной Австралии в 1837-39 годах", том i, стр. 200-263. Сэр Джордж считал фотографии, возможно, очень древними. Местные жители "посмеялись" над ним, когда он спросил о традициях на этот счет.

Таковы австралийцы, люди без королей и вождей, и что мы знаем об их верованиях?

Самые противоречивые утверждения об их религии можно найти в научных трудах Мистера Хаксли заявил, что "их теология - это простая вера в существование, силы и склонности (обычно злобные) призракообразных сущностей, которых можно умиловить или отпугнуть; но нельзя с полным основанием утверждать, что никакого культа не существует. И на этой стадии теология полностью независима от этики". Это, добавляет он, "теология в ее простейшем состоянии".

В аналогичном смысле сэр Джон Лаббок пишет: "Австралийцы не имеют представления о творении и не пользуются молитвами; у них нет религиозных форм, церемоний или поклонения. Они не верят в существование Божества, и мораль никоим образом не связана с их религией, если ее можно так назвать". *

Лаббок, "Происхождение цивилизации", стр. 158, 1870. В 1889 году за "божество" - "истинное Божество".

Это замечание следует сравнить с другим в той же работе (1882, стр. 210). "Мистер Ридли, действительно, ... утверждает, что у них традиционная вера в единого верховного Творца по имени Байамай, но он признает, что большинство свидетелей, которые были допрошены Специальным комитетом, назначенным Законодательным советом Виктории в 1858 году для составления отчета об аборигенах, высказали свое мнение о том, что у аборигенов не было религиозных идей. Более того, из последующего замечания следует, что Байамай обладал лишь "следами" трех атрибутов Бога Библии: Вечности, Всемогушества и Благости".*

* Ср. J. A. I., 1872, 257-271.

Мистер Ридли, опытный лингвист, живший с дикими неграми в 1854-58 годах, на самом деле, давным-давно сказал, что австралийский *Бора*, или Тайна, "включает в себя идею посвящения Богу". Он спросил старого Билли Мурри Бундура, *поклонялись ли люди Байаме на Боре?* "Конечно, знают", - сказал Билли. Мистер Ридли, к показаниям которого мы вернемся, был не единственным утвердительным свидетелем. Архидьякон Гюнтер не сомневался, что Байаме был эквивалентом Высшего Существа, "остатка первоначальных традиций", и именно Гюнтер, а не Г-н Ридли, говорил о "следах" вечности, всемогушества и доброты Байаме. Г-н Ридли привел

аналогичные отчеты на основе доказательств, собранных комитетом в 1858 году. Он обнаружил, что высшие верования наиболее распространены во внутренних районах страны, в сотнях миль от побережья.

Очевидно, ответ Густава Роскоффа сэру Джону Лаббоку (1880) не изменил мнения этого писателя. Роскофф отметил, что Вайц-Герланд, отрицая, что австралийские верования произошли от какой-либо высшей культуры, осудил теорию о том, что у них нет религии, как "полностью ложную". "Вера в Доброе Существо встречается в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и в центре юго-восточного континента". * Мнение Вайтца высоко ценится, и не только потому, что, как указал мистер Макс Мюллер, он редактировал греческие классические произведения. *Avec du Grec on ne peut gâter rien*. Мистер Олдфилд, в дополнение к богам и духу воды, нашел Биаму (Байаме) и Намба-джунди, который выпускает души в свой Рай, в то время как Варнюра мучает плохих под землей. ** Мистер Эйр, публикующий в 1845 году, называет Байаме (на Моррум-биджи, Биам; на Мюррей, Биам-Вайч-и) источником песен, исполняемых на танцах, и причиной болезней. Он уродлив, сидит, скрестив ноги, или гребет на каноэ. На реке Мюррей он нашел создателя Нуреле, "всемогущего и доброжелательного по характеру", с тремя нерожденными сыновьями, обитающими "высоко в облаках". Души умерших туземцев присоединяются к ним в небесах. Тем не менее, "у местных жителей, насколько пока можно установить, нет религиозных верований или церемоний"; и, хотя Ноореле приписывают "происхождение творения", "он создал землю, деревья, воду и т.д.", божество или Великую Первопричину "вряд ли можно назвать признанным".***

* Вайц-Герланд, *Антропологический журнал*, vi. 794 и далее.

** Олдфилд, *Переводы Ethnol. Соч.*, iii. 208. Я не придаю этому свидетельству особого значения.

*** Эйр, *Журналы*, ii. стр. 355-358.

Таковы последовательные заявления мистера Эйра! Роскофф также ссылается на мистера Ридли, Брэйма, Каннингема, Доусона и других свидетелей, в отличие от сэра Джона Лаббока, и включает в себя мистера Тайлора. * Мистер Тайлор позже обнаружил Байаме, или Пей-а-мэй, в литературе не ранее 1840 года, в ходе *исследовательской экспедиции мистера Хейла в Соединенные Штаты*? До этой даты Байаме, по-видимому, был неизвестен мистеру Трелкельду, чьи ранние работы относятся к 1831-1857 годам. Он говорит только о Коине, разновидности гоблина, и из-за отсутствия местного названия Бога мистер Трелкельд попытался представить Иегову-ка-бируэ и Элоя, но потерпел неудачу. Следовательно, мистер Тайлор, по-видимому, предполагает, что имя Байаме и, во всяком случае, его божественные качества были введены миссионерами, по-видимому, между 1831 и 1840 годами. *** На это следует ответить, что мистер Хейл около 1840 года пишет, что "когда миссионеры впервые прибыли в Веллингтон" (мистер Трелкельд собственный район) "Байаме там поклонялись с песнями". "Эти песни или гимны, по словам мистера Трелкельда, передавались со значительного расстояния. Общеизвестно, что песни и танцы передаются таким образом до тех пор, пока не достигают племен, которые даже не знают значения этих слов".****

* Roskoff, Das Religionstoesen der Rohesten Naturvolher, pp. 37-41.

** Этнология и филология, стр. 110. 1846.

** Тайлор, Пределы религии дикарей, J. A. I., том xxi. 1892.

*** Рот, Уроженцы Северо-Западного Центрального Квинсленда, стр. 117.

Таким образом, песни Байаме достигли Веллингтона до прибытия миссионеров, и в этом отношении мистер Трелкельд (который, как предполагается, не знал Байаме) является авторитетом мистера Хейла. По мнению мистера Тайлора (насколько я понимаю), слово Baïame было миссионерским переводом нашего слова "Творец" и произошло от *Baia* "создавать". Теперь мистер Ридли говорит, что мистер Гринуэй "открыл", что *байя* является корнем Байаме. Но какой миссионер ввел это слово до 1840 года? Не мистер Трелкельд, поскольку он (по словам мистера Тайлора) не знал этого слова, и он попробовал "Элои" и "Иегова-ка-биру", в то время как Иммануэли тоже пробовали и тоже потерпели неудачу. * Байаме, известный в 1840 году, не встречается в миссионерском букваре до "*Гурре Камиларой*" мистера Ридли (1856), поэтому миссионерский букварь не запускал Байаме до приезда миссионеров в Веллингтон. Согласно мистеру Хейлу, песни байаме были принесены чернокожими издавна (мы знаем, что греческие мистерии также *распространялись* в новых центрах), и ежегодный обряд в 1840 году был приостановлен на три года. Более того, этимология *Baia* "делать" имеет конкурента в "Buamee = Big Man". ** Таким образом, Байаме, как божественное существо, предшествовало миссионерам и не является словом миссионерского производства, в то время как священные слова действительно миссионерского производства не находят своего отражения в местной традиции. Мистер Хейл признает, что идеи о Байаме, "возможно", имеют европейское происхождение, хотя огромное нежелание чернокожих перенимать какое-либо мнение европейцев противоречит этой теории. ***

* Ридли, говоря о 1855 году. "Квинсленд" Лэнга, стр. 435.

* Миссис Лэнглох Паркер, Еще несколько австралийских легендарных рассказов, 1898 год. Глоссарий.

*** Указ. соч., с. 110.

Можно сказать, что, если Байаме был предпосылкой, его высшие качества восходят к трудам мистера Ридли, заброшенным из-за отсутствия поддержки в 1858 году. В 1840 году мистер Хейл обнаружил Байаме, расположенный на морском острове, похожем на Цирцею, и питающийся рыбой, которая приходила на его зов. Некоторые местные богословы приписывали Сотворение Мира его Сыну Бурамбину, Демиургу, распространенной дикой форме гностицизма.

О природе Байаме, однако, у нас есть несколько любопытных ранних свидетельств 1844-45 гг. Мистер Джеймс Мэннинг в эти годы и ранее жил "недалеко от внешних границ поселенцев на юге". Разговор с Гете, когда поэту было восемьдесят пять, побудил его изучить местные верования. "Никакие миссионеры, - пишет он, - никогда не приезжали в южный округ, и только

много лет спустя они высадились в Сиднее по пути в Мортон-Бей, чтобы тщетно попытаться обратить в христианство чернокожих этой местности, прежде чем произошло отделение Квинсленда от этой колонии". Мистер Мэннинг потерял свои записи 1845 года, но восстановил копию из комплекта, предоставленного лорду Одли, и зачитал их в ноябре 1882 года Королевскому обществу Нового Южного Уэльса. Заметки носят экстраординарный характер, и мистер Мэннинг, возможно, бессознательно, преувеличил их христианские аналогии, приняв христианскую терминологию. Декан Каупер, однако, подтвердил общее мнение мистера Мэннинга, сославшись на свидетельство архидьякона Гюнтера, который прислал грамматику с замечаниями о "Бхайме" из Веллингтона мистеру Макс Мюллеру. "Он получил свою информацию, - сказал он мне, - от некоторых старейших чернокожих, которые, как он был убежден, не могли заимствовать свои идеи у белых людей, поскольку в то время не имели с ними общения". Старые дикари не склонны торопиться заимствовать европейские понятия. Мистер Мэннинг также утверждал, что получил свою информацию с величайшим трудом. "Они требовали такой секретности с моей стороны и, казалось, так боялись быть услышанными даже в самых потаенных местах, что в одном или двух случаях я видел, как они почти дрожали, говоря". Один туземец, внимательно осмотрев двери и окна, "встал у деревянного камина и заговорил тоном чуть выше шепота, подтвердив то, что я слышал ранее". Другой оговаривал, что необходимо соблюдать тишину, иначе европейские военные могут допросить его жену, и в этом случае он был бы вынужден убить ее. Мистер Ховитт также обнаружил, что имя Дарумулун (в религии) слишком священо, чтобы произносить его иначе, как почти шепотом, в то время как полное исключение женщин из мистерий и религиозных знаний под страхом смерти признано универсальным среди племен.* Подобная секретность, столь широко распространенная, вряд ли совместима с юмористическим обманом местных жителей.

Во всем есть элемент юмора. Мистер Мэннинг в 1882 году обратился к своему другу мистеру Манну с просьбой засвидетельствовать превосходительство Черного Энди, туземца, от которого он почерпнул большую часть своих записей, которые были подтверждены другими чернокожими свидетелями. Мистер Манн встал и ответил, что "он никогда не встречал ни одного аборигена, который по-настоящему верил бы в Высшее Существо". При перекрестном допросе они всегда говорили, что получили информацию от миссионера или другого местного жителя. Мистер Манн не упоминал Черного Энди, который рассматривал все эти местные религиозные идеи как фильтрацию из европейских источников. мистер Палмер, с другой стороны, подтвердил слова мистера Мэннинга, который повторил выражение своих убеждений.** Таково, следовательно, запутанное состояние доказательств.

* Ховитт, .7. А. I., xiii. 193.

* Мистер Манн рассказал историю местной магии, увиденную им самим, которая могла бы вызвать скептицизм у людей, не знакомых с тем, на что способны эти фокусники.

Можно утверждать, что скрытность и робость информаторов мистера Мэннинга, соответствующие опыту мистера Ховитта, свидетельствуют в пользу утверждения; что в 1845 году, когда мистер Мэннинг делал свои записи, миссионеров было мало, и что туземец, подвергнутый "перекрестному допросу" скептическим и жизнерадостным мистером Манном, вероятно, не стал бы возражать. (Лаббок, О. of С., стр. 4.) Доверие завоевывается только симпатией, и один исследователь узнает подлинные легенды и фольклор от кельта, в то время

как другой, типичный англичанин, потерпит полную неудачу в этом вопросе, говорит Мэннинг: "Скептикам следует подумать о том, как легко может быть интеллигентным мужчинам провести почти всю жизнь среди чернокожих в любой части этого континента, не заручившись доверием даже лучших из окружающих их туземцев, через которых они, возможно, познакомятся с их религиозными тайнами, секретами, которые они вообще не осмеливаются раскрывать ни своим женщинам, ни своим родственникам ". взрослые юноши до последнего давали клятву молчания в рамках той ужасающей церемонии, которую описывают мои заметки". Точно так же миссис Лэнглох Паркер обнаружила, что соседка-европейка спросила бы: "А есть ли у черных какие-нибудь легенды?" и мы процитировали мистера Хартта о трудностях добывания легенд на Амазонке, в то время как мистеру Спроуту пришлось долго жить среди племен Британской Колумбии и очень сблизиться с ними, прежде чем он смог получить какую-либо информацию об их верованиях. Таким образом, автор настоящей статьи не склонен верить, что сведения, представленные мистеру Мэннингу с застенчивой секретностью в 1845 году, были полностью местной копией недавно полученных намеков на религию, полученных от европейцев, тем более что мистер Хоуитт, который долго жил среди курнаи и много писал о них, ничего не знал об их религии до того, как, примерно в 1882 году, он был посвящен и допущен к знаниям, подобным знаниям мистера Мэннинга в 1845 году. Теория заимствования также проверяется очень похожими верованиями дикарей, о которых сообщалось из Северной Америки до прибытия единственного миссионера, и из Африки. Для австралийских, африканских и американских идей есть общая точка соприкосновения, которую нелегко объяснить, поскольку она выводится из христианства. Таким образом, согласно мистеру Мэннингу, туземцы верили в существо по имени Бойма, обитающее на небесах, "неподвижно закрепленное в хрустальной скале, где видна только верхняя половина сверхъестественного тела". Теперь, примерно в 1880 году, местный житель описал Байаме мистеру Ховитту как "очень великого старика с бородой", из плеч которого растут хрустальные колонны, подпирающие небесное свод. Это видение Байаме было замечено туземцем, очевидно, в результате распространенной во всем мире практики созерцания кристаллов. * Мистер Тайлор подозревает, что "старик с бородой" заимствован из христианских художественных представлений, но старики, как известно, являются наиболее почитаемыми объектами среди аборигенов. Обращаясь теперь к *другим австралийским легендарным рассказам миссис Лэнглох Паркер* (стр. 90), мы находим Байами "привязанным к хрустальной скале, на которой он сидел в Буллиме" (Рау). Должны ли мы предположить, что какой-нибудь дикарь, увлеченный христианским учением, добавил эту особенность хрустальной скалы из "стеклянного моря" Апокалипсиса или с великого белого трона и преуспел в обеспечении широкого признания и длительного сохранения идеи, заимствованной у европейцев? Вероятно ли, что главные противники христианства повсюду, вирринаны или колдуны, ухватились бы за эту идею, внедрились бы ее в консервативный ритуал Мистерий и скрыли бы ее от женщин и детей, которые так же открыты миссионерскому влиянию, как и взрослые? Однако от местных женщин и детей эта вера, безусловно, скрывается.

* J. A. I., xvi. стр. 49, 60.

Мистер Мэннинг, который предвосхищает свое собственное дело, говоря о Бойме как о "Всемогущем", затем представляет нам "Сына Божьего", равного отцу в том, что касается его всеведения, и в остальном лишь немного уступающего ему. Мистер Эйр уже сообщал о нерожденных сыновьях Ноореле: "матери нет". Сына Боймы зовут Грогорагалли. Он следит за

поведением и относит хороших в Баллиму (Буллима в "Миссис Лэнглох Паркер"), плохих - в Уруму, место огня (гамби). Мистер Эйр подтвердил сходные идеи о будущей жизни душ с Нуреле. (Эйр, ii. 357.) В книге миссис Лэнглох Паркер Посланник назван "Всевидающим Духом", по-видимому, идентичным ее Валахгурунбуану, чей голос слышен в шуме *тундуна*, или рева быка, используемого в Мистериях.*

* Другие легендарные рассказы, стр. 86.

Грогорагалли не рожден ни от одной матери. Мистер Мэннинг представляет его как посредника между Боймой и расой людей. Здесь наша вера может рухнуть, и большинство людей подумают, что Черный Энди был хорошо обученным христианским оглашенным. Это пришло в голову мистеру Мэннингу, который прямо сказал об этом Энди. Он ответил, что существование имен на родном языке для священных личностей и мест доказывает, что они не европейского происхождения. "Белые люди не называют место волнистых попугайчиков (рай) "Баллима" или другое место "Урума", ни Бога "Бойма", ни Сына "Грогорагалли", только мы, черные люди, думаем и называем их так на нашем родном языке, до того, как в страну пришли белые люди". Сын или заместитель главного божественного существа, фактически, встречается среди курнаи и в других племенах. Он руководит мистериями. Итак, здесь Энди поддерживают друзья-аборигены мистера Ховитта. Их божество санкционировало мораль "до прихода белых людей в Мельбурн" (1835) и в тот же день было названо "Отче наш". * Несколько стариков настаивали на этом, исходя из их собственных знаний. Они были начаты еще до прихода европейцев. Архидьякон Гюнтер получил те же заявления от старых аборигенов, и м-р Палмер, говоря о других представлениях о племенах Севера, совершенно убежден, что ни одна из их идей не была заимствована у белых.** В любом случае, интеллект и логика Черного Энди намного превосходят то, что большинство людей приписывают его расе. Если мы ему не верим, то, я думаю, это должно быть связано с тем, что он сознательно добавлял европейские идеи к названиям местного происхождения. С другой стороны, аналогичные идеи, выраженные не так поразительно, как в христианской терминологии мистера Мэннинга, встречаются во многих частях Австралии.

* J. A., xiii. стр. 192, 193,

** Указ. соч., стр. 290.

Далее мистер Мэннинг цитирует Муджигалли, первого человека, бессмертного, культурного Героя и посланника Боймы. В Гамби есть своего рода средневековые демоны, Варамолонг, которые наказывают нечестивых (убийц, лжецов и нарушителей брачных законов). Женщины не ходят в Баллиму, поскольку Бойма соблюдает целибат, и женщины ничего не знают обо всех этих тайнах; конечно, эта секретность не имеет христианского происхождения. Если женщины узнают секрет, вся раса должна быть уничтожена, мужчины сойдут с ума и будут убивать друг друга. Мы увидим, что это предположение подтверждается. Но если миссионеры проповедовали эти идеи, женщины уже должны были знать о них все. Информация мистера Мэннинга была подтверждена чернокожим жителем за 300 миль отсюда, который позвонил Грогорагалли по имени Боймагела. Здесь нет молитв, кроме как за умерших при погребении: это подтверждается прекрасной легендой миссис Лэнглох Паркер об Иирине. "Байами, - кричат

скорбящие, -пусти дух Иирина в Буллиму. Спаси его от Элеанба вунда, обители нечестивых. Ибо Иирин был верен на земле, верен законам, которые ты оставил нам!"* Символ веры преподается мальчикам при посвящении с помощью гимна, который информатор мистера Мэннинга не осмелился раскрыть. Он сердито сказал, что мистер Мэннинг и так знает больше, чем любой другой белый человек. Так вот, придумать гимн не могло быть выше сил этого замечательного дикаря, Черного Энди. "Сыновья" Байаме, как мы видели, соответствуют тем, которые приписываются Ноореле в книге мистера Эйра. Они также соответствуют Дарамулуну, где он считается сыном Байаме, в то время как Культурный Герой Муджигалли, основатель Мистерий, среди курнаев соответствует Тундуну. ** У нас также есть в Австралии Давед, подчиненный, где Мангарра является Создателем в племени Ларракия.***

* Еще австралийские сказки, стр. 96.

** Хауитт, Дж. А. / ., 1885, стр. 313.

*** J. A. I., ноябрь 1894, стр. 191.

В некоторых случаях ответственность за зло, боль и наказание перекладывается с творца добра на плечи его подчиненного. Так было в ранней Вирджинии с Океусом, подчиненным Создателя, добрым Ахоном.* У нас также есть в Западной Африке непопулярный Ньянкупон со своим активным подчиненным, совершающим человеческие жертвоприношения, Бобовисси; ** а Мулунгу в Центральной Африке "обладает многими могущественными слугами, но сам держится за кулисами земных дел, подобно богам Эпикура". *** Стоит отметить аналогию с Сыном, выразителем божественной воли, у Аполлона и Зевса (конечно, не христианского происхождения!). На Андаманских островах мистер Манн после долгих и тщательных расспросов ранее незараженных туземцев сообщает о единственном сыне Пулуги, "своего рода архангеле", которому единственному разрешено жить со своим отцом, приказы которого он обязан доводить до *моро-вин*, его сестер, служителей Пулуги, ангелов, то есть низших исполнителей воли Пулуги.

Уильям Стрейчи, Общество Хаклюит, глава vii., дата 1612 г.

* Эллис, Религия народов, говорящих на языке тши.

*** Макдональд, Африка, том i, стр. 67.

**** J. A. I., xii, стр. 158.

Именно науке предстоит определить, насколько эта поразительная идея о Сыне является естественным результатом желания уберечь отдаленное и несколько недоступное достоинство Высшего Существа от проявлений активности; и насколько это дикое преломление миссионерского учения, даже там, где оно кажется предшествующим миссионерскому влиянию, которое у этих рас потерпело почти полный провал. Предмет изобилует трудностями, но скептик должен объяснить удивительно быстрое принятие европейских идей самым консервативным классом дикарей, врачами или колдунами; допущение идей в самый

консервативный из институтов дикарей, Мистерии; крайнюю сдержанность в отношении идей в присутствии тех самых европейцев, от которых они, как говорят, были заимствованы; и в некоторых случаях сокрытие идей от женщин, которые, как можно предположить, так же открыты миссионерскому учению, как и мужчины. Очень легко говорить о "заимствовании", не так-то просто объяснить эти моменты теорией заимствования, особенно когда часто встречаются свидетельства того, что идеи предшествовали приходу христианских учителей.

По этому важнейшему пункту, вопросу о заимствовании, я могу процитировать мистера Манна относительно верований андаманцев. Мистер Манн провел на островах одиннадцать лет и в течение четырех лет руководил нашими усилиями по "возвращению" некоторых туземцев. Он хорошо знаком с южноандаманским диалектом и изучал другие формы этого языка. Этот превосходный свидетель пишет: "Крайне маловероятно, что их легенды были результатом учения миссионеров или других лиц". У них нет традиций прибытия каких-либо иностранцев, и их репутация (незаслуженная) каннибалов, с их свирепостью по отношению к захватчикам, "исключает веру" в то, что кто-либо когда-либо поселялся там, чтобы обратить их в свою веру или проинструктировать. "Более того, относиться с подозрением, как это сделали некоторые, к подлинности таких легенд свидетельствует о незнании того факта, что многочисленные другие племена в столь же отдаленных или изолированных местностях, когда их впервые обнаружили, обладали сходными традициями по рассматриваемому вопросу", Далее: "Я позаботился не только о том, чтобы получить информацию по каждому пункту от тех, кого их соплеменники считают авторитетами, но [также и от тех], кто, практически не общаясь с другими расами, пребывал в полном неведении относительно чего-либо, кроме своих собственных легенд", которые "все они сходятся во мнении". заявляя, были переданы им их первым родителем, То-мо, и его непосредственными потомками".* То, что м-р Манн говорит о непривычном характере верований андаманцев, применимо, конечно, к еще более отдаленным и недоступным туземцам Австралии.

Из того, что было сказано, и из того, что еще предстоит сказать, следует помнить, что высшие религиозные идеи, приписываемые австралийцам, не являются их единственными идеями в этом вопросе. Примеры их диких мифов уже приводились, они тоже тотемисты и боятся призраков, хотя и не умиляют их. Смутные духи, не связанные узами, также внушают страх и вдохновляют колдунов и поэтов **, как и бог Бунджил.***

* J. A. I., xii. стр. 156, 157.

** Там же.у xvi., стр. 330, 331. О Бунджиле.

*** В "Фольклоре" за декабрь 1898 года можно найти эссе, мистер Хартленд, посвященное моему рассказу об австралийских богах. Приводя в пример множество диких или комических мифов (некоторые из них были неизвестны мне, когда я писал "Создание религии"), мистер Хартленд, кажется, утверждает, что они разрушают святость других сосуществующих местных верований более высокого рода. Но, согласно этой теории, какая религия священна? У всех есть противоречивые мифы. Смотрите Введение.

Обращаясь к ранним отчетам об австралийской религии, скажем, с 1835 по 1845 год, мы обратимся к более свежим сообщениям. Лучшим доказательством является труд м-ра Ховитта, который вместе с м-ром Файсоном заложил основы серьезной австралийской антропологии в книге *"Камиларой и Курнай"* (1881). В 1881 году мистер Хоуитт, хотя и был давно и близко знаком

с племенами Гиппсленда, ярры, Верхнего Мюррея, Мурумбиджи и других округов, не обнаружил никаких следов веры в высшее моральное Существо. Однако впоследствии он был посвящен, или менее формально посвящен в тайну, двумя членами племени браджерак (диких) чернокожих парней, не из того же племени, что и курнаи. Обряды этих бывших аборигенов называются Курингал. Их верховное существо - Дарамулун, в который верят от морского побережья до северной границы, на которую претендуют вольгалы, около Яссов и Гундагая, и от Омео, по крайней мере, до реки Шолхейвен.... Его, как мне кажется, не везде считали злобным существом, но его боялись как человека, который мог сурово наказать за нарушения, совершенные против этих племенных постановлений и обычаев, первое установление которых приписывается ему.... Учили также, что сам Дарамулун наблюдал за юношами с неба, побуждая наказывать болезнью или смертью за нарушение его предписаний ". Часто это просто табу; один старик сказал: "Я не мог есть яйца эму. Он бы очень разозлился, и, возможно, мне следовало бы умереть". Вряд ли кто-то станет утверждать, что дикари недавно позаимствовали у миссионеров эту концепцию Дарамулуну как создателя и хранителя племенных табу. Оппоненты должны признать его представителем естественной эволюции по крайней мере в этом качестве. Кредо Дарамулуну не передается женщинам и детям. "Говорят, что женщины среди нгарега и вольгалов знали только, что за пределами неба живет великое существо, и что они говорили о нем как о Папанге (Отце). Когда я впервые услышал это, мне показалось, что это имеет такое подозрительное сходство с верованиями, унаследованными от белых людей, что я счел необходимым провести тщательные и неоднократные расспросы. Мои информаторы из Нгарега и Вольгала, двое из них старики, упорно утверждали, что так было до прихода белых людей ". Сами они узнали об этом учении только тогда, когда были посвящены, еще мальчиками, стариками того далекого времени. Мистеру Ховитту было произнесено имя Дарамулун почти шепотом, и использовались такие фразы, как "Он", "тот человек", "имя, о котором я вам говорил". Такую же тайну сохранил человек из племени войвоунг о Бунджиле, или Панджеле, "хотя он не выказывал такого большого нежелания, когда повторял мне "народные предания", в которых "Великий Дух" кулина играет определенную роль". Этот свидетель использовал слово "Он" или жестовые знаки, который рассказал, как его дед предупредил его, что Бунджил наблюдает за его поведением со звезды: "он может видеть тебя и все, что ты здесь делаешь" — "до того, как белые люди пришли в Мельбурн". (1835).*

* J. A. I.f. xiii, 1884, стр. 192, 193.

Должны ли мы верить, что в отношении белых людей сохраняется такая мистическая тайна о Существо, о котором впервые слышат от белых людей? И правдоподобно ли, что "старики", хранители племенных традиций и самые консервативные из смертных, позаимствовали новое божество у "белых дьяволов", скрыли доктрину от женщин (столь же доступных миссионерскому обучению, как и они сами), приняли новое Существо как основателя древних мистерий и ввели его в центральный обряд? И могли ли туземцы делать это постоянно, по крайней мере, примерно с 1840 года? Верить во все это - значит демонстрировать доверчивость скептицизма.

Г-н Ховитт добавляет факты о племенах "от Туофолд-Бэй до Сиднея и, по крайней мере, так далеко на запад, как Хэй". Здесь тоже Дарамулун установил обряды; его голос слышен в шуме кружащегося *маджи* (ревущего быка). - Говорят, что раскаты грома - это его голос, "призывающий дождь пролиться и сделать траву зеленой". Таковы "истинные слова Умбары, менестреля племени".*

В ритуалах уважение к возрасту, к истине, к незащищенным женщинам и замужним женщинам, а также другие детали сексуальной морали частично прививаются в непристойных танцах. Магическая церемония, напоминающая месмерические пассы и сопровождаемая словом "Хорошо" (*нга*), предназначена для того, чтобы сделать мальчиков приемлемыми для Дарамулуна. Его временное изображение создается на возвышенности (подлежит уничтожению после совершения обрядов), затем объясняются его атрибуты. "Это Мастер (Бьямбан), который может пойти куда угодно и сделать что угодно". ** Старик похоронен и воскресает. "Эта церемония очень впечатляющая". "Мы пользуемся возможностью неизгладимым образом запечатлеть в сознании молодежи те правила поведения, которые составляют моральный закон племени". "Очевидно, существует вера в Великого Духа или, скорее, антропоморфное Сверхъестественное Существо, Повелителя Всего Сущего, чья обитель находится наверху, в небе, и которому приписываются силы всемогущества и вездесущности, или, во всяком случае, способность делать что угодно и идти куда угодно.... Его прямым указаниям приписываются социальные и моральные законы сообщества". Г-н Ховитт заканчивает: "Я осмеливаюсь утверждать, что больше нельзя утверждать, что [австралийцы] не имеют веры, которую можно назвать религиозной, то есть в смысле верований, которые управляют племенной и индивидуальной моралью с санкции сверхъестественных сил". ***

* J. A. I., 1884, стр. 446.

** Указ. соч., стр. 453.

*** J. A. I., 1884, стр. 459.

Среди обрядов есть один, который, "как говорят, предназначен для того, чтобы научить мальчиков говорить чистую правду, и кабо (мистагоги) таким образом объясняют им это". *

Возможно, прискорбно, что мистер Ховитт не дает полного отчета о том, что включает в себя санкционируемая таким образом мораль. Говорится только об уважении к возрасту, к правде, к незащищенным женщинам и к природе (в том, что касается избегания определенных неестественных пороков), в дополнение к табу, которые не имеют никакого отношения к развитой морали. Мистер Палмер, говоря о морали, заложенной в мистериях северных австралийцев, добавляет к элементам этики, упомянутым мистером Ховиттом на юге, урок "не быть сварливым". Каждому юноше дается "кем-либо из старших совет настолько добрый, отеческий и внушительный, чтобы часто смягчать сердце и вызывать слезы у молодежи". **

* J. A. I., xiii. 444.

** Ibid., xlii 296.

Пока что мораль, санкционируемая религией, такова, что люди, вероятно, будут развиваться, и, вероятно, никто не станет утверждать, что она была заимствована у европейцев. Утверждается, что мораль является только такой, какую племена могли бы развить естественным образом, главным образом в интересах старого (правлящего класса) и общественного порядка (Харт-ленд, указ. соч., стр. 316-329). Чем еще кто-либо когда-либо предполагал *нравы* народа, *плюс* все, что может быть допущено для проявления доброты или любви, которые, безусловно, существуют? Я

никогда не намекал на мораль, ниспосланную Богом и сверхъестественными явлениями. Австралийцам было отказано во всякой морали. И все же в религиозных обрядах их "учат говорить чистую правду"! Что касается женщин, то в Австралии есть районы, где царит отвратительная распущенность, за исключением случаев, запрещенных чрезвычайно сложными правилами запрещенных степеней. Такими районами являются Центральная Австралия и северо-запад Центрального Квинсленда.*

Еще один момент в показаниях мистера Ховитта заслуживает внимания. Сначала он написал: "Верховное Существо, в которое верят все племена, о которых я здесь говорю, либо как в доброжелательное, либо чаще как в злобное существо, как мне кажется, представляет покойного вождя". Мы видели, что мистер Ховитт стал рассматривать "недоброжелательность" всего лишь как карательный аспект "Высшего Существа". Что касается теории о том, что такое существо представляет собой мертвого вождя, нигде не приводится никаких доказательств того, что призраки вождей каким-либо образом умилоствуются. Даже "кормление трупами" было представлено мистеру Доусону интеллигентными пожилыми чернокожими как "окорок белых парней".* Миссис Лэнглох Паркер пишет мне, что у нее, когда она начала изучать чернокожих, "было, я должен признать, предубеждение в пользу теории мистера Герберта Спенсера — она казалась такой рациональной, но, принимая свидетельства моих дикарей, я должен отбросить ее". Что касается "подношений пищи умершим", миссис Лэнглох Паркер обнаружила, что не предлагалось ничего, кроме еды, "которая случайно оказалась при трупе" в момент его кончины.

По этим причинам почти невозможно, чтобы "Высшее Существо" "представляло мертвого вождя", поскольку мертвецам любого рода дань не выплачивается. Сам мистер Ховитт, по-видимому, отказался от гипотезы о том, что Дарамулун представляет собой мертвого вождя, поскольку он говорит о нем как о "Великом Духе" или, скорее, "антропоморфном Сверхъестественном Существо", ***

* Спенсер, Гиллен и Рот.

** Доусон, аборигены Австралии.

*** J. A. I., 1884, стр. 458.

Вполне возможно, что Великий Дух может развиваться из маленького духа, даже из призрака соплеменника. Но для концепции "сверхъестественного антропоморфного существа" идея "духа" необязательна. Люди могли бы представить себе такое существо еще до того, как им приснился призрак.

Будучи посвященным в тайны одной группы племен, мистер Ховитт получил возможность добиться допуска к тайнам другой группы "кланов", курнаев. В течение двадцати пяти лет Джераил, или мистерия, находилась в бездействии, поскольку они много общались с европейцами. Старики, однако, заявили, что они в точности воспроизвели (с одним признанным дополнением) церемонии предков. Они были рады сделать это, потому что их ребята "теперь не обращали внимания ни на слова стариков, ни на слова миссионеров".*

* J. A. I., 1885, стр. 304.

Именно это обычно и происходит. Когда мы встречаемся с диким племенем, мы разрушаем старые основы его морали и не заменяем ничего нового из нашей собственной. "Они не обращают внимания на слова миссионеров", но бездельничают, пьют и играют в азартные игры, как станционные рабочие, "выбивающие чек".

Следовательно, в храме теперь проводится обряд, неизвестный до прибытия европейцев. Свифт был бы в восторге от этой церемонии. "Считалось, что мальчики, прожив так много времени среди белых, стали эгоистичными и больше не желали делиться тем, что они получили собственными усилиями или что было дано им самим, со своими друзьями". Поэтому мальчиков поставили в ряд, и инициатор, или мистагог, склонился над первым мальчиком и, бормоча какие-то слова, которых я не мог разобрать, стал массировать руками живот мальчика. Это он проделал с каждым из них последовательно, и Курнаи предположил, что таким образом "жадность" (---) "молодежи будет изгнана".*

* Указ. соч., стр. 310, 311.

Бескорыстие вовсе не является доктриной, заимствованной курнаи у христиан и введенной в их обряды, оно (как мы видели на примере арунта в Центральной Австралии) является частью традиционной морали — "старых добрых добродетелей предков", — говорит мистер Ховитт, — этих племен. Необходима специальная церемония, прежде чем можно будет вдохновить чернокожих на бескорыстие, которые много прожили среди приверженцев Евангелия.

Таким образом, "один сатирический штрих", по-видимому, демонстрирует, что местная этика не имеет миссионерского происхождения.

Преодолев угрызения совести стариков, доказав, что он действительно прошел инициацию в Курингале, мистер Хоуитт был допущен к центральному обряду Курнаи "показ Дедушки". Суть его в том, что у *мистов* головы укутаны одеялами. Когда их выхватывают, инициатор торжественно указывает на небо своей метательной палкой (которая приводит в движение копья), а затем указывает на Тундуна, или ревущего быка. Этот предмет (---) также использовался в мистериях Древней Греции и до сих пор используется в ритуалах дикарей во всех частях света.

Затем торжественно раскрываются "Верования предков". Представляется желательным свободно процитировать "сокращенную" версию мистера Хауитта. "Давным-давно жило великое Существо по имени Мунган-нгаур". Здесь добавляется примечание, что Мунган означает "Отец", а "нгаур" означает "Наш".

- У него нет другого имени среди курнаев. В других племенах Великое Верховное Существо, помимо того, что его называют "отцом", имеет имя, например Бунджил, Байаме, Дарамулун". "Это Существо жило на земле и обучало курнаев... всем искусствам, которые они знают. Он также дал им имена, которые они носят. У Мунган-гнаура был сын" (доктрина сыновства, уже отмеченная м-ром Мэннингом)"по имени Тундун (рев быков), который был женат и который является прямым предком — вейнтуином или отцом отца — курнаев. Мунган-нгаур учредил

Джераил (мистерии), которыми руководил Тундун, изготовивший инструменты " (большой и маленький ревуны для быков, как и в Квинсленде) ", которые носят имена его самого и его жены.

- Какой-то предатель племени нечестиво раскрыл женщинам секреты джерайлов и тем самым навлек гнев Мунгана на курнаев. Он послал огонь, который заполнил широкое пространство между землей и небом. Люди сошли с ума и пронзали друг друга копьями, отцы убивали своих детей, мужа - своих жен, а братья - друг друга ". Это подтверждает слова Черного Энди. "Затем море нахлынуло на сушу, и почти все человечество утонуло. Те, кто выжил, стали предками курнаи.... Тундун и его жена превратились в морских свиней" (как Аполлон в гомеровском гимне превратился в дельфина), "Мунган покинул землю и вознесся на небо, где он остается до сих пор".*

* Указ. соч., стр. 313, 314.

Здесь Сыну не приписывается ни один из атрибутов посредничества в версии Мэннинга, но всеобщая резня, как следствие раскрытия эзотерической доктрины, является общей для обоих рассказов.

Мораль прививается позже.

1. "Слушать стариков и повиноваться им.
2. Делиться всем, что у них есть, со своими друзьями.
3. "Жить в мире со своими друзьями.
4. "Не вмешиваться в дела девушек или замужних женщин.
5. "Соблюдать пищевые ограничения, пока старики не освободят их от них". [Как в Элевсине.]

Эти доктрины и всю веру в Мунган-нгаура "курнаи тщательно скрывали от меня, - говорит мистер Ховитт, - пока я не узнал о них в Джераиле". * Теперь мистер Ховитт признает, что Мунган-нгаур "скорее милосердный отец и добрый, хотя и суровый глава всего племени ... чем злобный волшебник".... Он считает, что "возможно, это свидетельствует о глубокой древности, что эта идентичная вера составляет часть центральных мистерий такого изолированного племени, как курнаи, а также тех племен, которые свободно общались друг с другом".

Поскольку мораль, утверждаемая Мунган-нгаурами, - это просто существующая племенная мораль (частью которой является бескорыстие, как в Центральной Австралии), кажется, нет причин приписывать ее миссионерам, на которых совершенно не обращают внимания. Эту часть свидетельства можно завершить заявлением мистера Ховитта: "За сводчатым небом лежит таинственный дом того великого и могущественного Существа, которое на языках разных племен называется Бунджил, Байаме или Дара-мулун, но которое во всех случаях известно под именем, эквивалентным единственному, используемому курнаи, - Мунган-нгаур, наш Отец". **

* Указ. соч. 321, примечание 3

** J. A. I., xvi. 64.

Можно привести и другие подтверждающие доказательства. мистер Ридли, написавший буквари на языке камиларой еще в 1856 году (используя слово "байаме" для обозначения Бога), говорит: "Во всех частях Австралии, где я беседовал с аборигенами, у них традиционная вера в единого Верховного Творца", и он, как вполне возможно, удивляется утверждению об обратном в *Британской энциклопедии*, которая основывается исключительно на авторитете доктора Ланга из Квинсленда. Из имен Высшего Существа м-р Ридли дает Байаме, Анамба; в Квинсленде - Мумбал (Гром), а в Туофолд-Бей - "Ду-румбулум", что в намои означает священный посох, первоначально данный Байаме, и используется как титул Божества".*

Под "посохом" мистер Ридли, по-видимому, подразумевает Тундуна, или ревущего быка. Это я осмеливаюсь заключить из рассказа мистера Мэтьюза о вирадтури (Новый Южный Уэльс), у которых Дхурамоолан является вымершим пугалом, не отвечающим Тундуну среди курнаев, который подчиняется, как сын, Мунган-нгауру и связан с мистическим быком-ревуном, как и Гаянди, голос Посланца Байаме, среди информаторов миссис Лэнглов Паркер.** В одном племени Дара-мулун уносил и съедал посвященных мальчиков, пока его не остановил и не уничтожил Байаме. Можно предположить, что этот миф вряд ли может существовать среди таких племен, которые считают Дарамулуна вершителем мистерий.

* J. A. I., ii. (1872), 268, 270.

** Там же, xxv. 298.

Живя в контакте с камиларой, поклоняющимися Байаме, вирадтури, похоже, подшучивают над могуществом Дарамулуна, который (как мы узнали), как говорят, умер, в то время как его "дух" пребывает наверху. * Мистер Грин Уэй также считает, что Туррамулан подчинен Байаме, который "видит все и знает все, если не напрямую, то через Туррамулана, который председательствует в Бора.... Туррамулан является посредником во всех действиях Байаме на человека и во всех сделках человека с Байаме. Туррамулан означает "нога только с одной стороны", "одноногий". Здесь посреднический аспект подтверждает информацию мистера Мэннинга.** Я бы предположил, *periculo teo*, что, возможно, имел место некоторый синкретизм, племя, поклоняющееся Байаме, приняло Дарамулуна в качестве подчиненного и посредника; или Байаме, возможно, вытеснил Дарамулуна, как Зевс вытеснил Кроноса.

Далее мистер Ридли отмечает, что около восемнадцати лет назад (то есть в 1854 году) он спросил интеллигентных чернокожих, "знают ли они Байаме". Ответ был: "Камиль зайя зумми Байаме, зайя винузгулда", "Я не видел Байаме, я слышал или воспринимал его". Такой же идентичный ответ был дан в 1872 году "человеком, с которым я никогда раньше не разговаривал". "Если спросить, кто создал небо, землю, животных и человека, они всегда ответят "Байаме". Существуют различные мнения относительно будущей жизни. Все отправляются в Байаме, или только хорошие (плохие умирают вечно), или они превращаются в птиц!***

* J. A. I., xii. 194.

** Там же., vii. 242.

*** Там же, ii. 269.

Обращаясь к северо-западу Центрального Квинсленда, мы находим доктора Рота (который знает язык и частично посвящен), описывающего Мулкари как "доброжелательное, вездесущее, сверхъестественное существо. Что-нибудь непостижимое". Он предлагает предложение: "Мулкари тиккара эна" = "Господь (который обитает) среди неба". И снова: "Мулкари - это сверхъестественная сила, которая творит все, что чернокожие не могут объяснить иначе; он хороший, милосердный человек и никогда никого не убивает". Он посвящает знахарей. Его дом в небесах. Когда-то он жил на земле, и там был культурный герой, изобретавший магию и заклинания. То, что Мулкари - призрак предков, а также благотворительный Создатель, я считаю маловероятным, поскольку мертвым не воздаются почести. "Ни в коем случае не обращаться к мертвым, по-видимому, является универсальным правилом среди всех этих племен". * У мулкари есть злобная противоположность или двойник.

Доктор Рот ничего не говорит о внедрении этих доктрин в Мистериях, равно как и мессеры Дж. Спенсер и Гиллен упоминают о каком-либо подобном существе в своих рассказах о центральноавстралийских обрядах, если не считать "самосуществующих" "из ничего" унгамбикула, обитателей неба.

Предполагается, что один ритуал "делает мужчин, которые проходят через него, более добрыми", нам не говорят почему. ** У нас также есть отсылка к "великому духу Твангирике", чей голос (как говорят женщинам) слышен в реве быка. ***

* Рот, стр. 14, 36, 116, 153, 158, 165.

** Спенсер и Гиллен, стр. 369.

*** Там же, стр. 246.

"Вера в корне такая же, как и у всех австралийских племен", - пишут авторы в заметке, цитирующей Тундуна и Дарамулуна. Но они не говорят нам, включает ли вера арунта утверждение морали Твангирикой. Если нет, то неужели жители Центральной Австралии никогда не развивали эту идею или они ее утратили? У них было не меньше опыта общения с белыми людьми (или, скорее, гораздо больше), чем у верующих в Байаме или Бунджил, "до того, как белые люди пришли в Мельбурн", и, если одна группа племен позаимствовала идеи у белых, почему этого не сделали другие?

Собранные здесь доказательства не являются исчерпывающими. Мы могли бы сослаться на Пирнмехила, доброе существо, которого черные любили до того, как миссионеры научили их бояться его.*

* Доусон, австралийские аборигены.

Мистер Доусон приложил все возможные усилия, чтобы получить достоверную информацию и установить, была ли вера в Пирнмехил доевропейской. Он считает, что она была оригинальной. Идея "богослужебного заимствования" отвергается Мэннингом, Гюнтером, Ридли, Гринуэем,

Палмером, миссис Лэнглох Паркер и другими, выступающими от имени подготовленных наблюдателей и (в нескольких случаях) лингвистов, изучающих туземцев на месте, начиная с 1845 года. Мистер Хейл (1840) считает это крайне маловероятным. Это отвергает Вайц-Герланд, выступая за прилежную науку в Европе. Мистер Ховитт, начавший с недоверия, теперь, по-видимому, считает описанные верования туземными. С другой стороны, у нас есть м-р Манн, которого уже цитировали, и большой авторитет м-ра Э. Б. Тайлора, которому, однако, еще предстоит ответить на аргументы в пользу местного происхождения верований, которые я осмелился предложить. Такими аргументами являются возникновение Байаме до прибытия миссионеров; секретность для европейцев относительно идей, заимствованных (по мнению мистера Тайлора) у европейцев; невежество женщин в этих областях; печально известный консерватизм "докторов", которые распространяют символ веры в отношении ритуалов и догм, и другие соображения, которые были полностью изложены. Тем временем я осмеливаюсь думать, с поправкой на то, что, хотя Черный Энди, возможно, преувеличивал, или мистер Мэннинг, возможно, приукрасил свои доказательства христианской терминологией, и хотя мифические наслоения на религиозные верования многочисленны, все же самая низшая известная человеческая раса достигла религиозной концепции, намного превосходящей ту, которую обычно приписывают дикарям, и не сделала этого с помощью "теории привидений" антропологов. В этом вероучении отсутствуют жертвоприношения и поклонение духам.*

Мне показалось, что стоит уделить место и внимание австралийским верованиям, потому что на огромном континенте проживают самые архаичные и отсталые из существующих рас. Возможно, у нас пока нет достаточного набора фактов, подвергнутых микроскопической критике, но представленные здесь доказательства, по-видимому, заслуживают внимания. Сведения о еще более архаичных, но вымерших тасманийцах и их религии слишком скудны, слишком случайны и слишком противоречивы для нашей цели. **

* Эти австралийские боги сбивают с толку.

1. Дарамулун - высший среди обитателей побережья. J. A. I., ziv. 432-459.
2. Байаме - верховный, Дарамулун - вымершее пугало среди вирадтури. J. A. I., xxv. 298.
3. Байаме - верховный, Дарамулун - "посредник" среди камилароев. J. A. I., vii. 242.

** Посмотрите "*Тасманийцев*".

ГЛАВА XIII. БОГИ НИЗШИХ РАС.

Боги бушменов—Канн, кузнечик?—Боги готтентотов — "Раненое колено", мертвый колдун—Меланезийские боги—Кат и паук —Ахт и звери маори-боги и люди-боги—Самоанская форма животных-боги— Один бог, воплощающийся во многих животных формах — По одному для каждого клана —Они наказывают за поедание определенных животных.

Переходя от Австралии к Африке, мы находим несколько рас, менее развитых, чем бушмены (Sаn, "поселенцы", в Нама). Какой бы точки зрения ни придерживались на прошлую историю бушменов Южной Африки, несомненно, что в настоящее время они представляют собой расу на очень низком уровне развития. "Даже готтентоты, - согласно доктору Блику, - превосходят бушменов по цивилизации и политической организации".*

* См. Waitz, Антроп. Нац. Volk, ii. 323-329.

Прежде чем исследовать религиозные мифы бушменов, следует повторить, что, как обычно, их религия находится на гораздо более высоком уровне, чем их мифология. Концепция невидимых или сверхъестественных сил, которую они поддерживают и проявляют в моменты серьезной нужды, совсем не похожа на те истории, которые они рассказывают о своих собственных.

Наши основные источники в настоящее время по мифам бушменов содержатся в "Кратком отчете о фольклоре бушменов", Блик, Лондон, 1875 г.; и в "Кратком обзоре мифологии бушменов малути", написанном мистером Орпеном, главным судьей территории Сент-Джонс, Ежемесячный журнал Cape Monthly Magazine, июль 1874 г. Некоторую информацию также можно почерпнуть из южноафриканского фольклорного журнала "Боги", 1879-80, если богами можно назвать таких мифических существ. Так, Ливингстон говорит: "Расспрашивая разумных людей среди баквейнов относительно их прежних знаний о добре и зле, о Боге и будущем государстве, они отвергли идею о том, что кто-либо из них когда-либо не имел достаточно четкого представления обо всех этих предметах".* Их представления о грехе были такими же, как у Ливингстона, за исключением полигамии и, по-видимому, убийства. Вероятно, были и другие незначительные расхождения. Но "они точно так же говорили о непосредственном влиянии, оказываемом Богом в даровании дождя в ответ на молитвы создателей дождя и в даровании избавления во времена опасности, как они это делают сейчас, еще до того, как услышали о белых людях". Этого следовало ожидать. Короче говоря, религия дикарей, в ее детской и полной надежд зависимости от невидимого друга или подруг, в ее надежде тронуть его (или их) молитвой, в ее вере в то, что он (или они) "стремится к праведности", абсолютно человечна. С другой стороны, как в мифах Греции или Индии, стоят абсурдные и нечестивые истории о богах.

* Миссионерские путешествия, стр. 158.

Теперь мы обратимся к рассказу бушмена о религиозных мифах своего племени. Вскоре после дела Ланга-либалеле мистеру Орпену представилась возможность исследовать неизвестную часть хребта Малути, самых высоких гор Южной Африки. Он нанял разведчика по имени Цин, сына вождя почти истребленного клана горных бушменов. Теперь он был егерем короля Нкуши, сына Мороси, на Оранжевой реке и *никогда не видел белого человека, разве что в бою*. Таким образом, европейские сообщения не могли сильно повлиять на показания Цина. Мистер Орпен заручился услугами Цина, который был молодым человеком и могучим охотником. Предложив ему объяснить настенные рисунки в пещерах, мистер Орпен побудил его рассказать о Кане, главном мифическом существе в религии бушменов. "Кан сотворил все, и мы молимся ему", - сказала Цин. "Сначала он был очень хорошим, но его избаловали из-за того, что он боролся со многими вещами". Молитва, произнесенная Цин "тихим умоляющим голосом", звучала так: "О Кань, о Кань, разве мы не твои дети? Разве ты не видишь нашего голода? Дай нам еды". "Где

находится Кань, Цин не знал", но эландцы знают. Разве ты не охотился и не слышал его крик, когда антильские острова внезапно прибежали на его зов?" * Далее следует миф. У Канна есть жена по имени Коти. "Как он появился на свет? Возможно, с теми, кто принес солнце... только посвященные в этот танец знают эти вещи".**

* Другая молитва бушменов, трогательное обращение, приводится в книге "Экспедиция Александра", ii. 125, а молитвенный гимн Хой-Хой - в книге "Хан", стр. 56, 57.

** Ср. Обычай и миф, стр. 41, 42. Похоже, что бушмены, подобно египтянам и грекам, передают мифы через эзотерические общества с драматическими тайнами.

У Канна было двое сыновей, Когаз и Гкви. Он и они были "великими вождями", но использовали палки-копалки с каменными наконечниками, чтобы добывать съедобные корни! Жена Кана родила олененка, и, подобно Кроносу, когда Рея подарила ему жеребенка, Кан был вынужден узнать характер и будущую судьбу своего ребенка. Чтобы проникнуть в будущее, он использовал обычные местные чары и колдовство. Остальная часть мифа объясняет происхождение эландов и их неудобную дикость. Дочь Канна вышла замуж за "змей, которые тоже были людьми", вечная путаница в мыслях дикарей. Эти змеи стали народом Канна. У Канна был зуб, который был "великим лекарством"; в нем заключалась его сила, и он одалживал его людям, к которым благоволил. Птицы (как и в случае с Одином) были его посланниками и приносили ему новости обо всем, что происходило на расстоянии.*

* Сравните с неиссякаемой энергией Канна, заключенной в его зубе, европейские и египетские примеры аналогичного мифа — локон Миноса, волосы Самсона — во введении к книге Миссис "Домашние рассказы братьев Гримм" Ханта, стр. lxxv.

Он мог превратить свои сандалии и дубинки в собак и натравить их на своих врагов. Бабуины когда-то были людьми, но они оскорбили Канна и вместе с ношей спели песню "Канн думает, что он умный"; поэтому он загнал их в безлюдные места, и они прокляты по сей день. Его сильной стороной была коллекция амулетов, которые он, как и другие бушмены и готтентоты, держал "за поясом". Он мог принимать и принимал облик животного; например, быка-антилопы. Шипы когда-то были людьми и убили Канна, и муравьи съели его, но его кости были собраны, и он возродился. Раньше говорили, что после смерти люди отправлялись в Канн, но более поздние скептики-бушмены опровергли это.

Таков рассказ Цин о Кане, а Канн в мифе - просто успешный и идеализированный знахарь, чьи чары действительно действуют. Доктор Блик отождествляет свое имя с именем насекомого-богомолла. Это насекомое - главный мифологический персонаж бушменов западной провинции. Написано его имя Кагген. Доктор Блик не знал ни о какой молитве богомолу, но был знаком с обращениями к солнцу, луне и звездам. Если идентификация доктора Блика верна, Кань из Цин - это одновременно человек и что-то вроде кузнечика, точно так же, как Панджел был наполовину человеком, наполовину ястребом.

"Самая выдающаяся из мифологических фигур, - говорит доктор Блик, говоря о бушменах, - это богомол". Его настоящее имя Кагген, но если мы будем называть его Каном, интересы науки серьезно не пострадают. Его жена - "Даман Дассе". Их приемная дочь - дикобраз, дочь Кхви

хемма, Всепожирателя. Подобно Кроносу и многим другим мифологическим персонажам, всепожиратель обладает способностью заглатывать всех подряд и извергать их живьем. Доктор Блик предлагает нам лишь блуждающий и бессвязный рассказ о богомоле, или Кане, которого часто побеждают другие животные, такие как сурикат. У Канны есть, по крайней мере, один общий момент с Zeus. Как Зевс был проглочен и извергнут Кроносом, так и Канн был проглочен *Хвай хеммом*. Как Индра однажды вошел в тело коровы, так и Канн вошел в тело слона. Доктор Блик не обнаружил, чтобы богомолу молились, как Кану молилась Цин. Однако Луне (как солнцу и звездам) молятся, и "луна принадлежит богомолу", который действительно сделал ее из своего старого ботинка! Время от времени хамелеону молятся о дожде, и успешно.

Особенностью мифологии бушменов является почти абсолютное преобладание животных. За исключением "старухи", которая время от времени появляется в этих бессвязных легендах, в их мифах едва ли есть хоть одна человеческая фигура. Итак, независимо от того, являются ли бушмены глубоко выродившимися из прошлой цивилизации или нет, несомненно, что их мифы основаны на их реальном состоянии мышления, если только мы не предпочитаем говорить, что их интеллектуальное состояние проистекает из их мифов. Мы уже выводили постоянное присутствие и личные действия животных в мифах из того дикого состояния разума, в котором "все вещи, одушевленные или неодушевленные, человеческие, животные, растительные или неорганические, кажутся находящимися на одном и том же уровне жизни, страсти и разума" (глава iii). Итак, не может быть никаких сомнений в том, что, опустился ли разум бушменов до этой стадии или нет, на этой стадии он действительно пребывает в настоящее время. В качестве примеров мы можем выбрать следующее из *фольклора бушменов доктора Блика*. Диалквейн рассказал, как смерть его собственной жены была "предсказана спрингбоком и гемс-боком". Опять же, в качестве примера живой веры в общность природы с животными, Диалквейн упомянул старую женщину, свою родственницу и друга, которая обладала способностью "превращаться в львицу". Другому бушмену, Каббо, сохранившему, несомненно, во сне свое бодрствующее психическое состояние, "снились львы, которые разговаривали". Другой информант объяснил, что львы разговаривают как мужчины, "засовывая хвосты в рот".

Это понравилось бы Сидни Смит, которая считала, что "если бы львы встречались и выкрикивали друг другу свои замечания", они могли бы заметно улучшить культуру. Опять же, "все, что принадлежит богомолу, может говорить", и большинство вещей действительно принадлежат этому знаменитому существу. В "Новостях из Зулуленда"* в мифе о битве при Исандлване голубой олень превращается в юношу и нападает на британцев.

* Фольклорный журнал Южной Африки, i. iv. 83.

Эти и другие примеры демонстрируют, что вера в личный и человеческий характер и атрибуты животных все еще преобладает в Южной Африке. Из этой живой веры мы выводим личный и человеческий характер и атрибуты животных, которые, замечательные во всех мифологиях, возможно, особенно выделяются в мифах бушменов.

Хотя миф о бушменах известен нам лишь в общих чертах и, по-видимому, наделен еще большим количеством непоследовательности, чем следует, возможно, ясно, что животные являются главными фигурами в этих африканских преданиях, и что эти боги бушменов, если их когда-либо развивать дальше, сохраняют многие следы своего животного происхождения.

От бушменов мы можем обратиться к их ближайшим соседям, готтентотам или хой-хой. Их религиозные мифы были подробно рассмотрены в книге доктора Хана "*Цуни Гоам, Верховное существо кой-кой*". Хотя выводы доктора Хана относительно происхождения готтентотского мифа полностью отличаются от наших собственных, его сбор и критическое изучение материалов, устных преданий и записей, оставленных давними путешественниками, бесценны. Первые европейские поселенцы на мысе обнаружили кой-кой, то есть "Людей", желтоватую расу людей, которые владели большими стадами крупного рогатого скота, овец и коз.* Кой-кой, как кочевые скотоводы и овцеводы, находятся на гораздо более высоком уровне культуры, чем бушмены, которые являются охотниками. **

* Указ. соч. i. стр. 1, 32.

** Там же, стр. 5.

Языки двух народов "не оставляют больше сомнений относительно их первобытного родства" (стр. 7). Богатство кой-кой было значительным и неравномерно распределенным, что являлось достойным доказательством зарождающейся цивилизации. Богатого человека звали *гоу, аоб*, то есть "толстый". Точно так же древние греки называли богатых "(-----)".* Поскольку богатый мужчина мог позволить себе много жен (что дает ему своего рода "преимущество" перед мужчинами, которым он отдает своих дочерей), он "постепенно поднялся до положения вождя". ** В семейных отношениях общество хой-хой является "матриархальным" (стр. 19-21).**

* Геродот, v. 30.

** Указ. соч., стр. 16.

*** Но, говоря о жене, Колб называет "бедняжку" "труженицей, подвергающейся оскорблениям своих детей", — английский перевод, стр. 162.

Все сыновья названы в честь матери, дочери - в честь отца. Среди искусств древними являются гончарное дело и изготовление циновок, металлургия и изготовление инструментов. О прошедшем каменном веке свидетельствует использование кварцевых ножей при жертвоприношениях и обрезании. В обществе Кой-Кой провидцы и пророки были "величайшими и наиболее уважаемыми стариками клана" (стр. 24). Современные кой-кой переняли ряд индоевропейских верований и обычаев, и "христианские идеи, привнесенные миссионерами, слились воедино... с национальными религиозными идеями и мифологиями", по этим причинам доктор Хан опускает многие легенды, которые, хотя, возможно, и подлинные, могут показаться импортированными (стр. 30, 31).

Краткий исторический обзор того, что было известно древним путешественникам о религии хой-хой, теперь должен быть составлен на основе работы доктора Хана.

В 1655 году капрал Мюллер обнаружил, что большим камням, лежащим на обочинах дорожек, поклоняются. Верующие указывали вверх и произносили *Хетте хи*, вероятно, "Хейци Эйбиб", имя внеземного существа Хой-Хой. Похоже (стр. 37), что Хайци Эйбиб "сменил имена" в некоторых частях Южной Африки, и то, что было предметом его поклонения, теперь

предлагается "Гарубебу, или Цуй | Гоабу". В 1671 году Даппер обнаружил, что хой-хой "верят, что есть тот, кто посылает дождь на землю; ... они также верят, что сами могут вызывать дождь и предотвращать дуновение ветра". Также отмечается поклонение луне и "воздвигнутым камням". В 1691 году Николас Витсен услышал, что хой-хой поклонялись богу, который, по предположению доктора Хана (стр. 91), был "каменным фетишем особой формы", таким, каким поклоняются басуто и в который плюют. Витсен обнаружил, что "бог" был намазан красной землей, как Дионисий в Греции. Примерно в 1705 году Валентин узнал, что люди верили в "великого вождя, обитающего на небесах", и дьявола; "но при тщательном рассмотрении оказывается, что это не что иное, как их *сомсомы* и *призраки*" (стр. 38). Нам нет необходимости соглашаться с этим мнением. Поклонение "великому вождю" снова упоминается в 1868 году. В 1719 году Петер Кольб, немецкий магистр, опубликовал свой рассказ о готтентотах, который был переведен на английский.* Колб дает Гунджа Гунджа, или Гунджа Тиквоа, божественное имя; "говорят, он хороший человек, который никому не причиняет вреда ... и что он живет далеко над луной". ** Это соответствует австралийскому Пирнмехилу. Колб также отмечал умиловление злой силы. Он заметил, что кои-кои поклоняются насекомому-богомолу, которое, как мы видели, является главным мифическим персонажем у бушменов.***

* Второе издание, Лондон, 1788.

** Англ. перев., 95.

*** В английском переводе, i. 97, приводится изображение Хой-Хой, обожающей богомола.

Доктор Хан замечает: "Как ни странно, намакуа также называют это | Гаунаб, как они называют врага Цуй | Гоаб". * Во времена Колба, как и сейчас, обряды кои (за исключением, по-видимому, их поклонения на рассвете) совершались рядом с пирамидами из камней. Если мы можем поверить Колбу, хой-хой не только самые фанатичные поклонники богомола, но и "оказывают религиозное почитание своим святым и ушедшим из жизни известным людям". Тунберг (1792) заметил поклонение пирамидам и услышал о поклонении богомолам. В 1803 году Лихтенштейн увидел поклонение пирамидам. С начала нынешнего столетия мы находим у Эппл-ярда, Эбнера и других Хой-хой имена бога, которые переводятся как "Больное колено" или "Раненое колено".

Этот титул объясняется как первоначальное имя известного "врача или колдуна", которого "призывали даже после смерти" и, наконец, превратили в божество. Его враг - Гаунаб, злое существо, и ему поклоняются в пирамидах из камней, под которыми, как полагают, он похоронен.* Примерно в 1842 году Кнудсен предположил, что хой-хой верили в мертвого знахаря Хейци Эйбиба, который мог заставить реки откатывать свои волны, а затем безопасно переходить их, как в *мэрчен* у большинства народов. Он также был, как и Один, "оборотнем", и он несколько раз умирал и снова оживал.***

* Стр. 42; сравните стр. 92, 125.

* Александер, "Экспедиция", i, 166; Хан, соч. цит. по, стр. 69, 50, где цитируется Моффат.

*** Хан, стр. 66.

Таким образом, многочисленные могилы Хейци Эйбиба объясняются его многочисленными смертями. В Египте многочисленные могилы Осириса объяснялись историей о том, что он был изуродован, и каждая конечность похоронена в другом месте. Вероятно, и готтентотская, и египетская легенда были придуманы для объяснения множества почитаемых пирамид, приписываемых одному и тому же трупу.

Теперь мы переходим к мифам о Хейци Эйбибе и Цуй | Гоабе, собранным самим доктором Ханом. Согласно свидетельству собственных глаз доктора Хана, действующая религия кой-кой - это "твердая вера в колдовство и искусство живых знахарей, с одной стороны, и, с другой, вера в силы мертвых и преклонение перед ними" (стр. 81, 82, 112, 113). Наш автор рассказывает нам, что он встретил в глуши женщину из "толстого", или богатого класса, которая шла помолиться на могиле и к гривам своего собственного отца. "Мы, хой-хой, всегда, если попадаем в беду, идем и молимся на могилах наших бабушек и дедушек и предков". Они также поют грубые эпические стихи под аккомпанемент танца в честь людей, отличившихся в последней войне Намакуа и Дамара. Доктор Хан утверждает, что на могилах Хейтси Эйбиба и Цуй Гоаба возносятся молитвы, как на могилах недавно умерших предков, и Хейтси Эйбиба и Цуй Гоаба, оставшихся в памяти живых, чествовали песнями и танцами, точно так же, как храбрецов войны в Дамаре.

Очевидный и естественный вывод состоит в том, что Хейци Эйбиб и Цуй Гоаб считались и остаются почитаемыми своими почитателями как ушедшие, но все еще помогающие воины предков или знахари. Нам нет необходимости утверждать, что они когда-либо были настоящими живыми людьми; они могут быть просто идеализированными образами мудрости и доблести кои-кои. Здесь, как и везде, силен анимизм, поклонение привидениям, и, соответственно, теизм приходит в упадок.

Здесь доктор Хан предлагает иное объяснение, основанное на этимологической гипотезе и философии религии. По его словам, имя Цуй Гоаб изначально означало не "раненое колено", а "красный рассвет". Рассвету поклонялись как символу или намеку на бесконечность, и только из-за забвения и ложной интерпретации первоначального слова Хой-хой перешли от своего рода чистой теософии к поклонению предположительно умершему знахарю. Поскольку остроумная гипотеза доктора Хана уже была нами рассмотрена *, нет необходимости снова обсуждать филологическую основу его аргументации.

Доктор Хан не только слышал простые и трогательные молитвы, обращенные к Цуй Гоабу, но и узнал от местных информаторов, что бог был вождем, воином, раненным в колено в битве с Гаунабом, другим вождем, и что он обладал пророческими способностями. Он по-прежнему наблюдает за путями людей (стр. 62) и наказывает виновных. Было дано всеобщее свидетельство о том, что Хейци Эйбиб также был вождем с Востока, пророком и воином. Посредством благословений и проклятий Он распределил их нынешние привычки по многим животным. Подобно Одину, он был "оборотнем", обладающим неизменной способностью шамана принимать всевозможные формы. Однажды он был рожден от коровы, что напоминает нам миф об Индре. По другому рассказу, он был рожден от девственницы, попробовавшей определенный сорт травы. Эта легенда удивительно широко распространена среди диких и полукцивилизованных рас.**

* Обычай и миф, стр. 197-211.

** Le Fits de la Vierge, H. de Charency, Havre, 1879. Рассказ Хейтси Эйбиба об инцесте можно сравнить с другим в санскритских текстах Мьюира, iv. 39.

Рассказы о Цуй Гоабе и Хейци Эйбибе - это в основном повествования о битвах с животными и злой силой в зарождающемся дуализме, Гаунабе, "сначала призраке", согласно Ханну (стр. 85), или "конечно, ни о ком другом, кроме Ночи" (стр. 125, 126). Здесь есть некоторая непоследовательность. Если мы рассматриваем добрую силу, Цуй Гоаб, как Красную Зарю, мы обязаны думать, что злая сила, Гаунаб, - это название Ночи. Но другая гипотеза доктора Хана о том, что злая сила изначально была злобным призраком, кажется не менее правдоподобной. В любом случае, мы имеем здесь пример постоянного мифического дуализма, который придает сравнительно хорошее существо своему вечному антагонисту — Локи своему Одину, ворону своему орлу-ястребу. Короче говоря, готтентотский миф довольно явно отражает общие представления готтентотов о поклонении предкам, призраках, колдунах и волшебницах, в то время как в их *религиозном* аспекте Хейци Эйбиб или Цуй Гоаб являются хранителями жизни и морали, отцами и друзьями.

Преподобный Р. Х. Кодрингтон опубликовал описание варварских верований, не менее научное и тщательное, чем то, которое составил доктор Хан. * Мистер Кодрингтон изучал мифы папуасов и других аборигенов меланезийской группы, особенно на Соломоновых островах и острове Бэнкс. Эти народы ни в коем случае не находятся на низшей ступени культуры; они по-своему торговцы, строители каноэ и домов, и их общество пронизано своего рода мистической иерархией, религиозной *каморрой*. Жители островов Бэнкс ** признают два вида разумных сверхъестественных существ — духов умерших и силы, которые никогда не были человеческими.

* Антропологический журнал. Инст., февраль 1881г.

** Указ. соч., стр. 267.

Первые — это *Тамате*, вторые - *Вуи* - призраки и *гении*, как мы могли бы их назвать. Вуи классифицируются мистером Кодрингтоном как "телесные" и "бестелесные", но он считает, что телесные Вуи не имеют *человеческих* тел. Среди телесных Вуи главными являются существа, наиболее близкие к богам в меланезийских мифах — наполовину бог, наполовину "культурный герой" И Кат, его одиннадцать братьев и его знакомый и помощник Марава. Это были представители расы, предшествовавшей современным людям, и они жили в Вануа-Леву. Хотя сейчас они скрыты от глаз смертных, к ним все еще обращаются в молитвах. Следующий призыв путешествующего жителя острова Бэнкс напоминает крик потерпевшего кораблекрушение Одиссея, обращенный к дружественной реке: —

"Qat! Марава! взгляни на нас сверху вниз; разгладь море для нас двоих, чтобы я мог безопасно плыть по морю. Сбейте для меня гребни приливных волн; пусть приливная волна уляжется подальше от меня; сбейте ее ровно, чтобы она могла погрузиться и откатиться, и я мог бы выйти на тихое место для высадки".

Сравните молитву Одиссея:—

"Услышь меня, о царь, кто бы ты ни был; к тебе я прихожу, как к тому, к кому обращаются с молитвой, в то время как я бегу от упреков Посейдона из глубин..." Так сказал он, и бог немедленно остановил свой поток и удержал его волны, и сделал воду гладкой перед ним, и благополучно привел его к устью реки".

Если бы не сверхъестественная сила Кэа и его творческие подвиги, * "на самом деле мало что можно было бы показать, кроме человека". Он почти точно соответствует Мауи, "культурному герою" Новой Зеландии. Мать Кэт либо была, либо, подобно Ниобе, превратилась в камень.

* См. "Дикарские мифы о происхождении вещей".

Он был старшим (в отличие от Мауи) из двенадцати братьев, среди которых были Тонгаро Мудрый и Тонгаро Глупый. Братья были убиты злой прожорливой силой, такой как Квай Хемм, и помещены в сундук с едой. Кат убил врага и воскресил своих братьев, когда сыновья Крона вышли живыми из пасти своего отца. Его великим врагом — ибо, конечно, у него был враг — был Касавара, которого он уничтожил, швырнув его о твердую небесную твердь. Касавара теперь — это камень (подобный змее, изображенной Зевсом в Авлиде *), на котором совершаются жертвоприношения. Главный друг Кат — марава, паук, или Вуи в форме паука. Божественная мифология меланезийцев, насколько она была восстановлена, скудна. Мы видим только представителей предыдущей расы, "увеличенных неестественных людей", с дружелюбным насекомым, творящим чудеса и достигающим довольно бессвязных приключений.

* Илиада, ii. 315-318.

Во многом на тех же основах цивилизации, что и меланезийцы, были уроженцы Тонги в первом десятилетии этого столетия. Религиозные верования тонганцев были почти сродни идеям самоанцев и жителей Соломоновых островов. Вместо Vuis они говорили о Hotooas (Атуа), и, подобно Vuis, эти духовные существа либо были чисто духовными с самого начала, либо воплотились в человечество и теперь являются призраками, но призраками, пользующимися многими привилегиями богов. Однако у всех людей нет душ, способных к отдельному существованию, только *эги* или дворяне обладают духовной частью, которая после смерти отправляется в Болоту, страну богов и призраков, и обладает "силой, подобной силе изначальных богов, но меньшей".

Философы школы мистера Герберта Спенсера могут утверждать, что "изначальные боги" когда-то были призраками, как и все остальные, но тонганцы придерживались иного мнения. У них есть верховный Творец, который один не принимает жертвоприношений.* Оба вида богов время от времени появляются перед человечеством — примитивные божества особенно сильно влияют на формы "ящериц, морских свиней и разновидности водяных змей, поэтому эти животные пользуются большим уважением". **

* Маринер, ii. 205.

** Острова Тонга Маринера, Эдин., 1827, ii 99-101.

Из рассказа Маринера не следует, имело ли каждое племя тонганцев свое собственное животное воплощение своего особого бога. Боги взяли человеческую мораль под свое особое покровительство, наказывая зло и вознаграждая добро, только в этой жизни, а не в стране мертвых. Когда Маринер разъяснил тонганцам удобную доктрину вечного наказания, бедный язычник просто заметил, что это "действительно очень плохо для папаланги" или иностранцев. Их неискушенные умы в их языческой темноте и не мечтали ни о чем подобном. Сами тонганцы произошли от каких-то богов, которые отправились в путешествие с целью открытий с Болоту. Высадившись на Тонге, эти искатели приключений были очень довольны островом и решили остаться там; но через несколько дней некоторые из них умерли. Они покинули бессмертные побережья ради мира, где смерть является естественной, и, поскольку они вкусили пищи нового царства, им никогда не избежать состояния смертности. Это было отмечено как широко распространенное поверье. Персефона была очарована Аидом после того, как попробовала мистический гранат подземного мира.

На Самоа ни Сиати, ни Вайнамейнену в Похьоле, ни Рифмоплету Томасу в Волшебной Стране запрещено есть мясо бога. Боги-исследователи с Болоту были точно так же обречены стать смертными и населить мир смертными существами, и все вокруг них должно быть *меа мамаа*, подверженными разложению и смерти. * Примечательно, если сообщение верно, что второстепенные боги, или призраки знати, не могут вновь появляться в виде ящериц, морских свиней и водяных змей; это привилегия только первоначальных богов, и это может быть допущением ими предположительно тотемистического аспекта. Ближайший подход к идее постоянного верховного божества содержится в имени Тали-и-Тубо — "жди там, Тубо" - имени, которое, возможно, передает понятие постоянства или вечности. "Он великий вождь от вершины неба до подножия земли".**

* Маринер, ii. 115.

** Там же, ii. 205.

К нему обращаются как во время войны, так и в мирное время, но не локально, а "для общего блага местных жителей". Он является покровителем не какого-то особого рода или семьи, а дома, в котором на какое-то время сосредоточена королевская власть. Единственный из богов, он не удостаивается ни пищи, ни возлияний, что указывает на то, что он не развился из голодного духа. Другой бог, Тубо Тоти или Тубо Мореход, может быть чем-то вроде Посейдона. Он защищает каноэ от опасностей в море. После смерти дочери Финоу, короля во времена Маринера, этот монарх был так возмущен, что пригрозил убить священника Тубо Тоти. Поскольку считается, что бог вдохновляет священника, это, безусловно, был реальный способ добраться до бога. Но Тубо Тоти заранее был с Финоу, который сам погиб, прежде чем смог перенести войну на Болоту.* Этот Финоу был скептиком; он допускал существование богов, потому что сам иногда вдохновлялся ими; "но все, что жрецы говорят нам об их власти над человечеством, я считаю ложью". Так рано конфликт Церкви и государства заявил о себе на Тонге. Человеческие жертвоприношения были результатом деятельности жрецов на Тонге, как и в Греции. Даже человек, которого отправили убить ребенка Тубо Тоа, был тронут жалостью и воскликнул *О иаоо чи вейл!* ("бедный маленький невинный!") Священник потребовал эту жертву, чтобы смягчить гнев богов за убийство человека на освященной земле.* Таковы религиозные

представления Тонга; из их мифологии до нас дошло очень мало, и есть подозрение, что она была окрашена знакомством с рассказами миссионеров.

* Маринер, i. 307, it 107.

** Сравните айос Алкменидов.

Маори, когда их впервые обнаружили европейцы, находились на сравнительно продвинутой стадии варварства. В их обществе были определенные ранги, от рангатиры, вождя с длинной родословной, до раба. Их религиозные гимны глубокой древности были собраны и переведены Греем, Тейлором, Бастианом и другими. Простое обладание такими гимнами, точно сохранными в течение неизвестного количества лет устной традицией, доказывает, что мифические представления маори прошли через умы известных бардов и ранних теоретиков физики. Стихи, как заметил Бастиан (*"Великий мудрец из Полинезии"*), демонстрируют близкую параллель с самой грубой частью ранних греческих космогоний, изложенной Гесиодом. И все же в гимнах маори есть метафизические идеи и процессы, которые больше напоминают Гераклита, чем Гесиода, и, возможно, больше Гегеля, чем того и другого. Должны ли мы рассматривать абстрактные концепции или грубые личные мифы о богах, такие как A, the Beyond All, как представляющие более раннее развитие мысли маори, является ли тот или иной элемент заимствованным, а не оригинальным, - это вопросы, которые теоретики разных школ решат по-своему, к собственному удовлетворению. Некоторые гимны представляют начало вещей из состояния мышления, и Сократ мог бы сказать о поэтах маори, как он сказал об Анаксагоре, что по сравнению с другими ранними мыслителями они "подобны трезвенникам среди пьяниц". Таким образом, один из гимнов истоков звучит так: —

От зачатия - увеличение,
От увеличения - набухание,
От набухания - мысль,
От мысли - воспоминание,
От воспоминания - желание.

Слово стало плодотворным,
Оно пребывало в слабом мерцании,
Оно породило Ночь.

Из ничего, что породило,
Оно создало атмосферу, которая находится над нами.

Атмосфера наверху наполнилась сияющим небом,
и сразу же появилось солнце.

Затем взошла луна.

Они были обращены ввысь как главные глаза небес,
Затем небеса стали светлыми.

Небо, которое парит над головой, населено Гавайями*
И породило (определенные острова).

* Острова Гавайки, которые в то время были единственной известной сушей, названы в

честь Папы, земли.

Далее следуют генеалогии богов, вплоть до вождя, в семье которого этот гимн был традиционным.*

* Тейлор, Новая Зеландия, стр. 110-112.

Другие гимны того же характера, полные таких метафизических и абстрактных концепций, как "происхождение из ничего", цитируются очень подробно.

Эти выдержки, очевидно, скорее умозрительны, чем в каком-либо смысле мифологичны. Элемент мифа просто проявляется, когда нам говорят, что небо обитало вместе с землей и породило определенные острова. Но миф о знакомом персонаже очень полно представлен среди маори. Их мифические боги, хотя и "смешанные с духами предков", являются великими природными силами, первыми Небом и Землей, Ранги и Папой, родителями всего сущего. Считается, что изначально они были объединены в такие тесные объятия, Небеса лежали на Земле, что между их рамками царил тьма, и во тьме были вынуждены обитать младшие боги, Атуа, О-те-по, их дети. Этими детьми или младшими богами (отвечающими Кронидам) были бог войны (Туматауэнга), бог леса (Тане Махута) в форме дерева, бог ветра (Тавхири Матеа), боги культивируемых и натуральных фруктов, бог океана (Тангароа). Эти боги были не в состоянии вынести темноты и мрака своего положения, поэтому они посоветовались между собой и сказали: "Давайте искать средства, с помощью которых можно уничтожить Небо и Землю или отделить их друг от друга". Совет Тане Махуты возобладал: "Пусть один поднимется наверх и станет для нас чужаком; пусть другой останется внизу и будет нам родителем". Наконец, Тане Махута разрывает на части Небо и Землю, поднимая Небеса наверх, где он с тех пор и пребывает. Бог ветра последовал за своим отцом, поселился с ним на просторах неба и оттуда ведет войну с деревьями лесного бога, своего врага. Тангароа, подобно Посейдону, ушел в великую пучину, а его дети, рептилии и рыбы, частью прижались к воде, частью к суше. Бог войны Ту был больше похож на человека, чем другие боги, хотя его "собратями" были растения, рыбы и рептилии. Тем не менее, Ту точно не первый человек в Новой Зеландии.

Хотя все эти мифические существа в некотором смысле являются ведомственными богами, по известности они уступают более позднему отпрыску своей расы, Мауи, великому культурному герою, который является продвинутой формой культурных героев, в основном териоморфных, низших рас.*

Мауи, как и многие герои мифов, был младшим сыном. Он родился недоношенным (похожая история содержится в брахманической легенде об адитьях); его мать завернула его в свои длинные волосы и выбросила в море. Родственник спас его, и он вырос и стал самым важным членом своей семьи, как Кат в большом кругу своих братьев. Именно Мауи поймал солнце в ловушку, победил его ** и научил его следовать назначенным курсом, вместо того чтобы носиться по небесам по своему желанию в любом темпе, который он выберет.

* Те-Хоу-Хоу, могущественный вождь, описал мистеру Тейлору ведомственный характер своих богов. "Есть ли среди европейцев хоть один создатель вещей? Разве один не плотник, другой не кузнец, третий не кораблестроитель? Так было вначале. Один сделал это, другой то. Тейн создал деревья, горы Ру, рыбу тангароа и так далее ". Тейлор, Новая Зеландия, стр. 108, примечание.

* Солнце, когда его ударили, закричало и явило свое великое имя, точно так же, как это сделал Индра в своем ужасе и бегстве после убийства змея. Тейлор, указ. соч., стр. 131.

Он был культурным героем, который изобрел зазубрины для копий и крючьев; он превратил своего брата в первую собаку, поэтому собаки священны; он выловил Новую Зеландию из моря; он украл огонь для людей. То, как Мауи совершил этот подвиг и как он "принес смерть в мир и все наше горе", - темы, относящиеся к мифам о *Смерти* и о *Похитителе Огня*. * Мауи мог не только превращать людей в животных, но и сам принимать звериный облик по своему желанию.

Таков краткий рассказ о древних традициях мифических богов маори и о культурном герое. На практике концепция *Атуа* (или своего рода сверхъестественной силы или сверхспособностей) обладает большим влиянием в Новой Зеландии. Всевозможные духи во всевозможных формах являются *Атуа*. "Великий вождь считался злобным богом при жизни и еще худшим после смерти". ** И снова: "после Мауи пришло множество богов, каждый со своей историей и чудесными деяниями.... Это были предки, которых обожествили соответствующие племена"*** — утверждение, которое следует рассматривать как теоретическое.

* См. "Мифологию", А. Л., Париж, 1886.

** Тейлор, указ. соч., стр. 134, 136.

*** Указ. соч., стр. 136.

Достаточно странно, если это правда, что Мару должен быть богом войны южного острова и что планета Марс названа в его честь Мару. "Были также боги в человеческом обличье и другие, похожие на рептилий.... В какой-то период, по-видимому, было смешанное потомство от одних и тех же родителей. Таким образом, в то время как Таваки имел человеческий облик, его собратьями были *танива* и акулы; среди них также были смешанные браки". Эти легенды являются естественным результатом того отсутствия различия между человеком и другими вещами в мире, которое, как мы показали, преобладало в ранней мысли. Похоже, что великие мифические боги маори не слишком заботятся о своей морали. Мифы — это "всего лишь преувеличенная история их вождей, их войн, убийств и похоти с добавлением некоторых сверхъестественных сил", о чем вожди очень склонны заявлять. * По мнению компетентного наблюдателя, боги, или Атуа, которых боятся в повседневной жизни, являются "духами мертвых", и их внимание в основном приковано к поведению их живых потомков и членов клана. Они вдохновляют на мужество, главную добродетель. Говорят, что после обращения туземцы не изгоняют, а просто подчиняют своих атуа, "веря, что Христос - более могущественный атуа". **

* Указ. соч., стр. 137.

** Шортленд, Традиция и Суперст. о новозеландцах, 1856, стр. 83-85.

Маори, возможно, наименее возвышенная раса, у которой хорошо развитый политеизм почти полностью затемнил ту веру в создателя морали, которую мы находим у самых низких дикарей, обладающих лишь рудиментарным политеизмом. Когда мы обратимся к древним

цивилизированным народам, таким как греки, мы обнаружим, что архаический теизм затемнен или стерт аналогичным образом.

В верованиях Самоа (ранее называвшегося островами Навигаторов и открытого голландской экспедицией в 1722 году) можно наблюдать интереснейший момент в развитии религии и мифов. Во многих регионах было показано, что животным поклоняются как тотемам и что боги облачаются в форму животных. В храмах высших цивилизаций будут найдены божественные изображения, все еще сохраняющие в человеческом облике определенные животные атрибуты, и будет показано, что небольшое поклонение различным животным группировалось в Греции вокруг алтарей Зевса, или Аполлона, или Деметры. Теперь на Самоа мы, возможно, сможем проследить действительный процесс "перехода", как говорит м-р Тайлор, "от духа, обитающего в индивидуальном теле, к божеству, руководящему всеми индивидуумами своего рода". Другими словами, в то время как в Австралии или Америке каждое тотемное племя почитает каждое животное, предположительно принадлежащее к его собственной линии — "журавли" почитают всех журавлей, "Кенгуру" — всех кенгуру, - на Самоа различные кланы исповедуют одну и ту же веру, но сочетают ее с верой в то, что одно духовное божество проявляется в каждом отдельном животном, как в своего рода аватаре. Например, несколько австралийских тотемных племен не понимают, что Панджел воплощается в эму для одной породы, в вороне для другой, в какаду для третьей, и они не этими, а другими способами достигают религиозного единства, превосходящего разнообразие, вызванное тотемическими институтами. На Самоа такого рода духовного единства действительно достигают различные племена.

Путешественники первоначально называли самоанцев "безбожными самоанцами", что является примером распространенной ошибки. Вероятно, нет ни одного народа, чьи обычаи и мнения, если их должным образом исследовать, не свидетельствовали бы об их вере в нечто подобное природе богов. Конечно, самоанцы далеки от того, чтобы быть "безбожниками", скорее заслуживают упрека в том, что они "во всем слишком суеверны". "Предполагалось, что боги должны были появляться в каком-то *видимом воплощении*, и конкретная вещь, в которой его бог имел обыкновение появляться, была для самоанца объектом почитания".*

* Самоа Тернера, стр. 17.

Здесь мы обнаруживаем, что религиозное чувство уже стало более или менее самосознательным и начало рассуждать о своих собственных практиках. В чистом тотемизме люди почитают родственное им животное. Самоанцы объясняют свое поклонение животным не родством и общей кровью или "одной плотью" (как в Австралии), а сравнительно развитой гипотезой о том, что *в животном заключена духовная сила*. "Один, например, видел своего бога в угре, другой - в акуле, третий - в черепахе, третий - в собаке, третий - в сове, третий - в ящерице", и так далее, вплоть до моллюсков. Символ веры на данный момент - это именно то, что Гарсиласо де ла Вега обнаружил у отдаленных и более грубых соседей инков и приписал доинкскому населению. "Человек", как в Египте, так и в тотемических странах в целом, "свободно ел то, что считалось воплощением бога другого человека", но причинение вреда или употребление в пищу воплощения своего собственного бога он считал бы смертельным. Предполагалось, что бог отомстит за оскорбление, вселившись в тело этого человека и заставив породить там то самое, что он съел, до тех пор, пока это не приведет к смерти. Раньше

бог звучал внутри человека, говоря: "Я убиваю этого человека; он съел мое воплощение". Этот класс божеств-покровителей они называли *айту фале*, или "боги дома", боги рода. В тотемистических странах тотем почитается *сам по себе*, на Самоа животному поклоняются, потому что в нем обитает бог. По-видимому, это теория, с помощью которой рефлексирющие самоанцы объяснили себе то, что когда-то было чистым тотемизмом.

Не только дом, но и деревня имеет своих богов-животных или бога, воплощенного в животном, подобно тому, как некоторые арабские племена благочестиво хоронят мертвых газелей, как афиняне благочестиво хоронили волков, а египтяне кошек, так и на Самоа "если человек находил на обочине дороги мертвую сову, и если это оказывалось воплощением его деревенского бога, он садился и плакал над ней, и бил себя по лбу камнем, пока не выступала кровь. Предполагалось, что это будет угодно божеству. Затем птицу заворачивали и хоронили с заботой и церемонией, как если бы это было человеческое тело. Это, однако, не было смертью бога." Подобно торжественно принесенному в жертву канюку в Калифорнии, подобно быку на Чердаке *Дюполии*, "предполагалось, что он все еще жив и воплощается во всех существующих совах".*

В дополнение к этим второстепенным и местным божествам у самоанцев есть боги неба, земли, болезней и других природных явлений. ** Об их происхождении мы знаем только то, что они упали с небес, и все они были воплощены в птицах, зверях, растениях, камнях и рыбах. Но они могут менять форму и появляться при луне, когда ее не видно, или в любом другом обличье, которое они выберут. Если на Самоа бог неба когда-то был на обычном уровне небесных богов в других местах, то сейчас он, похоже, выродился.

* (-----) Porph., De Abst. t ii. 29; Самоа, стр. 21.

** Я стараюсь не называть священных животных Самоа "тотемами". против чего справедливо возражает мистер Тайлор, но я думаю, что самоанская вера имеет тотемистическое происхождение.

ГЛАВА XIV. АМЕРИКАНСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

Новизна "Нового света" —Представленные там различные этапы культуры—Вопрос американского монотеизма— Приведены авторитетные источники и свидетельства— Рассмотрены мифы: эскимосы, ахты, тлинкиты, ирокезы, Большой заяц —Теория доктора Бринтона о мифах о зайце—зуни—Переход к мексиканской мифологии.

Божественные мифы огромного американского континента - это тема, изучению которой не удалось бы посвятить всю жизнь. В лучшем случае это лишь набросок, который может быть предложен в работе о развитии мифологии в целом. Тема тем интереснее, что что-либо вроде систематического заимствования мифов из Старого Света практически невозможно, как уже утверждалось в главе xi. Америка, это правда, могла быть частично "открыта" много раз; вероятно, было несколько точек соприкосновения между Новым и Старым Светом. Однако в то время, когда там высадились испанцы, и когда совершались первые завоевания и открытия, земля и люди были для европейцев практически такими же новыми, как расы и территории незнакомой планеты.* Но Новый Мир раскрыл лишь старую суть человечества на многих из его знакомых стадий культуры и, следовательно, со старыми богами, мифами и верованиями.

* Ревилл, Лекции Хибберта, 1884, стр. 8

В эволюции политики, общества, ритуалов и во всех внешних и видимых аспектах религии американские расы колебались между культурой, стоящей несколько ниже древнеегипетской, и грубостью на уровне австралийских или бушменских институтов. Более цивилизованные народы, ацтеки и перуанцы, имели много общих черт с расами древнего Египта, Китая и Индии; в чем они уступали, так это в отсутствии алфавита или слоговой азбуки. Мексиканские рукописи представляют собой всего лишь продвинутый художественный текст, более организованный, чем у оджибвеев; перуанские кипу были едва ли лучше записей краснокожих индейцев вампум. Мексиканцы и перуанцы поселились в местах, заслуживающих названия городов; у них была развита монументальная и искусно украшенная архитектура; они были прилежны в известных им искусствах, хотя и не разбирались в железе. По крайней мере, среди ацтеков оружие и орудия труда из бронзы, если и были редкостью, то не были неизвестны. Они были прилежны в сельском хозяйстве, дисциплинированы на войне, способны поглощать и сливаться с покоренными племенами.

В Перу правящая семья, инки, пользовалась всей властью иерархии, и главный инка занимал почти такое же надежное религиозное, социальное и политическое положение, как любой Рамзес или Тутмос. Несомненно, в Мексике власть монарха была, по крайней мере номинально, ограничена во многом так же, как и власть персидского царя. Королевская власть переходила к избранному члену древнего рода, но как только он становился принцем, его окружали внушительные церемонии. У обоих этих двух цивилизованных народов жречество пользовалось огромной властью, а в Мексике, хотя и не так широко, если вообще имело место в Перу, практиковался ужасающий ритуал каннибализма и человеческих жертвоприношений. Чрезвычайно вероятно, или, скорее, несомненно, что обе эти цивилизации были моложе культуры других народов Америки, давно ушедших из жизни, чьи города лежат в колоссальных руинах среди лесов, чьи иероглифы кажутся неразборчивыми, и чьи медные рудники разрабатывались в неизвестное время на берегу озера Верхнее. Было бы напрасно задерживаться здесь на происхождении и дате появления этих "коронованных рас". Иногда они оставляли после себя тени имен — тольтеки и чичимеки - и реликвии, более удивительные, чем более слабые следы рудокопов и строителей в Южной и Центральной Африке. Остальное - тишина. Мы никогда не узнаем, почему жители Паленке покинули свой величественный город, в то время как "лестницы были новыми, ступени целыми, края острыми, и нигде не было следов износа, свидетельствующих о долгом проживании".* На гораздо более низком уровне, чем великие городские народы, но стремящиеся, так сказать, в том же направлении и

демонстрирующие те же черты государственного коммунизма в своем социальном устройстве, были и остаются обитатели пещер и утесов, индейцы сельскохозяйственных деревень (индейцы пуэбло) Нью-Мексико и Аризоны. В склонах каньонов были вырыты города, и люди жили в них, как песчаные мартышки на песчаной отмели. Путешественник видит "отвесные скалы, повсюду усеянные человеческими жилищами, которые больше всего на свете напоминают ячейки пчелиных сот". В деревнях низменности жилища построены из глины и камня.

* Надайлак, Доисторическая Америка, стр. 328.

"Долина Сан-Хуан усеяна руинами на сотни миль; некоторые каменные здания высотой в три этажа все еще стоят".* Современные моки, зуни и навахо, чьи привычки и религиозные обряды известны из работ мистера Кушинга, мистера Мэтьюза и капитана Джона Г. Бурка, по-видимому, являются потомками "оседлой, земледельческой и сравнительно окультуренной расы", упадок которой, возможно, начался "до прибытия испанцев".**

Племена охотников Северной Америки в целом стояли гораздо ниже по уровню культуры, чем оседлые индейцы пуэбло. Они действительно жили в скоплениях вигвамов, которые были частично заселены, и "длинный дом" ирокезов выглядит как приближение к общинной системе пуэбло. *** Но в то время как такие расы, как ирокезы, манданы и оджибвеи, выращивали кукурузу, они больше, чем народы пуэбло, зависели в плане пропитания от успеха в охоте. Олень, лось, буйвол, дикая индейка, медведь, а также утки и другие птицы наполняли большой котел своим содержимым. Их общество было тотемистическим, как уже было описано; родство, как правило, прослеживалось по женской линии; сахемы, или вожди и советники, избирались, как правило, из определенных тотемных родов; военные вожди также избирались, когда военная экспедиция выходила на тропу войны; и джоссакиды, или знахари (титул варьировался на разных диалектах) имели немалую долю светской власти.

* Надайяк, стр. 222.

** Там же, стр. 257. Смотрите "Танец змей аборигенов Аризоны" Бурка и пятый отчет Американского археологического института с описанием развития построек пуэбло. Вряд ли есть необходимость обсуждать попытку Льюиса Моргана показать, что ацтеки времен Кортеса были лишь на уровне современных индейцев пуэбло.

*** Можно ознакомиться с ценной работой Льюиса Моргана "Лига ирокезов" и "Книга обрядов ирокезов" (Бринтон, Филадельфия, 1883).

На войне эти племена проявляли ту преднамеренную жестокость, которая сохранилась при правителях ацтеков в виде грандиозного каннибальского ритуала человеческих жертвоприношений. Любопытным моментом в обычаях краснокожих индейцев был хорошо знакомый институт снятия скальпа с убитых на войне. Другие расы охотятся за головами, но скальпирование, вероятно, характерно для краснокожих и скифов.*

Геродот, iv. 64.

На уровне, хотя и более низком, чем уровень алгонкинов и других охотничьих племен, находятся американские расы, которых обстоятельства загнали в пустынные бесплодные регионы; которые живут, подобно ахтам, главным образом за счет рыбы; подобно эскимосам, в мире морозов и зимы; или подобно жителям Огненного огня, за счет ракообразных и морских

водорослей. Мельчайшие градации культуры не могут быть здесь подробно рассмотрены, но процесс идет вверх, от таких людей, как огнеземельцы и землекопы, к строителям кухонных отбросов — вероятно, совершенно равных эскимосам *** — и так далее по состоянию здоровья.

*** Надайлак, "Доисторическая Америка", стр. 66.

Сходство между нравами скифов и краснокожих индейцев было замечено учеными во времена Гроция. Й. Г. Мюллер остро заметил, что в Америке отсутствует одна стадия общества, сложившаяся в Старом Свете. Здесь нет пастырской стадии. У туземцев не было ни одомашненных коров, ни коз, ни овец. Из этого отсутствия интереса к благополучию одомашненных низших животных он склонен выводить особую дикуую жестокость американской войны и американской религии. Сочувствие было неразвито. Возможно, отсутствие ручных животных способствовало распространению человеческих жертвоприношений. "Брахман" показывает, как в Индостане низшие животные стали заместителями человека при жертвоприношении, подобно тому как олененок Артемиды или баран Иеговы заняли место Ифигении или Исаака. Cf. J. G. Müller, Oeschichte der Amerikanisehen Urreligionen, pp. 22, 23.

От линкитов, кароков и других грубых племен Северо-западного побережья Тихого океана к сиу, черноногим, мандамам, ирокезам, а затем к оседлому состоянию народа пуэбло, южным удобствам Натчеца и, наконец, к организации майя и вершине, занятой ацтеками и инками.

Через вероучения всех этих рас, независимо от того, принадлежат они изначально к одному корню или нет, проходит множество нитей религиозных и мифических верований — тех самых нитей, которые вплетены в различные религии Старого Света. Страх перед призраками; религиозное поклонение животным; вера в сородичей и зверей-покровителей; поклонение неодушевленным предметам, грубо стилизованным под фетиши; определенное благоговение перед великими небесными телами, солнцем, луной и Плеядами; склонность рассматривать звезды, как и все другие вещи и явления, как одушевленные и личные — с верой в Верховного Творца, это как бы основа ткани американской религии. *

* Аргументы против заимствования имени Творца у миссионеров уже приводились.

На одном этапе развития культуры один набор этих идей может быть более преобладающим, чем на другом этапе, но они присутствуют во всех. Зооморфные или териоморфные мифологии и верования нигде так не распространены, как в Америке. Не довольствуясь племенным зооморфным защитником и другом - тотемом, каждый индеец имел привычку искать себе особого животного-защитника. Это существо, которое он называл своим Маниту, открылось ему во время долгих постов во время того дикарского таинства, которое освящает вступление в полную зрелость. Даже в сложных религиях цивилизованных рас, перуанцев и ацтеков, божества-животные сохранились, и священные звери собираются в святилище Пачакамак, или рудиментарный остаток клюва или пера предков сохранился на статуе Уицилопочтли. Но среди цивилизованных народов, у которых существовало разделение труда и были четко разграничены человеческие ранги, боги тоже имели свои подразделения. Преобладал организованный политеизм, и в храмах Сентеотля и Тлазольтеотля Геродот или Павсаний без труда узнали бы Деметру и Афродиту Мексики.

Существовали ведомственные боги, и даже существовала очевидная тенденция к поклонению одному духовному божеству, Бретвальде всех божественных королей, богу, находящемуся на пути к тому, чтобы стать единым и верховным. Таким образом, религии и мифы Америки, подобно мифам и религиям Старого Света, демонстрируют долгую эволюцию человеческой мысли в ее поиске Бога. Здесь есть грубые первые намеки на Божество, и они ни в коем случае не изглажены фантастическими жреческими рисунками ведомственных божеств.

Вопрос о примитивном американском монотеизме обсуждался больше, чем даже вопрос о "гено-теизме" арийцев в Индии. По этому поводу следует сказать, что в определенном смысле, вероятно, любую расу людей можно назвать монотеистической, точно так же, как в другом смысле христиан, почитающих святых, можно назвать политеистическими.*

Гайдоз, "Ревю Критик", март 1887г.

В этой работе постоянно подчеркивалось, что в моменты истинно религиозной мысли даже низшие племена обращают свои умы к хранителю, высшей силе, чему-то, что наблюдает за расой людей и помогает ей. Такой ментальный подход к могущественному другу является стремлением, а иногда и догмой; он религиозен, а не мифологичен; он монотеистичен, а не политеистичен. Существо, к которому обращается дикарь в минуты нужды или отчаяния, может носить имя, обозначающее ястреба, или паука, или кузнечика, но мы можем быть совершенно уверены, что в час нужды верующий мало думает о таких существах. *

* Бывают исключения, например, когда оджибвей, находясь в опасности, обращается к своему личному маниту-защитнику, возможно, к дикой утке; или когда зуни взывает к "Вы, боги животных, отцы мои!" (Этнол. бюро, 1880-81, стр. 42.) Таким образом, мы едва ли можем полностью согласиться с г-ном Морисом Вернэ, когда он говорит: "Все люди монотеистичны в пылу обожания или в моменты глубоких раздумий". ("История религий", Париж, 1887, стр. 61.) Тенденция обожания и спекуляций, однако, монотеистична.

Опять же, самые нелепые или печально известные истории могут быть о приключениях и злоключениях кузнечика или ястреба. В мифическом представлении он может быть лишь одним из толпы таких же увеличенных неестественных людей или низших животных. Но ни его спутники, ни его легенда, вероятно, не отвлекут от мыслей бушмена, который взывает к Кану о еде, или мурри, который говорит своему мальчику, что Панджел наблюдает за ним с небес, или жителя Соломоновых островов, который обращается к Кату, пересекая линию рифов и пены. Таким образом, можно утверждать, что всякий раз, когда человек обращается к стражу не от мира сего, недоступному чувствам, он на мгновение становится теистом, а часто и монотеистом. Но когда мы смотрим от стремления к доктрине, от одиночного семьяизвержения к ритуалу, от религии к мифу, вероятно, было бы напрасно предполагать, что незагрязненная вера в единого Бога, творца всего сущего, в целом преобладала, будь то в Америке или где-либо еще. Такая вера, отвергающая всех второстепенных божеств, сознательно сформулированная в терминах и провозглашенная в ритуале, является результатом долгих веков и усилий высшей мысли, или, если раз за разом интуиция Божества озаряла какого-нибудь одинокого пастуха или мудреца подобно вдохновению, его вероучение обычно находилось в противоречии с распространенным мнением людей и, за исключением ислама, завоевывало своих

последователей среди ученых и утонченных. Америка, похоже, не является исключением из столь общего правила.

Очень часто придерживаются противоположного мнения, поскольку рассказы миссионеров и даже романы Купера и других познакомили читателей с такими терминами, как "Великий Дух" в устах пауни или могикан. С одной стороны, принимая точку зрения заимствования, миссис Э. А. Смит говорит: "'Великий Дух", столь широко и поэтически известный как Бог краснокожих", и "счастливые охотничьи уголья", которые, как обычно сообщается, являются представлением индейцев о будущем государстве, оба они являются лишь их готовой концепцией Бога и небес белого человека". * Доктор Бринтон также ** утверждает, что "Великий Дух - это постхристианская концепция". В большинстве случаев эти термины полностью современного происхождения, придуманы по предложению миссионеров и применяются к Богу белого человека....

* Второй отчет Бюро этнологии, стр. 52.

** Мифы Нового Света, Нью-Йорк, 1876, стр. 58.

Иезуитов *отношений* государства положительно, что существует "невещественного Бога признана Algonkin племена, и что звание Великого Манито' был введен первый в ее личностный смысл." Заявление одного миссионера, конечно, не может быть воспринято как связывающее всех остальных. Отец Поль ле Жен замечает: "Дикари называют Маниту все, что в природе, доброе или злое, превосходит человека. Поэтому, когда мы говорим о Боге, его иногда называют "Добрый Маниту", то есть "Добрый Дух". * Тот же отец Поль ле Жен ** говорит, что под Маниту его паства подразумевала *unge ou quelque nature puissante. Il y'en a de bons et de mauvais*. На свидетельство отца Иеросма Лальмана *** уже ссылались, но, возможно, стоит повторить, что, хотя он приписывает индейцам своего рода бессознательный религиозный теизм, он полностью отрицает у них какие-либо монотеистические догмы. Вместе с Тертуллианом он пишет: *Восклицательный знак naturaliter Christianam*. "По правде говоря, эти народы не унаследовали от своих отцов никаких знаний о боге, и до того, как мы ступили на их землю, у них не было ничего, кроме пустых басен о происхождении мира. Тем не менее, какими бы дикарями они ни были, в их сердцах жило тайное чувство божественности и первопринципа, творца всего сущего, к которому, сами того не зная, они все же взывали. В лесу, в погоне, на воде, в опасности на море они призывают его к себе на помощь".

* Relations de la Nouvelle France, 1637, p. 49.

** Relations, 1633, p. 17.

*** 1648, p. 77.

Похоже, этот хранитель получает разные имена при разных обстоятельствах. Появляется миф; небо - это Бог; маниту, обитающий на севере, посылает лед и снег; другой обитает в водах, а многие - в ветрах.* Отец Аллуэз ** говорит: "Они не признают властелина ни неба, ни земли". Здесь добрый отец и все, кто отстаивает теорию заимствования, расходятся во мнениях с мастером Томасом Хериотом, "этим ученым *математиком*" (1588). В Вирджинии "есть один

главный бог, который существовал со всей вечности", который "создал других богов главного порядка". *** Недалеко от Нью-Плимута Киэтан был главным богом, и души праведных обитали в его особняках. **** Мы уже цитировали Алионе и показали, что он и другие боги, найденные первыми исследователями, определенно не христианского происхождения.

* Признания Ка-ге-га-гаха Боуха, обращенного Журавля из племени оджибвеев, могут быть довольно подозрительным документом. Ках, если сократить его благородное имя, стал проповедником и оратором с несколько ветреным красноречием, по словам мистера Лонгфелло, который его слышал. По его словам, в юности он добивался благосклонности маниту (он называет их Мон-и-ду), но также почитал Ке-ша-мон-и-ду, доброжелательного духа, "который создал землю со всем ее разнообразием и улыбающейся красотой". Но его повествование очень непохоже на индийский рассказ о сотворении мира тем или иным животным, уже приведенный в "Мифах о происхождении вещей". Доброжелательный дух, по словам отца Каха, знахаря, обитал на солнце (Копуэй, Воспоминания о лесной жизни, Лондон, s. a. стр. 4, 5). Практические и добродушные действия Великого Духа описаны на стр. 35. Он направляет голодающих путешественников посредством снов.

** Отношения, 1667, стр. 1.

*** Арбер, капитан Джон Смит, стр. 321.

**** Указ. соч., стр. 768.

Любопытный рассказ о религии краснокожих индейцев можно почерпнуть из произведения, стилизованного под *Повествование о пленении и приключениях Джона Таннера во время тридцатилетнего пребывания среди индейцев* (Нью-Йорк, 1830). Таннера поймали, когда он был мальчиком, и он жил как индеец, даже в религии. Великий Дух постоянно появляется в его рассказе как нравственное и защищающее божество, чью благосклонность и помощь можно заслужить "молитвами, которым помогают магические церемонии и танцы. Таннер принял эту часть индийской веры и действовал в соответствии с ней, в то же время в целом отвергая знахарей, которые выдавали себя за посланников или воплощений Великого Духа. У Таннера были частые видения Великого Духа в виде красивого молодого человека, который давал ему информацию о будущем. "Разве я не знаю, - сказала явлению, - когда ты голоден и в беде? Я все время смотрю на вас свысока, и нет необходимости, чтобы вы звали меня такими громкими криками". (стр. 189).

Почти все представления о тенденции к монотеизму исчезают, когда мы обращаемся от религий к мифам американских народов. Несомненно, можно утверждать, что религиозный импульс или чувство никогда полностью не угасает, но, будучи затопленным потоком басен, вновь появляется в философской концепции чистого божества, которой придерживаются немногие культурные классы Мексики и Перу. Но сейчас наше дело связано с потоком небылиц. От севера к югу более общие верования отмечены ранним дуализмом, и повсюду встречаются две противоположные фигуры хорошего и плохого сверхъестественного существа в облике человека или зверя. Эскимосы, например, называют лучшее существо Торнгарсук. "Они не все согласны с его формой или аспектом. Некоторые говорят, что у него вообще нет формы; другие описывают его как огромного медведя, или как великого однорукого человека, или маленького, как палец. Он бессмертен, но может быть убит вмешательством бога Крепитуса".*

Обстоятельства, при которых это возможно, можно найти в книге Кранца "История Гренландии", Лондон, 1767, том i, стр. 200

"Другой великий, но злобный дух - это безымянная женщина", жена или мать Торнгарсука. Она живет под водой в жилище, охраняемом ее собственным Цербером, огромной собакой, которая может быть удивлена, потому что он спит всего одно мгновение за раз. Торнгарсук не является творцом всего сущего, но все же в такой степени является божеством, что многие, "когда они слышат о Боге и его всемогуществе, легко приходят к предположению, что, вероятно, мы имеем в виду их Торнгарсука". Все духи называются Торнгак, а *соак* = *великий*; следовательно, добрый дух эскимосов в его ограниченной силе - "Великий Дух".* В дополнение к множеству других духов, некоторые из которых приветливо открываются всем, в то время как другие доступны только ангакуту или знахарям, у эскимосов есть свой собственный Плутон, или Гадес, или Чарос. Он тощий, темный, угрюмый и пожирает внутренности призраков. Есть духи огня, воды, гор, ветров; есть демоны с собачьими мордами, и души абортированных становятся отвратительными призраками, в то время как обычный призрак цивилизованной жизни знаком. Дух умершей матери мальчика явился ему среди бела дня и обратился к нему на трогательном языке: "Не бойся; я твоя мать и люблю тебя!" ибо и здесь, в этом замерзшем и населенном призраками мире, любовь сильнее смерти.**

Эскимосский миф практичен, а там, где он умозрителен, связан с судьбами людей, живых или мертвых, поскольку они зависят от умиловивления богов или внеземных существ. Эскимосский миф о происхождении смерти нашел бы свое место среди других легенд подобного рода.***

* Кранц, указ. соч., i. 207. примечание.

** Указ. соч., i. 209

*** Ср. Современную мифологию, "Происхождение смерти".

Как правило, эскимосский миф, насколько он был исследован, скорее напоминает миф о зулусах. *Мерчены*, или романтические истории, очень распространены; рассказы о создании вещей и действиях дочеловеческих существ чрезвычайно редки. За исключением некоторых мифов о Луне и звездах и рассказа о происхождении смерти, почти ни о каких мифах, должным образом так называемых, не сообщается. "Были обнаружены лишь очень скудные следы, - говорит Ринк, - свидетельствующие о формировании каких-либо представлений о происхождении и ранней истории мира и правящих силах или божествах".*

* Он добавляет, что этого "кажется достаточным, чтобы показать, что подобные мифологические спекуляции по отношению к другим народам также были продуктом более поздней стадии культуры". То, что эта позиция ошибочна, ясно из множества мифов, собранных здесь у народов, более низких по культуре, чем эскимосы. Ср. Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*.

Обращаясь от эскимосов к индейцам острова Ванкувер, мы обнаруживаем, что у них довольно обширная мифология. Не веря точно в *всевышнего*, они имеют представление о *высшем* существе, Куавтеахте, не просто местном или племенном божестве, но известном в каждой

деревне, как Осирис в Египте. Он также, подобно Осирису и Байаме, вождь прекрасной, далекой, духовной страны, но у него были свои приключения и злоключения, пока он жил на земле. Злонамеренный аспект вещей — штормы, болезни и прочее — это либо разъяренный Куавтеахт, либо проявление его противника в примитивном дуализме, Туточа или Чай-хера, Гадеса или Плутона Ахтов. Как и Гадес, Чей-хер - это одновременно и личность, и место — обитель мертвых, испытывающих дискомфорт, и правитель этой земли, бескостная фигура с длинной седой бородой. Подвиги Квоутихта в начале времен были чем-то средним между подвигами Зевса и Прометея.

"Он является общим творцом — я не говорю, создателем всего сущего, хотя некоторые особые вещи исключены". * Куаутихт в "Легенде о гагаре" (который когда-то был обиженным индейцем и до сих пор оплакивает свои обиды) представлен сознающим поведение людей и склонным мстить за злодеяния. ** Лично Куаутихт был невысокого роста, с очень сильными волосатыми руками и ногами. *** В этом описании "первого индейца" есть налет бессознательного дарвинизма. В Куавтеахте смешиваются грубые черты бога и Адама, творца и первого человека. Эта смесь знакома по зулусскому ункулункулу. В отличие от Прометея, Куаутиат не крал семя огня. Его украли каракатица, и в некоторых легендах Куаутиат был первоначальным владельцем. Как и большинство богов, он мог принимать облик зверей, и именно в облике огромного кита он поверг своего противника Туточа в замешательство. *** Не похоже, что Туточ получает какое-либо поклонение, подобное тому, которое предлагается солнцу и луне.

Спрут, "Дикая жизнь", Лондон, 1868, стр. 210.

** Указ. соч., стр. 182.

*** Там же. i. стр. 179.

Оставив Ахтов ради Тлинкитов, мы находим Йела, бога или героя эпохи зарождения искусств, который, подобно Христу из финского эпоса или Мауи в Новой Зеландии, родился чудесным образом. Его матерью была женщина из племени Тлинкит, все мальчики которой были убиты. Когда она безутешно бродила по берегу моря, дельфин или кит, сжавшись над ней, велел ей выпить немного соленой воды и проглотить камешек. Она так и сделала, и в положенное время родила ребенка, Йела, героя Тлинкитов. Однажды, в юности, Йель подстрелил сверхъестественного журавля, освежевал его и всякий раз, когда хотел улететь, облачался в птичью шкуру. Тем не менее, он всегда известен как ворон. Следовательно, между Йелом и птицей существует почти такая же путаница, как между Амоном в Египте и бараном, в шкуре которого ему однажды было угодно явиться смертному. В юности Йела произошел всемирный потоп, вызванный проклятием его собственного недружелюбного дяди; но для Йела этот потоп ничего не значил, он взлетел к небесам и привязался клювом к облаку, пока вода не спала. Подобно большинству героев своего рода, Йель нес людям свет. В его время небесные тела хранились в ящиках у старого вождя. Йель с помощью хитроумной стратегии завладел ящиками. Взлететь с сокровищем на небосвод, открыть шкапулки и прикрепить звезды, солнце и луну на их надлежащие места в небе было для активного йехла делом одного мгновения.

Огонь он крал, как Прометей, неся в клюве головню, пока не достиг берега Тлинкита. Там огонь разводили на камнях и палках, из которых его до сих пор добывают, ударяя о кремьнь или труща

друг о друга кусочки дерева. Вода, как и огонь, в те дни была монополией, и один ханух хранил всю ее в своем собственном колодце. Ханух был предком семейства Волков среди тлинкитов, так же как Йель является первым отцом племени Воронов. Таким образом, волк и ворон соответствуют мифическим творческим воронам и какаду в австралийской мифологии и принимают чью-либо сторону в примитивном дуализме. Когда Йель пошел воровать воду у Хануха, у пары завязался спор, точь-в-точь как между Йукахайненом и Вайна-мойнен в "Эпосе финнов", о том, кто из них дольше прожил на свете. "Прежде чем мир встал на свое место, я был там", - говорит Йель; а Вайнамейнен говорит: "Когда была создана земля, я был там; когда развернулось пространство, я направил солнце по его пути". Подобное хвастовство встречается в поэмах Эмпедокла и Талиесина. Ханух, однако, оказался и старше, и более искусен в магии, чем Йель. И все же умение летать снова сослужило Йелю хорошую службу, и он унес воду, когда Один, приняв облик птицы, украл мед Суттунга, улетев с ним в клюве. Затем Йель отправился к себе домой.*

В мифах других рас Северо-западного побережья Тихого океана нет ничего более примечательного, чем териоморфный характер героев, которые также в определенной степени являются богами и творцами вещей.

У кониасас есть свои древние птица и собака, демиурги, создатели морей, рек, холмов, но при этом подчиняющиеся "великому божеству по имени Шлямшоа", посланцами и агентами которого они являются. ** У алеутов есть свой первобытный герой-собака, а также великий старик, который создавал людей, подобно Девкалиону и, как в мифе Макузи, бросая камни через плечо.***

* Бэнкрофт, iii. 100-102 [Холмберг, Eth. Перевод, стр. 61].

** Там же, 104, цитирую "Аляску" Далла, стр. 405, и "Путешествие Лисянского", стр. 197, 198.

*** "Индейцы Гвианы" Бретта, стр. 384.

О первобытных мифических существах великих племен охотников и воинов Америки - алгонкинов, гуронов и ирокезов - кое-что уже было сказано в главе "Мифы о происхождении вещей".

Особенность таких мифических героев или богов, как противостоящие друг другу добрые и злые божества краснокожих индейцев, заключается в том, что они принимают незначительное участие в мировых делах, когда они только начались.* Иоскеха и Тавискара, хорошие и плохие первобытные братья, пережили свои войны и теперь, по мнению некоторых, являются солнцем и луной.** Польза Иоскехи для человечества в основном осталась в прошлом; например, когда, подобно другому Индре, он убил огромную лягушку, проглотившую воду, и позволил ей свободно течь по земле.

Эрминия Смит в *Отчете Бюро этнологии* за 1880-81 гг. публикует полный, но не очень систематический отчет о современных богах ирокезов. Гром, ветер и эхо - главные божественные фигуры. Титаны или етуны, противостоящие сверхъестественные силы, являются каменными гигантами. "Среди самых древних божеств были их самые отдаленные предки, определенные

животные, которые позже были преобразованы в человеческие формы, названия животных были сохранены их потомками, которые использовали их для обозначения своих родов или кланов". У ирокезов есть странная и очень трогательная версия мифа об Орфее и Эвридике (цит. по, стр. 104). Он кажется местным и не заимствованным; все детали - чисто ирокезские.

** Relations de la Nouvelle France, 1636, p. 102.

*** Ibid. i. p. 108.

Иоскеха все еще настолько полезен, что "заставляет котел кипеть", хотя это может быть лишь способом напомнить о преимуществах, дарованных им человеку, когда он научился у черепахи добывать огонь. Более того, Иоскеха благодарен за успех в погоне, потому что он выпустил животных из пещеры, в которой они жили вначале. Когда они бежали, он сбил их скорость, ранив стрелами; спасся только один, быстрый как ветер волк. Некоторые преданные считали Иоскеху учителем сельского хозяйства и дарителем больших урожаев кукурузы. В 1635 году видели, как Иоскеха, весь тощий и похожий на скелет, разрывал зубами ногу человека - пророчество о голоде. О более приятном появлении лоскехи сообщает отец Бартелеми Вимонт.* Когда ирокез ловил рыбу, "ему явился демон в образе высокого и красивого молодого человека. "Не бойся, - сказал этот дух, - я владыка земли, которому вы, гуроны, поклоняетесь под именем Иоскеха; французы дают мне ошибочное имя Иисус, но они меня не знают". Затем Иоскеха дал несколько указаний, как вылечить оспу. История индейца, конечно, окрашена тем, что он знал о миссионерском учении, но этот инцидент следует сравнить с "лекарским сном" Джона Таннера.

Небо, воспринимаемое как личность, занимало место скорее в религии, чем в мифологии индейцев. К Нему обращались с молитвой и жертвоприношением, и "они умоляли небо обо всем, в чем нуждались".** "Небо слышит нас", - говорили они, принося клятву, и они умиротворили гнев неба очень своеобразным полуаннибальским жертвоприношением.***

* Отношения, 1640, стр. 92.

** Указ. соч. i. 1636, стр. 107.

*** О пауни и черноногих читайте в "Легендах Гринелла, пауни и черноногих" (2 тома).

То, чем иоскеха был для ирокезов, мичабо или манибожо, было для племен алгонкинов. Было много мистификаций о Мичабо, или Манибожо, или Мессу, который, вероятно, в мифе был зайцем *без слов*, но который был превращен филологическими процессами в олицетворение света или зари. Уже было замечено, что дикие народы Северной части Тихого океана признают в своих героях и демиургах животных различных видов; собаки, вороны, ондатры и койоты были удостоены этой высокой оценки, а юты верят в "Син-о-ав, древнейшего из волков".* Потребовался бы определенный труд, чтобы вывести всех древних героев и богов из неверных представлений о названиях таких обширных природных явлений, как свет и заря, и вполне вероятно, что Мичабо или Мани-божо, Большой заяц алгонкинов, является лишь удачно апофеозированным тотемом, как и остальные. Легенда о нем и его владениях очень широко распространены. Сам доктор Бринтон (стр. 153) допускает, что большой заяц является тотемом.

Возможно, нашим самым ранним источником о мифическом большом зайце в Америке является "Путешествие в Виргинию" Уильяма Стрейчи.**

* Пауэлл, в "Бюро этнологии", 1879-80, стр. 43.

** Около 1612 года; перепечатано Обществом Хакджуит.

Среди прочей информации о богах туземцев Стрейчи цитирует высказывания некоего индейца: "Всего у нас пять богов; наш главный бог часто является нам в образе огромного зайца; остальные четыре не имеют видимой формы, но на самом деле являются четырьмя уиндами". Один индеец, услышав от англичан библейский рассказ о сотворении мира, объяснил, что "наш бог, принявший облик зайца ... в конце концов изобрел и создал дайверов -мужчин и женщин". Он также прогнал людоеда Манитуса. "Этот богоподобный заяц сотворил воду, рыбу и великого оленя". Остальные четыре бога из зависти убили оленя зайца. Это удивительно похоже на бушменский миф о Кане, насекомом-богомоле, и его любимой канне. "Дом благочестивого зайца" находится в месте восхода солнца; там души добрых индейцев "питаются вкусными плодами с этим огромным зайцем", который, несомненно, является виргинским Осирисом. * Доктор Бринтон довольно подробно написал об "этом химерическом звере", миф о котором, по его словам, распространен "от самых отдаленных уголков северо-запада до побережья Атлантики, от южной границы Каролины до унылых болот Гудзонова залива.... На тотем" (вероятно, имеется в виду тотемный род) "клана, носившего его имя, смотрели с особым уважением". Из этого следует, что заяц был тотемом, подобным другому, и имел то же происхождение, каким бы оно ни было. По словам отца Аллуэза, индейцы "почитают каждого в отдельности, несомненно, лучшую химеру, потому что они не знают, что такое синоним в песне, или Важную миссию", что, по-видимому, является формой мичабо и мани-божо.**

История страданий, стр. 98, 99. Об этом зайце мы упоминали в т. i, стр. 184, но, по-видимому, стоит еще раз более внимательно изучить теорию доктора Бринтона.

** Отношения, 1637, стр. 13

В 1670 году тот же отец Аллуэз приводит несколько мифов о Мичабо. "Самый ужасный великий левр", который сотворил мир, а также изобрел рыболовные сети. Он - хозяин жизни, и может перепрыгнуть восемь лиг одним прыжком, и его слуги видят его во сне. В 1634 году отец Поль ле Жен дает более подробный отчет о Мессу, "вариации того же имени", по словам доктора Бринтона, что и Мичабо. Этот Мессу реконструировал затонувший мир из куска глины, принесенного ему выдрой, что удалось после неудачи ворона, посланного Мессу. Впоследствии он женился на выхухоли, от которой стал отцом процветающего семейства. "Le отважный восстановитель вселенной - это брат Айн де тутс ле бест", - говорит насмешливый миссионер. * Мессу обладает обычными способностями к изменению формы, которые являются обычным достижением знахаря или фокусника, *se transformant en mille sortes d'animaux*. ** Он не столько творец, сколько демиург, уступающий таинственному существу по имени Атахокан. Но Атахокан устарел, и его имя почти равнозначно басне старой жены, рассказу о событиях во времена джадиса. *** "Мом" Нитатохо-может означать: "Я не знаю, каково это - считать свершившееся приятным".

* *Отношения*, 1634, с. 13.

** Указ. соч., 1633, с. 16.

*** Указ. Соч., 1634, с. 13.

Это примеры легенд о Мичабо или Манибожо, большом зайце. По-видимому, он ничем не отличается от других животных, пользующихся магической известностью, которые во множестве мифов дикарей направляют мир по его пути и обучают людей искусствам. Его слава может быть более широко распространена, но его подвиги - это подвиги орла, вороны, волка, койота, паука, кузнечика и так далее в отдаленных уголках мира. Его легенда - это та легенда, происхождение которой мы приписываем левоверной фантазии древних народов, не делавших различия между собой и животными. Если заяц действительно был тотемом преуспевающего и почитаемого сородича, то его возвышение совершенно естественно и понятно.

Доктор Бринтон в своих *Мифах Нового Света* (Нью-Йорк, 1876) придерживается иной линии объяснения. Мичабо, по его словам, "изначально был высшим божеством, признанным ими, могущественным и благодетельным превыше всех остальных, творцом небес и мира". Мы с радостью приветствуем его в этом качестве в религии. Но уже было показано, что Мичабо является только в мифе *восстановителем мира*, и что у него есть партнер по сну — божество, отошедшее от дел. Более того, рассказ доктора Бринтона о Мичабо, "могущественном и благодетельном превыше всех других, творце небес и мира", противоречит его собственному утверждению о том, что "единобожия, проявляющегося в единственном личном определенном Боге семитских рас" (к которому применимо описание Мичабо доктором Бринтоном), "нет ни единого примера на американском континенте". * Резиденций и мест рождения Мичабо столько же, сколько богов Греции. Это правда, что в некоторых рассказах, как у Стрейчи, "его светлый дом находится в *восходящем солнце*". Из этого не следует, что заяц изначально имел какую-либо связь с рассветом. Но эту связь доктор Бринтон пытается установить с помощью филологических аргументов. По словам этого автора, названия (Манибожо, Нанибожу, Миссибизи, Мичабо, Мессоу) "все кажутся составленными в соответствии с хорошо установленными законами алгонкинского благозвучия из слов, соответствующих *великому и зайцу или кролику*, или первые два, возможно, из *духа и зайца*".** Но этой видимости нельзя доверять. Мы должны внимательно изучить алгонкинский корень *wab*, когда "окажется", что на самом деле есть два корня, имеющих этот звук. Один из них является начальным слогом слова, переведенного как "заяц" или "кролик", но другой означает "*белый*", и от него произошли слова, обозначающие восток, рассвет, свет, день и утро. Вне всякого сомнения, это соединение в именах Мичабо и Манибожо, которые, следовательно, означают великий свет, дух света, зари или востока".

* *Отношения*, стр. 63, 176.

** Указ. соч., стр. 178.

Затем война Манибожо превратилась в борьбу света и тьмы. Наконец, доктор Бринтон признает Мичабо "достойным олицетворением самых чистых представлений, которыми они обладали

относительно Отца Всего Сущего"*), хотя, согласно доктору Бринтону в более раннем отрывке, вряд ли можно сказать, что они обладали такими представлениями.** Мы не несем ответственности за эти несоответствия. Вырождение веры в "могучего огромного зайца", в "химерикское животное" было результатом неправильного понимания алгонкинами корня *wab* в их собственном языке, непонимания, которое затронуло не только диалекты, в которых корень *wab* встречается в имени зайца, но и те, в которых его нет!

В целом мифология великих охотничьих и воинственных племен Северной Америки населена фигурами идеальной культуры - героями, частично считающимися первочеловеками, частично демиургами и творцами. Внешне они колеблются между прекрасными юношами из "снов о врачевании" и звериным обликом тотемов и животных-покровителей. У них есть склонность отождествляться с солнцем, подобно Осирису в Египте, или с луной. Они являются адептами во всех искусствах знахаря, и особенно они пристрастились к превращениям в животных. Долгими зимними вечерами, сидя у костра, индейцы рассказывают такие же нелепые истории о своих шалостях и приключениях, как греки рассказывали о своих богах, а средневековые - о святых.

* Relations, стр. 183.

** Op. cit., стр. 53.

*** Полное собрание этих произведений в том виде, в каком они сохранились в устной традиции, с очевидной европейской примесью, можно найти в "*Легендах алгонкинов*" м-ра Лиланда, Лондон, 1884, и в "*Легендах Гайаваты*" Скулкрафта, Лондон, 1856. Посмотрите особенно легенду о Манибожо.

Стадия цивилизации, стоящая выше, чем у племен охотников, представлена в наши дни оседлыми индейцами пуэбло в Нью-Мексико и Аризоне. Что касается веры зунийцев, то, к счастью, у нас есть подробный отчет мистера Фрэнка Кушинга. * Мистер Кушинг долгое время жил в глиняных *пуэбло* зунийцев и является посвященным членом их священных обществ. Он обнаружил, что они рассуждали в метафизике по меньшей мере так же свободно, как маори, и что, подобно австралийцам, "они полагают, что солнце, луна и звезды, небо, земля и море во всех их явлениях и элементах, а также все неодушевленные предметы, а также растения, животные и люди принадлежат к одной великой системе всей сознательной и взаимосвязанной жизни, в которой степени родства, по-видимому, в значительной степени, если не полностью, определяются степенью сходства". Это, конечно, утверждается в терминах современных самосознательных спекуляций. Когда среди австралийских камиларов и курнаев встречаются во многом схожие мнения, они формулируются так: "Некоторые из тотемов разделяют не только человечество, но и всю вселенную на то, что можно назвать почти языческими разделениями".**

Отчет Бюро этнологии, Вашингтон, 1880-81гг.

** Камиларой и Курнаи, стр. 167. (стр. 170). Миссис Лэнглох Паркер в письме ко мне отмечает, что один только Байаме выходит за рамки этой концепции и является общим для всех классов, тотемов и классовых делений.

"Все в природе разделено на классы. Ветер принадлежит одному, а дождь - другому. Солнце - Утару, а луна - Юнгару.... Дикарь из Южной Австралии смотрит на вселенную как на великое

племя, к одному из подразделений которого он сам принадлежит, и все вещи, одушевленные или неодушевленные, принадлежащие к его классу, являются частями общего тела, частью которого он сам является. Они почти что части его самого".

Очевидно, что это то самое состояние ума, из которого неизбежно должна возникнуть мифология со всеми существующими вещами, действующими как *действующие лица*.

Таким образом, философия зуни наделяет все элементы и явления природы личностью, и эта личность сливается с личностью зверя, "действия которого больше всего напоминают его проявление". Таким образом, молния изображается в виде змеи, а змея занимает своего рода среднее положение между молнией и человеком. Как ни странно, кремневые наконечники для стрел, как и в Европе, считаются даром грома, хотя зуни еще не утратили искусство изготовления и, возможно, полностью не отказались от привычки ими пользоваться. Опять же, сверхъестественные существа религии зуни почти неизменно принимают облик животных или чудовищной полутериоморфной формы. Общего названия богов не существует, но соответствующие местные термины означают "творцы и мастера", "создатели", "завершители" и "бессмертные". Все эти классы, включая класс, который специально защищает животных, необходимых людям, "считаются кровными родственниками". Но среди этих сущностей животные наиболее близки к человеку, наиболее доступны и поэтому им больше всего поклоняются, иногда как посредникам. Но у зуни есть посредники даже между ним и его животными посредниками, и это фетиши, обычно из камня, которые случайно напоминают по форме того или иного бога-зверя. Иногда, как в случае с египетским сфинксом, естественное сходство камня с живой формой было подчеркнуто и увеличено искусством. Камни, имеющие естественное сходство с животными, больше всего ценятся, когда они старые и долго использовались, и ортодоксальная или священническая теория гласит, что они являются окаменелостями того или иного зверя. Кремневые наконечники стрел и перья обвязаны вокруг них бечевкой.

Все эти верования и обычаи вдохновляют эпос Зуни, который через определенные промежутки времени повторяется посвященными неофитам. Мистер Кушинг много слышал из этой архаичной поэмы в своем священном качестве. Эпос содержит космогонию зуни. Люди, как и во многих других мифах, изначально жили в темных уголках земли в четырех пещерах. Подобно детям Урана и Геи, они что-то бормотали в темноте. "Хранитель путей жизни", солнце, теперь создал двух существ из своей собственной субстанции; они упали на землю, вооруженные радугой и молнией, щитом и волшебным кремневым ножом. Пришельцы разрезали землю кремневым ножом, как Кат в Меланезии разрезал ощутимую темноту лезвием из красного обсидиана. Затем людей поднимали через отверстие в щите, и они начинали свое существование на солнечном свете, постепенно проходя через четыре пещеры. Люди появились на земном шаре, все еще очень влажном; ибо, как и в ирокезских и других мифах, было время, когда "миром была вода". Два благодетеля высушили землю и превратили чудовищных зверей в камни. Ясно, что этот миф объясняет одновременно ископаемые существа, найденные в скалах, и просто случайное сходство камней с животными, которые теперь используются в качестве фетишей.* Считается, что в камнях сохранилось "лекарство" или магия, духовная сила животных древности.

* Отчет и т.д., стр. 15.

У зунов, как обычно, есть культурный герой, По'шайан-кия, который основал мистерии, как это сделала Деметра в Греции, и учредил священные ордена. Он явился в человеческом обличье, научил людей сельскому хозяйству, ритуалам, а затем ушел. Он по-прежнему внимателен к молитве. Он разделил мир на регионы и дал животным их дома и функции, подобно тому, как это сделал Хейци Эйбид в Намакваленде. Эти животные выполняют замыслы культурного героя и наказывают посвященных зунов, которые небрежно относятся к своим религиозным обязанностям и ритуалам. Мифы о священных зверях длинны и мрачны, в основном этиологические, или попытки объяснить с помощью вымышленного повествования распространение и привычки различных существ. Молитвы зуни в основном направлены на успех в охоте; они обращены к божественным животным и подкреплены магическими церемониями. И все же молитва о спорте может закончиться таким поистине религиозным прошением, как это: "Даруй мне твой свет; укажи мне и моим детям верный путь по жизни". И снова мы читаем: "В этот день, отцы мои, вы, боги животных, хотя эта страна наполнена врагами, сделайте меня драгоценным.... О, дайте вы убежище моему сердцу от них!" Тем не менее, в религиозных гимнах зуни прославляют Ахонавилону, "Создателя и Вместилище Всего, Отца Всего Сущего", несотворенного, нерожденного, который "мысленно устремился в космос". Вот монотеизм среди фетишистов.*

* Кушинг, *Отчет, Этнол. Бюро*, 1891-92, стр. 379.

Вера зуни с ее метафизикой, набожностью и магическими ритуалами может показаться своего рода введением в магию, ритуалы и благочестие древних ацтеков. Последнее, возможно, выросло в течение долгих забытых веков из элементов, подобных тем, что были в практике зуни, в сочетании с чудовищной жестокостью воинственных племен севера. Пожалуй, ни у одной расы не наблюдается такого резкого контраста между низменным мифом и высочайшей спекуляцией о "Вечном, мыслящем себя в пространстве", как у зуни. В высшей степени абстрактная концепция Ахонавилонны была неизвестна европейцам, когда эта работа впервые появилась.

ГЛАВА XV. МЕКСИКАНСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

Европейские свидетели мексиканского ритуала -Диас, его рассказ о храмах и богах—Саагун, его метод—Теории бога Уицилопочтли—Тотемистические и другие элементы в его образе и легенде—Иллюстрации из латинской религии— "Поедание богов"—Календарь—Другие боги—Их праздники и жестокие ритуалы—Их сложный характер—Параллели у древних классических народов—Моральные аспекты ацтекских богов.

Религия мексиканцев представляла собой настолько поразительное сочетание морали и жестокости, что два ее аспекта были объяснены как вклад двух отдельных рас. Диким ацтекам с севера приписывают то, что они довели до высокого уровня организованных ритуалов свирепые обычаи краснокожих индейцев. пытки, которым племена подвергали захваченных на войне

пленников, превратились в жертвоприношения каннибалов и кровавые оргии, которыми пропитались храмы ацтеков. Более мягкие элементы, опять же, чувство греха, которое находило облегчение в исповеди и молитве, приписываются влиянию майя, и особенно толтеков, темного и, возможно, воображаемого народа. Наше невежество в отношении истории Мексики до испанского завоевания слишком глубоко, чтобы сделать любую подобную теорию о влиянии расы на религию в Мексике более чем просто правдоподобной. Факты о ритуалах и мифах стали лучше известны благодаря наблюдениям такого честного солдата, как Берналь Диас, и такого образованного миссионера, как Саагун. Автор *"Истории генерала лас Козас де Нуэва Испания"* был испанским францисканцем и одним из первых миссионеров (1529) в Мексике. Он сам описывает метод, с помощью которого он собирал информацию о местной религии. Он создал главарей одной из провинций, которые, в свою очередь, выбрали двенадцать стариков, хорошо разбиравшихся в мексиканских обычаях и древностях. Некоторые из них также были учеными в европейском смысле этого слова и изучали латынь. Большинство членов комиссии собрали и представили "рисунки, которые были письменами, ранее использовавшимися среди них", а "грамматики" или ацтеки, знавшие латынь, написали европейскими иероглифами и по-ацтекски пояснения к этим рисункам. Когда Саагун сменил место жительства, эти документы были снова сопоставлены, отредактированы и дополнены с помощью местных джентльменов в его новом районе, и, наконец, все они были пропущены через третье "сито", как говорит Саагун, в городе Мехико. У завершенной рукописи было много взлетов и падений судьбы, но книга Саагуна остается источником почти бесспорной подлинности.

Вероятно, ни одна мертвая религия, существовавшая среди людей, не знавших слоговых букв или алфавита, не представлена нам в более достоверной форме, чем религия Мексики. Необходимо, однако, не принимать во внимание *теории* Саагуна и его новообращенных, которые, хотя никогда не слышали об Эвгемереусе, обычно применяли эвгемеристскую доктрину к своим фактам. Они решили, что боги ацтеков когда-то были живыми людьми и фокусниками, которым поклонялись после их смерти. Возможно также, что оттенок католического благочестия проник в долгие молитвы кающихся язычников, как сообщает Саагун.* Саагун дает нам полный отчет о мексиканской мифологии. Какими были боги, представленные идолами и почитаемые в ритуалах, мы узнаем от доблестного солдата-католика Берналя Диаса. ** "Над алтарями, - пишет он, - были две фигуры, похожие на гигантов, поразительных по высоте и огромности. Первым справа был Уичилобос (Уицилопочтли), их бог войны. У него были большая голова и туловище, глаза большие и ужасные, и они были так инкрустированы драгоценными камнями, что вся его голова и тело сияли звездами. Огромные золотые змеи и драгоценные камни обвивали его бока; в одной руке он держал лук, а в другой - стрелы, а рядом с ним стоял маленький идол по имени его паж.... Там же были жаровни, на которых сжигали сердца трех индейцев, вырванные из их тел в тот же день, и дым от них и аромат благовоний были жертвоприношением. Стены этой молельни были черными и с них капала кровь, как и пол, который ужасно вонял". Таков был вид мексиканской святыни до того, как испанцы ввели свою веру.

* Краткий отчет о Саагуне и судьбе его книги см. в Bancroft, *Native Races of the Pacific States*, iii. 231, примечание 61. Ссылки здесь на собственную работу Саагуна относятся к переводу М. М. Журдане и Симеона, опубликованному Массоном в Париже в 1880 году. Берналь Диас упоминается во французском издании, опубликованном М. Лемером в 1879 году.

**Подлинная история*, глава xcii.

Что касается мифических привычек олимпийцев-ацтеков в целом, Саагун замечает, что "они любили маскироваться и часто превращались в птиц или диких зверей". Следовательно, он или его информаторы делают вывод, что боги изначально были некромантами или знахарями, которым теперь поклоняются после смерти; естественный вывод, поскольку магические умения менять облик обычно приписываются "повсюду ведьмам и чернокнижникам". Фактически, боги ацтеков, хотя и украшены атрибутами смертных заклинателей и мехом и перьями тотемов, по большей части являются ведомственными божествами политеизма, каждое из которых правит какой-либо областью природы или человеческой деятельности. В сочетании с ними присутствуют божества, которые по своему происхождению, вероятно, были идеальными культурными героями, такими как Йель, Кат или Прометей. Длинные и нудные мифы о Кецалькоатле и Тецкатлипоке, по-видимому, содержат воспоминания о борьбе между богами или культурными героями соперничающих рас. Такая борьба была естественной и, возможно, необходимой, прежде чем своего рода синкретизм и всеобщая терпимость смогли объединить в мире божества царства, состоящего из множества изначально враждебных племен. От культурного народа, состоящего из различных покоренных и объединившихся племен, мы должны ожидать политеизма, потому что их Олимп является своего рода собранием божественных представителей. Все, что похоже на монотеизм в таком состоянии, должно быть результатом философских размышлений. "Смехотворно то, - говорит Берналь Диас, - что в каждой провинции у индейцев есть свои боги, а боги одной провинции или города не приносят никакой пользы жителям другой. Таким образом, у них бесконечное множество идолов, каждому из которых они приносят в жертву".*

* Берналь Диас, глава. xciі.

Он мог бы описать теми же словами местных богов египетских номов, поскольку подобное положение вещей предшествовало синкретическим усилиям египетского жречества и в некоторой степени сохранилось. Между тем, *Теокаллис*, или храмы Мексики, предоставили гостеприимный приют этому смешанному множеству божеств. Рядом с Уицилопочтли был Тецкатлипока (Тецкатепука, как называет его Берналь), чья часовня "воняла хуже, чем все развалины Кастилии". У него была морда медведя и сияющие глаза, сделанные из зеркал, называемых *Тецкут*. Берналь понимал его как мексиканского Аида, или хранителя мертвых. Неподалеку стоял идол, получеловек-полу-ящерица, "бог фруктов и урожая, я не помню его имени", и со всех стен его часовни капала кровь.

В пестроте такого пантеона трудно расположить божества по какому-либо принципу упорядоченности. Начиная с Уицилопочтли, возможно, самого известного, следует отметить, что он, несомненно, стал богом битв и был признан им. И что он также был проводником и защитником, который (согласно нарисованным священным писаниям ацтеков) провел странствующих отцов через войну и пустыню в землю обетованную Мексику. Его рождение было одним из тех чудесных зачатий, которые мы так часто видели в мифах и *примерах* низших и высших рас. Набожная женщина Коатликуэ стала матерью Уицилопочтли, не проглотив ягоду, как в Финляндии, а бережно держа на груди летающий комочек перьев. Весь вооруженный, он выскочил на свет, подобно Афине из головы Зевса, и убил своих братьев, рожденных естественным путем. С того дня он получил страшные имена, соответствующие *Деймосу* и *Фобосу*.*

Клавиджеро, *Античная Мексика*, ii. 17, 19; Бэнкрофт, iii. 290.

Согласно другому мифу, эвгемеристическому по характеру, Уицитон (название связано с *уицилином*, колибри) был вождем ацтеков в их странствиях. После его смерти или перевода его череп давал предсказания, как голова Брана в валлийской легенде. Саагун на первой странице своего труда также восхваляет Уицилопочтли и изображает его своего рода Геркулесом, *дважды* сражавшимся со знахарем; но все это не более чем предположения. Положение Уицилопочтли как бога войны, хранителя и проводника по дикой природе совершенно установлено, и почти столь же повсеместно признано, что его имя связывает его с колибри, которую его статуя носила на левой ноге. Он также носил на голове пучок зеленого оперения, по форме напоминающий клюв маленькой птички. Теперь, как указал Й. Г. Мюллер, легенда и характеристики Уицилопочтли воспроизведены, по совпадению, поразительно даже в мифологии, в легенде и характеристиках Пикуса в Лациуме. Точно так же, как Уицилопочтли носил на ноге колибри, обозначенную его именем, так и Пикус был изображен с дятлом, носящим его имя, на голове. *

* Дж. Г. Мюллер, *Америка. Отн...*, стр. 595.

По поводу Пикуса можно обратиться к Овидию, *Метаморф*, xiv. 314. Здесь рассказывается, что Цирцея любила Пикуса, которого она встретила в лесу. Он пренебрег ее ласками, и она превратила его в дятла, "с его гранатовой головой". "Et fulvo cervix pncingitur auro."

Согласно Вергилию (J. Sn., vii. 187), статуя этого Пикуса была установлена в старом лаврентийском храме или дворце необычной святости, окруженном изображениями более ранних богов. Дятлы, *picī*, известны *по прозвищу Марцио*, говорит Плиний (10, 18, 20, § 40), и таким образом связан с римским богом войны, *Пикасом Марциусом*.

В своей "Римской мифологии", i. 336, 337, Преллер не использует эти материалы для сравнения, хотя поведение и характер другого боевого зверя, волка, как проводника и защитника хирпи (волков), которому они поклоняются во время волчьих танцев, является очевидным пережитком тотемизма. У пичини есть свой звериный вожак Пику, дятел, у хирпи есть свой звериный вожак волк, точно так же, как колибри была вождем ацтеков.

В этих латинских легендах, как и в легендах о Уит-зилопочтли, основой, как видит Й. Г. Мюллер, является птица - колибри в одном случае, дятел в другом. Затем птицу эвгемеризуют или приводят в антропоморфную форму. Существует легенда, что изначально он был человеком (как Пикус до того, как Цирцея заколдовала его в птичий облик), или, в Мексике, человеком по имени Уицитон, который во время переселения ацтеков услышал маленькую птичку, кричавшую "Тинни", то есть "Следуй, следуй", и погнался за ней. * Теперь мы все знакомы с классическими легендами о расах, которые направлялись птицей или зверем к своим конечным местам обитания. Мюллер упоминает Баттуса и ворона, халкидья и голубя, критян и дельфина, который был Аполлоном, Кадма и корову; хирпи, или волков, которые следовали за волком. Точно так же пичини последовали за дятлом, *Пикусом*, от которого они получили свое название, и несли дятла на своих знаменах. Таким образом, мы можем связать и сабинских богов войны, и птицу мексиканских богов войны со многими руководящими и защищающими животными, которые встречаются в баснях. Теперь животное-проводник и защитник - это почти синоним тотема. То,

что сабинянин-дятел был тотемом, можно почти наверняка установить на основании свидетельств Плутарха. Люди, названные его именем (Пичини), отказались, как и тотемисты повсюду, есть свою священную птицу, в данном случае дятла.**

* Банкрофт, iii. 69, примечание, цитирует Торквемаду.

** Вопрос. Рим., XXI.

Напрашивается вывод, что колибри, чье имя входит в имя Уицилопочтли и чьи перья носили на пятке, был тотемом ацтекского племени до того, как Уицилопочтли, подобно Пикусу, был очеловечен. С другой стороны, если Уицилопочтли когда-то был Байаме ацтеков, их Проводником в их странствиях, то в мифе он мог быть перепутан с тотемом или другим животным, которому поклонялись. "До того, как этот бог был представлен в человеческом облике, он был просто маленькой колибри, Уицитомом; но по мере развития антропоморфных процессов птица стала атрибутом, эмблемой или символом божества". * Если говорят, что Уицилопочтли подарил ацтекам огонь, то многие расы, от Нормандии до Австралии, обычно рассматривают это благо как подарок, преподносимый людям птицей; например, огнегравым крапивником.** Таким образом, орнитологический элемент в Уицилопочтли является чисто тотемическим. Принимая сведение его к колибри, М. Ревилл остроумно приходит к выводу, что он был "производной формой солнца, и особенно солнца ярмарочного сезона". Если птице и поклонялись, то не как тотему, а как "божественному вестнику весны", подобно "ржанке у латинян". *** Предпринимались попытки, без особого успеха, раскрыть космический характер бога по характеру его пиршеств.

* J. G. Мюллер, указ. соч., i. стр. 596.

** Боске, "Мервейльская нормандия", Париж, 1845; Броу Смит, "Аборигены Виктории", том i.; Кун, Herabkunft, стр. 109; Журнал Anthropol. Инст., ноябрь 1884 г.; Спроут, "Дикая жизнь" ("каракатица"), стр. 178; Бэнкрофт, iii. 100.

*** Лекции Хибберта, 1884, английский перевод, стр. 54, 55. Дятел кажется лучшим примером латыни, чем ржанка.

Мексиканский календарь, "год ацтеков", который довольно подробно описал Саагун, представлял собой последовательность праздников, отмеченных подробными и изощренными обрядами магического характера. Богов дождя часто умилоstellяли, так же как и богиню кукурузы, бога гор, мать богов и многих других божеств. Общая теория богослужения заключалась в поклонении божеству, сначала путем бесчисленных человеческих жертвоприношений, затем путем особого жертвоприношения мужчины богам мужского пола и женщины каждой богине. Последние жертвы рассматривались как живые образы или воплощения божеств в каждом конкретном случае, ибо ни одна система богослужения не допускала дальнейшего отождествления бога с жертвой, а обоих - с исполняющим обязанности священником. Связь подчеркивалась тем, что священник надевал свежесобранные шкуры жертв, точно так же, как в Греции, Египте и Ассирии на жертвоприношения надевают оленью, или бычью, или козлиную, или рыбью кожу жертв. Наконец, из пасты было сделано изображение бога, которое было разделено на кусочки и съедено во время отвратительного таинства теми, кто общался.*

Подробные сведения о таинствах, человеческих жертвоприношениях, фигурках богов из пасты и личности бога и жертвы можно найти во второй и третьей книгах Саагуна. *Магический* характер ритуала заслуживает особого внимания. Посмотрите множество примеров богов, сделанных из муки и съеденных в книге Либрехта "*Zur Volkskunde*", "*Der aufgegessene Gott*", стр. 436. Следует отметить, что праздники богини кукурузы, как и обряды Деметры, отмечались танцами с факелами. Ритуал месяца Кечолли (iii. 33, 144) - это просто охота за лекарствами, как называют это кожевенники и краснокожие индейцы, добывание магической силы для стрел, как в современных мистериях зуни. Сравните *Отчет Бюро этнологии*, том ii, "Боги-жертвы зуни".

Исходя из особого ритуала Уицилопочтли, мистер Тайлор предполагает, что этот "неразрывно связанный партеногенетический бог, возможно, изначально был "божеством природы, жизнь и смерть которого были связаны с годом".* Эта теория основана на практике на празднике, называемом Панкетзализтли. ** "Его идол из пасты был пронзен стрелой, - говорит м-р Тайлор, - и, будучи таким образом убитым, был разделен на куски и съеден; поэтому церемония называлась *Теокуало*, или "поедание бога", и это было связано с зимним солнцестоянием". М. Ревилл говорит, что этот праздник совпал с нашим декабром, началом холодного и сухого сезона, Уицилопочтли умирал вместе с зеленью, цветы и все прекрасные украшения весны и лета; но подобно Адонису, подобно Осирису и столь многим другим солнечным божествам, он умер только для того, чтобы жить и вернуться снова. Прежде чем отождествлять его с солнцем, можно отметить, что ацтекский праздник возвращения богов отмечался в двенадцатом месяце, а жертвоприношение пасты Уицилопочтли - в пятнадцатом.

В ацтекском году было восемнадцать месяцев, и год начинался 2 февраля. Таким образом, возвращение богов состоялось в сентябре, а жертвоприношение пасты Уицилопочтли - в декабре. Очевидно, что нельзя думать, что бог, который умирает в день зимнего солнцестояния, "возвращается" в конце сентября. Уицилопочтли устроил еще один пир в первый день девятого месяца, то есть между июнем и июлем, когда широко использовались цветочные украшения, и "ему предлагали первые цветы в году", хотя цветы использовались двумя месяцами раньше, в седьмой месяц и в четвертый месяц.***

Примитивная культура, ii. 307; Клавиджеро, *Мексико*, ii. 17, 81.

** Саагун, ii. 15, и Приложение, iii. 2, 3.

*** Там же. i. ii 9.

Но с мексиканским календарем трудно иметь дело. Мюллер относит праздники Уицилопочтли к середине мая, середине августа и середине декабря.* Он объединяет свои факты с легендой, согласно которой Уицилопочтли был сыном богини растительности. Вся аргументация Й. Г. Мюллера ученая и острая, но, вероятно, ошибочна в попытке извлечь последовательный символический смысл из хаоса мифов. Так, он пишет: "Когда миф делает бога сыном матери растений, он отделяет его сущность от сущности его матери, и, таким образом, Уицилопочтли, каким бы близким ни был растительный мир, сам по себе растительным миром не является". Это требует более пристального внимания, чем к создателям мифов. Имя богини-

покровительницы тех, кто носит цветы на праздниках, было Коатликуэ или Коатлан, что также является именем матери Уицилопочтли; его значение - "змеиная юбка".**

* Юрамерик. Отв. ред. с. 602.

** Саагун, ii. 8

Когда Мюллер продолжает отождествлять Уицилопочтли с пучком перьев, который попал в грудь его матери перед его рождением, и снова с колибри, и снова с птицей-медососом как "средством плодоношения растений", и, наконец, с *искусством природы*, мы оставили миф далеко позади и находимся в области символизма и абстрактного мышления, где одно предположение ничуть не хуже другого. Гипотеза состоит в том, что люди, испытывая чувство религиозного почтения к зародышевой силе в Природе, выбрали колибри своей эмблемой, и таким образом развился миф о рождении Уицилопочтли, который сразу же дает плоды и рождается из лона весенней Природы. Было бы опрометчиво и неправильно отрицать, что подобные идеи примешаны к мешанине мифов. Но, как правило, священное животное (например, колибри) священно в первую очередь само по себе, возможно, как тотем или как проводник и защитник, а символический смысл - это вынужденная интерпретация, наложенная позже на факты.* Мы вряд ли можем с уверенностью пойти дальше признания смешанных аспектов и элементов в Уицилопочтли как тотеме, племенном боге, ведомственном боге войны, и, возможно, он является богом прогресса и обновления этого года. Его легенда и ритуал представляют собой конгломерат всех этих вещей, массу идей со многих этапов развития культуры.

Для описания других ацтекских божеств должно быть достаточно сравнительно краткого резюме.

Тецкатлипока - бог со значительными претензиями на абстрактную и возвышенную божественность. Внешность его не была располагающей; его изображение, как описал Берналь, имело голову медведя и было покрыто крошечными зеркалами. ** Различные атрибуты, особенно зеркало и золотое ухо, выдавали в нем наблюдателя за поведением людей и слушателя молитвы. Говорили, что, пока он жил на земле, он был чем-то вроде Ареса в наименее дружелюбном аспекте бога, зачинщиком войн и раздоров. *** Богатство и власть были в его дару. Ему приписывали способность уничтожить мир, когда он того пожелал. Ему были посвящены сиденья на улицах и в общественных местах; на них не мог сесть ни один человек.

* Сравните Масперо с "Египетскими богами-животными", преподобный де л'Хист. des Rel., том i. и последующая глава, посвященные "Египетским божественным мифам".

** Название означает "сияющее зеркало". Акоста делает его богом голода и чумы (стр. 353).

*** Саагун, i. 3.

Он был одним из двух богов, чье необыкновенное рождение и смерть по "счастливой случайности", дабы их жизненная сила могла оживить неподвижное солнце, уже были

описаны.* Тецкатлипока, как и большинство других богов, ожил и вернулся с неба на землю. В местечке под названием Тулла он встретил другого бога или знахаря, Кецалькоатля, и их легенды неразрывно переплетаются с рассказами об обмане, превращениях животных и, возможно, со смутными воспоминаниями о миграциях племен. Повсюду Тецкатлипока приносил горе народу, называемому тольтеками, среди которых Кецалькоатль был божественным культурным героем. ** Его статуи, если мы можем верить Акосте, не делали ему чести. "В Чолуле, которая входит в Мексиканское содружество, они поклоняются знаменитому идолу, который был богом товаров.... Оно имело форму человека, но лицо маленькой птички с красным клювом и гребнем, полным бородавок".***

Антея, "Мифы о происхождении вещей".

** Сааганн, iii. 5, 6.

*** Акоста, *История нравственности в Ост- и Вест-Индии*, Лондон, 1604.

Простой способ получить представление о мексиканском пантеоне - изучить две книги Саагуна о праздниках богов с их ритуалами. Станет очевидным, что это поклонение в целом было поклонением ведомственным богам стихий, урожая, различных видов человеческой деятельности, таких как любовь и коммерция, война и сельское хозяйство. Природа поклонения, опять же, была в высшей степени практичной. Церемонии, когда речь шла не просто о подношениях человеческого мяса, обычно представляли на земле желанные вещи, которые боги, как ожидалось, произведут в небесной сфере. Общий тип всех подобных магических церемоний, при которых ожидается, что подобное произведет подобное, обсуждался в "Замечаниях о магии" (глава iv). Черный дым жертвоприношения порождает облака; изливание воды из кувшина (как в Аттической Тесмофории) побуждает богов излить дождь. Так, в Мексике бога дождя (Тлалока, бога вод) умиляли жертвоприношениями детей. "Если дети плакали и проливали обильные слезы, те, кто нес их, радовались, будучи убеждены, что дождь тоже будет обильным". * Опять же, у бога кукурузы (Цинтеотля, сына богини кукурузы) были обряды, напоминающие греческие Пианепсион и Эйресионе. Ацтеки делали изображение бога и предлагали ему всевозможные сорта кукурузы и бобов.** Довольно любопытно, что греки также считали свой пианепсион бобовым пиршеством. Более примечательной аналогией является перуанская Мама Кора, фигурка богини, сделанная из кукурузы, у которой спрашивали, "хватит ли у нее сил продержаться до следующего года", и целью которой было "чтобы семя кукурузы не погибло". *** Это кукурузное изображение богини кукурузы, сохраняемое в течение всего года и заменяемое в следующем году новым изображением, является Аттиком (----), оливковой ветвью, подвешенной вместе с хлебом и всеми плодами сезона и установленной стоять весь год. перед каждым домом. "И он остается на год, а когда на следующий год высыхает и увядает, они делают свежий".****

* Саагун. ii. 2, 3.

** Там же., ii. 4, 24.

*** Акоста, *История Нац.*, 1604, стр. 413.

**** См. Schol. в Aristoph. Plut., 1054, и другие тексты, цитируемые Маннхардтом, *Arntike Waldund Feld Cultus*, ii. 221, примечание 3.

В Мексике этому божеству приносили в жертву детей. В ритуалах богини урожая, как уже было сказано, танцоры несли факелы, как в Элевсине, так и в европейском и восточном фольклоре.¹ Деметра была греческой богиней урожая, в обрядах которой факелам отводилось место. Одно из ее имен - Деметра Эриннис. Мистер Макс Мюллер узнает в Эриннис рассвет. Шварц связывает Деметру Эриннис с грозой. Согласно Шварцу, факел в руке Деметры - это молния. Интересно, будь то факел рассвета, или шторма, или ни того, ни другого, увидеть распространенность этих фестивалей факелов в сельских обрядах Мексики, Греции и современной Европы. Идея крестьян заключается в том, что огни отпугивают злых духов.** В мексиканском обряде в жертву приносилась женщина, представляющая богиню и одетая в ее украшения. Такая же ужасная церемония сопровождала праздник матери богов, Тетео Иннан.^{***} В этом обряде мужчина, представлявший сына богини, носил маску из кожи бедра женщины-жертвы, которая олицетворяла саму богиню. Ношение шкуры устанавливало родство между мужчиной и женщиной, как во многих классических, древних и диких ритуалах, когда участники церемонии надевают шкуры принесенных в жертву животных. Был бог бури по имени "облачный змей" Мишкоатль, чьи обряды были не более гуманными. Мексиканскую Афродиту звали *Тласолтеотль*,**** "нечистая".

* Mannhardt, op. cit., ii. 263, i. 501, 502; Schwartz, *Prähistorisch Anthropologische Studien*, p. 79.

** Compare the French *jour des brandons*.

***См. Саагун, ii. 30.

**** Там же, i. 12.

Относительно ее характера ацтеки не питали иллюзий. Она выслушивала исповеди самых отвратительных грешников, которых, возможно, сначала соблазнила совершить ошибку, а затем простила и отпустила грехи. Исповедь обычно откладывалась до тех пор, пока люди не перестанут склонны грешить. Говорят, что она была женой Тлалока, похищенной Тецкатлипокой. "Должно быть, это была водная растительность болотистых земель, - говорит мсье Ровиль, - которой владел бог вод, пока солнце не высушило ее и она не исчезла". Это забавный пример современной изобретательности. Это напоминает утверждение М. Ревилля о том, что у Тлалока, бога дождя, "был только один глаз, что показывает, что в конечном счете его следует отождествлять с древним олицетворением дождливого неба, чей единственный глаз - солнце". У дождливого неба обычно вообще нет "глаз", а если и есть, то в этом отношении оно ничем не отличается от безоблачного неба.

Трудно представить себе менее прекрасных олимпийцев, чем ацтекские боги. И все же, принимая во внимание все католические соображения, не может быть никаких сомнений в том, что молитвы, епитимьи и исповеди, подробно описанные Саагуном, указывают на твердую веру мексиканцев в то, что даже эти странные божества "созданы для праведности", любили добро и

в этом мире и в следующем наказывали зло. Как бы то ни было, какие бы исторические случайности или смешение рас в далеком прошлом ни были причиной этого, ацтеки довели религиозные и мифические идеи до крайности. Они были чрезвычайно благочестивы в своем покаянии и молитве; они были более свирепыми в ритуалах, более фантастичными в мифах, чем самые дикие племена, безручные и бездомные, не знающие земледелия или какого-либо оседлого и обеспеченного существования. Даже инквизиция Испании шестнадцатого века была усовершенствованием неслыханных мерзостей мексиканских ритуалов. Как и во всех полностью развитых политеизмах цивилизованных рас, у ацтеков мы упускаем из виду моральную первобытность низших диких рас. Его заслоняют божества, которые еще не развились в низшей культуре.

ГЛАВА XVI. МИФОЛОГИЯ ЕГИПТА

Древность Египта—Предположения о происхождении народа—Хронологические взгляды на религию—Постоянство и изменения—Местное и синкретическое богослужение—Элементы чистой веры и тотемизма—Авторитетные факты—Памятники и греческие отчеты—Противоречивые теории современных авторов—Изучение богов, их зверей, их союзов и мутаций—Свидетельства ритуала—Изучение мифа об Осирисе и развития Осириса-Дикарские и теологические элементы в мифе—Моральный аспект религии—Заключение.

Даже для древних Египет был древностью, и греки искали в неведомых тайнах египетской религии источник всего самого таинственного в их собственной. Любопытство к неясным истокам человеческих верований и первому знанию о богах, естественно, было возбуждено этим зрелищем египетского пантеона. Ее высшие боги были абстракциями, окутанными, подобно инволюти этрурии, покровами мистической доктрины; однако в самых потаенных уголках ее храмов благочестивые созерцали "крокодила, кошку или змею, зверя, катающегося на пурпурном ложе".*

* Клем. Алекс., *Педагог.*, iii. 2 (93).

В Египте и в ранние века, и в более поздние времена царили мысли о смерти, чья тень падала на монарха в день его коронации, чей шепот повелевал ему послать к далеким берегам за гранитом и алебастром для гробницы. Как жизнью управляла идея смерти, так и факт был побежден мечтой, и все реальности поспешили раствориться в символах; все боги поспешили слить свою индивидуальность с солнцем, как мотыльки слетаются на пламя свечи. Это зрелище расы, послушной мертвым и преклоняющейся перед животными, эта процессия богов, которые были их собственными отцами и членами Ра, пробудили интерес греков, которые были еще более взволнованы тайной глубокой древности, скрывавшей зарождение Египта. Полные

собственных воспоминаний и легенд о племенных движениях, миграциях, вторжениях, греки ощущали себя детьми вчерашнего дня перед лицом светской империи с таким далеким происхождением, что о нем едва ли можно было догадаться в легендарных домислах. Египет представлял для них, как и для нас, зрелище античной цивилизации без известного начала. Сегодняшняя лопата раскрывает не более, чем традиции двухтысячелетней давности. Самые древние реликвии древнейшей династии - это массивные произведения организованного общества и совершенное искусство. Существует непреодолимая пропасть между строителями таинственного храма хард у Сфинкса и их предшественниками, отколовшими кремневые топоры эпохи палеолита в речном дрейфе. Мы не знаем, откуда пришли египтяне; мы лишь играем гипотезами, когда предполагаем, что ее народ имеет азиатское или африканское происхождение; мы не знаем, возникли ли ее боги в плодородных болотах на берегах Нила или были перенесены в ковчегах, подобно мексиканскому уицилопочтли, из более древних мест благодаря благочестию их почитателей. И все же, как одна великая река с таинственным источником течет по всему Египту, так и через заросли и джунгли ее религии течет один великий миф из далекого источника, миф об Осирисе.*

Что касается происхождения египтян, то среди древних людей преобладало убеждение, что они спустились по Нилу из внутренних районов Африки. Cf. Diodorus Siculus, iii. 8. Современные теоретики время от времени склоняются в этом направлении. Dumichen, *Geschichte des Alien Ægyptiens*, i. 118. И снова была предпринята попытка представить их как успешных представителей расы, социальными неудачниками которой являются бушмены Южной Африки. М. Масперо еще раз предполагает, что египтяне были "протосемитами", этнологически связанными с народами Восточной Азии, и грамматика их языка имеет семитское сходство. Но связь, если она когда-либо существовала, признана крайне отдаленной. Maspero, *Hist. de l'Orient*, 4th edit., p. 17. De Rouge writes, "Tout nous ramène vers la parenté primitive de Mitsraim (Egyptains) et de Canaan" (*Recherches sur les Muniments*, p. 11).

Вопросы, которые мы должны задать, имея дело с мифологией Египта, сводятся к двум разделам: во-первых, какова была природа египетской религии и мифа? Во-вторых, как возникла эта сложная совокупность верований и практик?

Вопрос, *Какой была религия Египта?* далеко не прост. В полном трактате на эту тему необходимо было бы в ответ спросить, в какой период, в каком месте и среди каких классов общества существовала религия, которую вы хотите исследовать? Древнеегипетская религия прожила такую долгую жизнь, что ее почти невозможно измерить с помощью расплывчатых мер геологического времени. Нам исторически известно, по самым ранним памятникам, о дате, на которую архиепископ Ашер установил Сотворение Мира. Следует отметить, что даже тогда религия Египта была древней и вполне развитой; нет никаких исторических следов ее зарождения. Как и материальная цивилизация, она была создана незарегистрированными *Шешоа Хор*, "слугами Гора", патриархами, обитавшими с благословенными. За четыре или пять тысяч лет своего последующего существования египетская религия претерпела различные изменения.* Это был консервативный народ, воспитанный мудростью гробницы. Но захватчики, семиты, эфиопы и греки, принесли с собой некоторые из своих собственных идей. Жреческие коллегии разработали новые догмы и незаметно изменили ритуал. Мысль сотен поколений людей размышляла, и не безрезультатно, над проблемами божественной природы. Наконец, вполне вероятно, что в Египте, как и везде, суеверия наименее образованных и

наиболее отсталых классов и покоренных народов, находящихся на более низком уровне цивилизации, снова и снова разбивались и пробивали себе дорогу на поверхность религии. Таким образом, полное изучение египетских верований было бы хронологическим — отмечало бы заход и восход звезд древних и более поздних божеств.

Профессор Либлен, придерживаясь этой точки зрения, возражает против заявления г-на Ле Паж Ренуфа, который пишет: "Самые ранние памятники, которые были обнаружены, представляют нам ту же самую полностью развитую цивилизацию и ту же религию, что и более поздние памятники" (*Hib. Лекции*, 1880, стр. 81). Но излишне нападать на позицию, которой, по-видимому, на самом деле не придерживается г-н Ле Паж Ренуф. Он признает существование развития египетской религиозной мысли: "Поэтому я полагаю, что, вплотную приблизившись к точке, на которой политеизм мог превратиться в монотеизм, религиозная мысль Египта свернула в сторону, на ложный путь" (Цит. по: Цит. по, стр. 236).

Метод систематической истории египетской религии не регулировался бы только хронологией. Топографические и социальные условия также потребовали бы внимания. Любимый бог или боги одного нома (административного округа), или одного города, или одной священной столицы не были богами другого мегаполиса, или города, или нома, хотя некоторые божества были общими для всей страны. Фундаментальный характер мог быть почти одинаковым в каждом конкретном случае, но титулы, аспекты, ритуал и описания божественной генеалогии различались в каждой местности. И снова "синкретическая" тенденция продолжала сливаться в одно божественное имя и форму или в семейную триаду богов (мать, отец и сын), божеств разных регионов, которые, несмотря на их местные особенности, теологи могли признать практически одинаковыми.

В то время как политические события и местные обстоятельства, таким образом, модифицировали египетскую религию, никогда не следует забывать, что различные классы общества, вероятно, никоим образом не были едины во мнениях. Памятники показывают нам, во что верили цари или, по крайней мере, что они практиковали, записывают молитвы, которые они произносили, и жертвы, которые они приносили. Гробницы и папирусы, содержащие *Книгу мертвых* и другие родственные произведения, раскрывают природу веры в будущую жизнь с изменениями, которым она подвергалась в разное время. Но люди, подавляющее большинство, неграмотные и молчаливые, не могут сказать нам, во что *они* верили или какие были их любимые формы поклонения. Нам остаются свидетельства об амулетах, магических книгах, популярных сказаниях, сохранившихся кое—где на папирусах, и поздние свидетельства греческих писателей - Геродота, Диодора, автора трактата "*Об осириде и сокрытии*", и других. В то время как духовенство двадцатой династии воспевало совершенства Амона Ра - "столь высокие, что человек не может достичь его, обитателя скрытого места, того, чьего образа не видел ни один человек", — крестьянин, возможно, поклонялся, подобно современному зулусу, змеям в своей лачуге, или, возможно, поклонялся местному священному коту своей деревни, или бросал камни в местного священного крокодила своих соседей. Для просвещенных в более поздней империи, возможно, также и для самых отдаленных неизвестных предков, Бог был самодвижущимся, созданным самим собой, проявляющимся в божествах, которые вместе были членами божества в нем. Но крестьянин, если он вообще думает о богах, думает о том, что они ходят по земле, подобно нашему Господу и святым в скандинавских детских сказках, чтобы

развлекаться приключениями людей. Крестьянин рассказал о Семи Хаторах, которые, подобно феям-крестным, приходят к колыбели каждого младенца и предсказывают его судьбу в жизни. *

* Сравните Масперо, *Hist. de l'Orient.*, 4-е изд., стр. 279-288, о священнических гимнах и поклонении животным. "Возвышенные мысли оставались достоянием небольшого числа священников и просвещенных людей; они не проникали в массу населения. Напротив, у поклонения животным - гусю, ласточке, кошке, змее - было гораздо больше последователей, чем мог сосчитать Амнион Ра ". См. также Тиле, *Мануэль де л'Истор. рел.*, Париж, 1880, стр. 46, 47. Фольклорные предания о странствующих богах см. в "Масперо, *Состязаниях египтян*", Париж, 1882, стр. 17.

Конечно, невозможно написать здесь полную историю египетской религии в той мере, в какой ее можно извлечь из книг и эссе современных ученых; но, вероятно, уже было ясно, что, когда мы говорим о религии и мифологии Египта, мы говорим об очень обширном и сложном предмете. Очевидно, что это тема, которая для непрофессионала полна подводных камней, и по которой даже ученые вполне могут прийти к противоречивым мнениям. Короче говоря, там, где одна школа находит в богах и священном зверинце египетских верований искажение примитивного монотеизма, ее оппоненты видят скопище пережитков дикости в сочетании с более ясными религиозными идеями, которые являются долгим результатом цивилизованного и образованного мышления.* Обе точки зрения могут быть отчасти правильными.

Английский лидер бывшей школы, сторонник первобытной чистоты, испорченной и деградировавшей, но не исчезнувшей, - мистер Ле Пейдж Ренуф (*Лекции Хибберта*, Лондон, 1879). Не всегда очень легко понять, на чьей стороне г-н Ле Паж Ренуф. Например, в своих *Лекциях Хибберта*, стр. 89, он несколько сочувственно отзывается об "очень многих выдающихся ученых, которые, обладая полным знанием всего, что можно сказать об обратном, утверждают, что египетская религия по сути монотеистична". Он сам говорит, что "сила без имени или какой-либо мифологической характеристики постоянно упоминается в единственном числе и может рассматриваться только как объект этого нуминисского чувства, или непосредственного восприятия Бесконечного". который является "результатом интуиции, столь же непреодолимой, как впечатления наших органов чувств". Если это не примитивный инстинктивный монотеизм, то что же это? И все же г-н Ле Паж Ренуф говорит, что египетский политеизм, вплотную приблизившись к точке, где он мог бы стать монотеизмом, пошел по ложному пути; таким образом, египтяне, в конце концов, были политеистами, а не монотеистами (цит. по, стр. 235). Аналогичных взглядов позднее знаменитый Виконт де Руже, М. Мариэтта, м. Компания pierret, и Бругшу Паша (*отн. и миф, дер чужой Egypter*, т. я., Лейпциг, 1884). С другой стороны, в целом относительно египетский вероучения как сложного массового раннего нецивилизованный и интересных идей, с более поздней жреческой религии, стремящейся к пантеизм и монотеизм, М. Масперо, профессор теле, профессор Lieblein (английский читатель может обратиться его памфлет, *египетской религии*, Лейпциг, 1884), м. Эдвард Мейер (*des устоуи Alterthums*, Штутгарт, 1884), господин питч. манн (*Zeitschrift für Ethnological*, Берлин, 1878, арт. "Fetisch Dienst") и профессор Тиле (*Manuel de l'Histoire des Pелигии*, Париж, 1880, и "*История египетской религии*", английский перевод, 1882).

После этой преамбулы давайте попытаемся составить общее представление о том, что представляла собой египетская религия в целом. Какую религию увидели израильтяне во время пребывания в Египте или что предстало взору Геродота? К несчастью, у нас нет таких очевидцев

древнего Египта, какими Берналь Диас был свидетелем ацтекских храмов. Библия мало что говорит определенного о теологической "мудрости египтян". Столкнувшись со священными животными, Геродот, возможно, с двойной достоверностью использовал греческую пилу: "Огромный бык наступил мне на язык".* Но то, на что Геродот намекал или о чем умолчал, почерпнуто из свидетельств гробниц, стен храмов и иллюстрированных папирусов.

В одном можно быть уверенным. Какой бы еще ни была религия Египта в любое время, каждому иностранному наблюдателю она казалась политеизмом.** Более того, это был такой же политеизм, как и все остальные. Например, грекам не составило труда распознать среди этих звероголовых чудовищ богов, аналогичных их собственным. Об этом свидетельствует тот факт, что почти каждому божеству Египта они с готовностью и единодушно присвоили греческое божественное имя. Ухватившись за определенный аспект Осириса и его мистериальной игры, они сделали его Дионисом; Гор стал Аполлоном; Птах - Гефестом; Амон-Ра - Зевсом; Тот - Гермесом и так далее с остальными. Египетские божества были признаны божественными существами, под их опекой находились определенные (обычно плохо определенные) сферы природы и человеческой деятельности. Некоторые из них, такие как Себ (земля) и Нут (небеса), почитались стихийными силами или явлениями и отождествлялись с теми же личными явлениями или силами, Ураном и Геей, в греческой системе, где небо и земля также были родителями многих богов.

* *Æschylus, Agamemnon*, 37, (———)

** Maspero, *Musée de Boulaq*, p. 150; *Le Page Renouf, Hib. Вел.*, стр. 85,86.

Таким образом, бесспорно ясно, что египетская религия имела политеистический аспект, или, скорее, как говорит Масперо, была "ярко выраженным политеизмом"; что в этом отношении она совпадала с другими политеизмами и что этот элемент должен быть объяснен в египетском языке, как это объясняется в греческой или ацтекской, перуанской или маорийской религии.* Теперь объяснение уже было предложено в рассмотренных ранее мифологиях. Некоторые боги, такие как Ранги и Папа, небо и земля маори (Нут и Себ), были признаны представителями старых личных земли и неба, которые являются плодом варварской фантазии. Другие боги - это информирующие и пребывающие в нас духи других явлений, ветров, моря или леса. Другие, опять же, независимо от их происхождения, властвуют над смертью, над мертвыми, над жизненно важными функциями, такими как любовь, или над искусствами жизни, такими как сельское хозяйство; и эти последние боги областей человеческой деятельности, вероятно, были в зарождающейся культуре героями, реальными или, что более вероятно, идеальными, первыми учителями людей.

* "Безусловно, ошибочно рассматривать египетскую религию как политеистическое искажение доисторического монотеизма. Правильнее сказать, что, будучи политеистической в принципе, религия развивалась в двух абсолютно противоположных направлениях. С одной стороны, постоянное появление новых богов, местных или чужеземных; с другой, стремление к единобожию, которого так и не было достигнуто полностью. Ученые объясняли скопище богов как множество воплощений одного скрытого несотворенного божества". —Тиле, *Мануэль де История религий*, стр. 46.

В политеизмах с давних времен все эти атрибуты и функции были объединены и перераспределены, и результат мы видим в той путанице, которая составляет саму суть мифа. У каждого бога много мест рождения, у каждого много гробниц, все они имеют противоречивые генеалогии. Если эти идеи о других политеизмах верны, то, вероятно, они в значительной степени объясняют первые принципы египетского политеизма. Они объясняют, по крайней мере, факторы египетской религии, которые греки признавали аналогичными их собственной и которые встречаются среди политеистов всех уровней культуры, от Новой Зеландии до Эллады. Если когда-либо Птах или какое-либо другое имя представляло "Нашего Отца" таким, каким его знают самые отсталые расы, то оно было отодвинуто на задний план богами, возникшими из призраков, ведомственными богами и богами рас, объединившихся в ходе завоеваний и поселений.

Таким образом, оставляя в стороне на данный момент обширную систему поклонения предкам и обрядов, совершаемых в пользу умерших, и оставляя в стороне божественность царя, политеизм был самой замечательной чертой египетской религии. Иностранец путешественник во времена строителей пирамид, как и во времена Рамзеса II, или Птолемея, или римского господства, обнаружил бы множество богов, получающих почести и жертвы. Он узнал бы, что одному богу больше всего поклонялись в одной местности, другому - в другой, что Амон-Ра преобладал в Фивах; Ра, бог солнца, в Гелиополисе; Осирис в Абидосе и так далее. Он также заметил бы, что определенные животные были посвящены определенным богам и что в местах, где почиталось каждое животное, его вид не употребляли в пищу, хотя его могли безупречно приготовить и съесть в соседнем номе или округе, где доминировало другое животное. Повсюду, во всех номах и городах, практиковалось поклонение Осирису, главным образом как богу и искупителю мертвых.*

* О различных религиях разных номов, и особенно о поклонении животным, см. Pietschmann, *"Египетский фетишизм и Геттерглаубе"*, *Журнал этнологии*, 1878, стр. 168.

Хотя таковы общие характеристики египетской религии, в течение пяти тысяч лет неизбежно произошло множество изменений. Если представить себе путешественника, наделенного, подобно Странствующему еврею, бесконечной жизнью и посещающего Египет каждую тысячу или каждые пятьсот лет, мы можем представить себе некоторые изменения в религии, которые он наблюдал бы. В целом, от первой династии и самых ранних памятников до того времени, когда Хор стал носить одежду римского центуриона, путешественник обнаружил бы, что главные фигуры Пантеона узнаваемы одинаково. Но появились бы новшества в том, как поклоняться им, давать им названия или представлять их. "В древнейших гробницах, где найдены древнейшие письмена, упоминается не так уж много богов — это Осирис, Гор, Тот, Себ, Нут, Хатхор, Анубис, Аферу и еще пара". * Вот список богов, которые оставались в почете до тех пор, пока "пес Анубис" не сбежал с Вифлеемской звезды. Большинство из этих божеств имели родимые знаки неба и гробницы. Если Осирис был "богом солнца Абидоса", то он также был убитым и изуродованным культурным героем. Если Хор или Хорус был солнцем в период своего расцвета, он тоже подвергался жестокому обращению со стороны своих врагов. Себ и Нут (имена указаны на гробнице Микерина четвертой династии в Британском музее) были нашими старыми друзьями, персональными небом и землей. Анубис, шакал, был "повелителем могилы", и мертвым царям поклонялись не меньше, чем богам, которые, как считалось, были мертвыми царями. В то время как определенные боги, сохранившие постоянную власть,

появляются в древнейших памятниках, священные животные также присутствуют с самого начала.

* Либлейн, *Египетская религия*, стр. 7.

Фактически, боги на самых ранних памятниках были животными. Вот один из моментов, в котором произошли большие изменения в египетской религии. До двенадцатой династии, когда упоминается бог (а в этих очень древних останках боги упоминаются не часто), "он представлен своим животным или именем, написанным иероглифами, часто рядом с птицей или зверем".* "Шакал означает Ануп (Анубис), лягушка - Гект, павиан - Тахути (Тот). Только после того, как в стране начало действовать семитское влияние, были найдены какие-либо фигуры богов". Под "фигурами богов" подразумеваются более поздние изображения в форме человека или получеловека, с головой ястреба, головой шакала и подобные изображения, с которыми мы знакомы по музеям. Перемены начинаются с двенадцатой династии, но наиболее заметными становятся при восемнадцатой. "Во времена древней империи, — говорит М. Масперо, — я нахожу памятники только в четырех местах - в Мемфисе, в Абидосе, в некоторых частях Среднего Египта, на Синае, и в долине Хаммамат. Божественные имена появляются лишь изредка, в определенных неизменных формулах. При одиннадцатой и двенадцатой династиях на сцену выходит Нижний Египет. Формулы более четкие, но религиозные памятники встречаются редко. Начиная с восемнадцатой династии, у нас есть *изображения* всех божеств, сопровождаемые более или менее развитыми легендами, и мы начинаем обнаруживать книги с ритуалами, гимны, амулеты и другие предметы".** В пирамидах также есть священные тексты.

* Флиндерс Петри, *Искусство Древнего Египта*, стр. 8.

** *Revue de l'Histoire des Religions*, i. 124.

Другие изменения, менее важные, чем то, которое превратило бога-зверя в божественного мужчину или женщину, часто со звериной головой, прослеживаются в самые ранние века. Ритуал священных быков (Хапи, Апис) официально появляется при четвертом царе первой и первом царе второй династий. * Г-н Ле Паж Ренуф, признавая это, считает, что большое развитие поклонения быку произошло позже. ** В третьей династии имя Ра, солнце, добавляется к царским именам царей, таким как Небкара, Ноферкара и так далее. *** Осирис становится более важным, чем бог-шакал, как хранитель мертвых. Сокар, другой бог смерти, проявляет тенденцию сливаться с Осирисом. С успехами восемнадцатой династии в Фивах наиболее заметен процесс *синкретизма*, посредством которого смешиваются различные имена богов и божественная природа, чтобы объединить верования различных номов и провинций и объединить все в поклонении фиванскому Амону Ра. В настоящее время возникают теологические школы; пантеизм и подход к монотеизму в фиванском боге становятся вероятными результатами религиозных спекуляций и имперского успеха. Распад фиванского владычества поставил эти тенденции в тупик, но монотеистическая идея осталась в эзотерических догмах духовенства и сохранилась в неоплатонизме. Вносятся особые изменения — сейчас, как в случае поклонения солнечному диску царем-еретиком; ранее, как в случае распространения культа Сета, возможно, семитскими захватчиками.

* Бругш, *История Египта*, английский перевод, i. 59, 60.

** Hib. Лекция., стр. 237, 238.

*** Указ. соч., i. стр. 56.

**** О Хунатене и его ереси диска в Фивах см. Бругш, указ. соч., i. 442. Это практически не повлияло на миф. Тиле говорит (*Hist. Egypt. Отн.*, стр. 49), "С самой отдаленной древности Сет входил в круг Осириса и, таким образом, был подлинным египетским божеством".

Здесь невозможно сделать больше, чем указать на видоизменение, которому подверглась египетская религия. Повсюду он оставался неизменным в определенных чертах, а именно в *местном* характере своих богов, их полезности для мертвых (их *хтонический* аспект), их тенденции сливаться с солнцем, Ра, великим типом, символом и источником жизни, и, наконец, в их неспособности стряхивать мех и перья зверей, самой ранней форме их собственного развития. Таким образом, жизнь, смерть, небо, солнце, птица, зверь и человек - все это смешалось в религиозных представлениях Египта. Далее следуют два гимна Осирису, гимны девятнадцатой и двадцатой династий, которые иллюстрируют смешение возвышенных и почти диких идей, сосуществование представлений всех уровней мышления, составляющих загадку египетской мифологии.

"Приветствую тебя, Осирис, старший сын Себа, величайший из шести божеств, рожденных Нут, главный любимец твоего отца, Ра, отца отцов; царь времени, повелитель вечности; единый в своих проявлениях, ужасный. Когда он покинул утробу своей матери, он объединил все короны, он водрузил урсей (эмблему суверенитета) себе на голову. Бог многих обличий, бог с неизвестным именем, ты, у кого много имен во многих провинциях; если Ра восходит на небеса, то по воле Осириса; если он заходит, то при виде его славы". *

В другом гимне** К Осирису обращаются так: "Царь вечности, великий бог, восставший из вод, которые были вначале, сильный ястреб, царь богов, повелитель душ, царь ужасов, повелитель корон, ты, великий в Хнесе, появляющийся в Мендесе в образе барана, монарх круга богов, царь Аменти (Гадеса), почитаемый богами и людьми, который так хорошо знает смирение и оценивает праведные поступки, таким образом, он знает Осириса". * **

* Из Абидоса, девятнадцатая династия. Масперо, *Музей Булака*, стр. 49,50.

** Двадцатая династия. Указ. соч., стр. 48.

*** "Эта фаза религиозной мысли, - говорит м-р Пейдж Ренуф, говоря о том, что он называет *монотеизмом*, - представлена нам главным образом в большом количестве гимнов, начиная с первых дней правления восемнадцатой династии. Это, конечно, гораздо более древний гимн, но ... ни один из гимнов того времени не дошел до нас". Смотрите очень замечательный пантеистический гимн Осирису, "владыке священных превращений", в цитируемом отрывке, *Hib. Лект.*, стр. 218, и гимны Амниону Ра, "близко приближающиеся к языку монотеизма", стр. 225, 226. Превосходные примеры пантеистических литаний Ра переведены с оригиналов девятнадцатой династии в *Записях прошлого*, viii. 105-128. Царственный Осирис отождествляется с Ра. Здесь также рассказывается, как Ра поразил Апапа, змея зла, египетского Ахи.

Здесь самые благородные моральные чувства сочетаются с восточными приветствиями в поклонении богу, который на данный момент признан господом господствующих, но который также является овном в Мендесе. Эта очевидная путаница идей и это утверждение

превосходства бога, который в следующем гимне подчиняется другому богу, свидетельствуют о цивилизованном политеизме; но путаница усугублялась чрезвычайным возрастом египетской веры и преобладавшими сомнениями относительно значения традиции. "Семнадцатая глава *Книги мертвых*, которая, по-видимому, содержит изложение системы мироздания, как ее понимали в Гелиополисе при первых династиях, "известна нам по нескольким примерам одиннадцатой и двенадцатой династий". *Каждый из стихов уже был истолкован тремя или четырьмя различными способами*; настолько разными, что, согласно одной школе, Создателем, *Ра-Шоу*, был солнечный огонь; согласно другой школе, не огонь, а воды! *Книга мертвых*, по сути, никакая не книга, а, так сказать, подборки брошюр, датируемых самыми разными датами. "Невозможно ожидать плана или единства", и пояснения, которым всего около четырех тысяч лет, вошли в действительно древние тексты.* Пятнадцать столетий спустя количество толкований значительно возросло. **

Там, где сами египтяне пребывали в беспомощных сомнениях, было бы тщетно предлагать полные объяснения их взглядов и обычаев в деталях; но, возможно, можно объяснить определенные важные элементы их верований и даже развязать некоторые узлы мифа об Осирисе.

Самой странной чертой египетских обрядов было поклонение животным, которое проявлялось в различных фазах. Существовало местное почитание зверя, птицы или рыбы, к которому соседи из других районов были равнодушны или враждебны. Животное присутствовало в самых священных *проходах* храма; и там был бог, который в целом считался антропоморфным, но часто изображался в искусстве после двенадцатой династии в виде мужчины или женщины с головой птицы или зверя.***

* Ср. Тиле, *История Египта*. Отн., стр. 26-29, и примечания.

** Масперо, *Музей Булака*, стр. 149.

*** Что касается животных, которые были священными и которых нельзя было употреблять в пищу в различных номах, отчет можно найти в книге Уилкинсона "*Древние египтяне*", ii. 467. Английский читатель найдет множество богов со звериными головами на иллюстрациях к тому iii. Издание, на которое ссылается Берч, Лондон, 1878. Более научным авторитетом является Ланцони, *Дицун. Mit*.

Эти моменты египетской религии были величайшей загадкой как античной, так и современной мифологии. Общепринятые жреческие объяснения были различными. Иногда говорили, что боги скрывались в обличье зверей во время революционных войн Сета против Гора.* Часто, опять же, поклонение животным интерпретировалось как символическое; поклонялись не зверю, а качествам, которые он олицетворял. ** Таким образом, Анубис, на самом деле шакал, является собакой, согласно объяснениям Плутарха, и, как говорят, ему поклонялись за его верность, или потому, что он может видеть ночью, или потому, что он - образ времени. "Поскольку он произвел все вещи из себя и содержит все вещи в себе, он получает титул собаки". *** Еще раз, и при более близком подходе к тому, что, вероятно, является правдой, было сказано, что боги-звери являются остатками значков (представляющих животных) различных племенных групп в силах Осириса. Таковы были идеи, распространенные в греко-римских спекуляциях, и, возможно, нет никаких более ранних свидетельств относительно характера местной интерпретации поклонения животным. Также высказывалось мнение, что поклонение животным в Египте является преломлением использования иероглифов. Если бы

изображение зверя было одним из знаков при написании имени бога, поклонение могло бы быть передано зверю от бога. Ни в коем случае нельзя исключать, что этот процесс сыграл свою роль в получении результатов. **** Некоторые из объяснений поклонения животным, которые были популярны в старину, все еще пользуются некоторой популярностью.

* De Is. et Os., lxxii.

** Указ. соч., xi.

*** Там же, xliv.

**** Пьетчманн, указ. соч., стр. 163, утверждает, что поклонение животным древнее, чем эти египетские способы написания божественных имен, скажем, Амниона Ра или Хатхор. Более того, знаки использовались при написании имен, потому что боги были задуманы в облике этих животных.

Г-н Ле Паж Ренуф, по-видимому, придерживается мнения, что в поклонении обитателям зоологических и ботанических садов было что-то вполне мифическое, что-то святое, очевидное, по крайней мере, для набожных людей.* Он цитирует мнение, приписываемое Аполлонию Тианскому, о том, что звери были символами божества, а не божествами, и это была точка зрения "серьезного противника". Г-н Ле Паж Ренуф также упоминает теорию Порфирия о том, что "под видом животных египтяне поклоняются вселенской силе, которую боги проявили в различных формах живой природы".* Очевидно, конечно, что всех этих теорий могли придерживаться ученые люди в Египте, особенно после христианской эры, во времена Аполлония и Порфирия; но это проливает мало света на мотивы и верования строителей пирамид за много тысяч лет до этого или современных крестьян с их поклонением кошкам и аллигаторам. Короче говоря, системы символизма, вероятно, были созданы на основе фактов, чтобы объяснить практики, происхождение которых было неясным. Еще одна гипотеза предложена г-ном Ле Пейджем Ренуфом, а в случае сета и гиппопотама ее разделяет М. Масперо. Тиле также отмечает, что некоторые животные были возведены в ранг божеств сравнительно поздно, потому что их имена напоминали имена богов. ***

Лекции Хибберта, стр. 6, 7.

** *Де Абст.*, iv. с. 9.

*** *Теолог. Тиджиш.*, 12-й год, стр. 261.

Боги в определенных случаях получали свои животные характеристики благодаря определенным бессознательным каламбурам или ошибкам в двойном значении слов. Себ - это земля. Себ также является египетским названием определенного вида гусей, и, в соответствии с *омонимичной* тенденцией мифологического периода всех народов, бог и птица были отождествлены.* Себа называли "Великим Кудактуном".** Опять же, бога Тота обычно изображали с головой ибиса. Мумифицированный ибис "в человеческом обличье создан для представления бога Тота". *** Эту связь между Тотом и ибисом г-н Ле Паж Ренуф довольно подробно объясняет как результат этимологической путаницы. **** Таким образом, метафорический язык отреагировал на мысль и, как и в других религиях, овладел ею.

Хотя таковы взгляды выдающегося современного египтолога, другой египтолог, не менее выдающийся, придерживается совершенно противоположного мнения по вопросу в целом.

"Возможно, нет, несомненно, - пишет М. Масперо, - что во времена второй Фиванской империи ученые жрецы, возможно, сочли за благо приписать символический смысл некоторым животным божествам. Но чему бы они ни поклонялись в Тоте-Ибисе, первые почитатели ибиса обожали птицу, а не иероглиф ".(v) М. Мейер придерживается того же мнения, как и профессор Тиле и М. Перро.(v)*

* Изложение теории "омонимичной тенденции" см. в Избранных эссе Макса Мюллера, i. 299, 245. Критику системы см. в "Мифологии в энциклопедии", брит., или в "Мифологии А. Ланга", Париж, 1886.

* Лекции Хибберта, 1880, стр. 111.

*** Уилкинсон, iii. 325.

**** Указ. соч., стр. 116, 117, 237.

(v) Revue de V Histoire des Religions, том i.

(v) * Мейер, Исследование альтернатив, стр. 72; Тиле, Мануэль, стр. 45; Перро и Чипиез, Египетское искусство, английский перевод, i. 54. История. Египет. Отн., с. 97, 103. Тиле находит происхождение этого поклонения животным в "анимизме" и предполагает, что первоначальные колонисты или завоеватели из Азии нашли его распространенным среди африканского населения и переняли у него. Профессор Тиле, по-видимому, при написании этой главы не наблюдал повсеместного распространения поклонения животным в тотемизме, поскольку он говорит: "Нигде больше поклонение животным не распространено так широко, как среди африканских народов".

В то время как ученые в разные периоды выдвигали эти противоречивые теории происхождения египетского поклонения животным, м-р М'Леннан предложил новую точку зрения. В своих эссе о *поклонении растениям и животным* он рассматривал египетское поклонение животным лишь как освященный и тщательно продуманный пережиток тотемизма. Г-н Ле Паж Ренуф высмеял "авторитеты для школьников, на которые полагался г-н М'Леннан".* Тем не менее, взгляды мистера М'Леннана сходны с теми, которых придерживаются М. Масперо, М. Перро и Чипиес, и они также пользуются поддержкой профессора Сэйса.

"Эти животные формы, в которых более поздний миф видел облики испуганных богов во время великой войны между Гором и Тифоном, возвращают нас в далекую доисторическую эпоху, когда религиозным кредо Египта все еще был тотемизм. Они являются пережитками давно забытого прошлого и доказывают, что египетская цивилизация развивалась медленно и независимо, о последней стадии которой нам сообщают только памятники. Апис из Мемфиса, Мневис из Гелиополиса и Пахис из Хермонта - все это звенья, которые связывают воедино Египет фараонов и Египет каменного века. Это были священные животные кланов, которые первыми поселились в этих местах, и их отождествление с божествами официальной религии, должно быть, было медленным процессом, фактически никогда полностью не осуществлявшимся в умах низших классов ". **

* Лекции Хибберта, стр. 6, 30.

** Геродот, стр. 344.

Таким образом, оказывается, что, в конце концов, даже с филологической точки зрения религии и мифы цивилизованного народа могут быть проиллюстрированы религиями и мифами дикарей.

Именно в изучении тотемизма дикарей мы также ищем частичное объяснение необычных египетских обычаев, которые ставили в тупик греков и римлян, да и самих египтян. В какой-то степени египетские религиозные факты были чисто тотемистическими в строгом смысле этого слова.

Можно привести несколько примеров местных обычаев и обрядов, которые подтверждают это мнение. Было показано, что тотем каждого тотемного сородича среди низших рас священен и что существует строгое правило, запрещающее употреблять в пищу священное животное или растение или даже использовать их иным образом. * В то же время один тотемный сородич без колебаний убивает или съедает тотем любого другого сородича. Сейчас аналогичные правила преобладают в Египте, и школе, которая рассматривает священных зверей как эмблемы или как результат неправильного понимания языка, нелегко объяснить, почему эмблеме поклонялись в одной деревне, а в другой ее преследовали и съедали. Но если эти обычаи являются пережитками тотемизма, практика сразу перестает быть изолированной и становится частью знакомой, хотя и несколько неясной, совокупности обычаев, встречающихся по всему миру. "То же самое животное, которое почиталось и которое запрещалось забивать для алтаря или стола в одной части страны, было принесено в жертву и съедено в другой".**

* Это должно быть принято в целом. Посмотрите на Спенсера и Гиллена в *"Туземцах Центральной Австралии"*, где каждый род помогает другим убить свой тотем.

** Уилкинсон, *Древние египтяне*, ii. 467.

Геродот подтверждает эту привычку в важном отрывке. Он отмечает, что жители фиванского нома, чей бог Амон Ра, или Хнум, был с головой барана, воздерживаются от овец и приносят в жертву козлов; но жители Мендеса, чей бог был с головой козла, воздерживаются от коз, приносят в жертву овец и почитают всех коз.*

Эти местные обряды, по крайней мере во времена римской империи, вызывали гражданские драки, поскольку обычаи одного города, естественно, казались богохульными соседям с другим священным животным. Таким образом, когда жители Собачьего города лакомились рыбой под названием оксиринк, жители города, почитавшего оксиринка, начали есть собак, перед которыми нет соблазна. Отсюда возник бунт.**

Геродот, ii. 42-46. Мендесский бог Пан с козлиной головой, как называет его Геродот, опознан доктором Берчем как козлиноголовый Ба-эн-татту. Уилкинсон, ii. 512, примечание 2.

** De Is. et Os., 71, 72.

Самая необычная деталь в знаменитом рассказе Ювенала о войне между городами Омби и Тентира, по-видимому, не является простым вымыслом. Они сражались, "потому что каждое место ненавидит богов своих соседей". Беспорядки начались на священном пиру, и победители сожрали одного из побежденных. Теперь, если бы религия действительно была тотемистической, поклоняющиеся были бы той же крови, что и животное, которому они поклоняются, и, съедая почитателя крокодила, его враги мстили бы за поедание своего собственного священного зверя. Когда этим зверем был крокодил, вероятно, ничто, кроме

голода или религиозного рвения, не могло заставить людей отведать его невкусное мясо. Тем не менее, "в городе Аполлинополис существует обычай, что каждый должен во что бы то ни стало съесть кусочек крокодила; и в один день они ловят и убивают столько крокодилов, сколько могут, и раскладывают их перед храмом". Мифическая причина заключалась в том, что Тифон, убегая от Гора, принял облик крокодила. Тем не менее, его обожали в различных местах, где было опасно купаться из-за многочисленности и дерзости этих существ. Мумии крокодилов находят в различных городах, где это животное почиталось.*

Было бы утомительно составлять список местных священных животных Египта; ** но кажется очевидным, что объяснение их почитания как тотемов сразу же связывает его со знакомым набором явлений. Символические объяснения, с другой стороны, явно надуманны, просто *jeux d'esprit*. Например, священная мышь-землеройка пользовалась местным почитанием, после ее смерти ее перенесли в Бутис, а ее мумию бережно похоронили, но объяснение, что она "удостоилась божественных почестей, потому что слепа, а тьма древнее света", никоим образом не объясняет в основном *местное* уважение, оказываемое маленькому зверьку.

Уилкинсон, iii. 329. Сравните Эли, х. 24, о вражде между почитателями крокодилов и ястребов (и Страбона, xvii, 558). Ястребопоклонники утверждали, что ястреб был символом огня; народ крокодилов говорил, что их зверь был эмблемой воды; но почему один город так привязан к поклонению воде, а его сосед - к поклонению шинам, непонятно.

** Много информации можно найти в третьем томе Уилкинсона, но к ней следует относиться с осторожностью.

*** Уилкинсон, iii. 33; Plutarch, Sympos., iv. quaest. 5; Herodot, ii. 67.

Если это объяснение *местного* поклонения священным животным признать правдоподобным, то боги со звериными головами или многие из них могут быть объяснены таким же образом. Именно в городе, где почитается определенное животное, бог в форме человека с головой того же животного всегда оказывается центром и главным святым местом своего поклонения. Кошка великолепна в Бубастисе, и там есть Баст, а также Сехет с кошачьей головой * из Мемфиса. В Фивах было много овец, и там находился священный город Хнума с головой барана, или Амона Ра. ** Если в Омбосе крокодил пользовался большим уважением, то там же находился священный город Себака, бога с головой крокодила.

* Уилкинсон, iii. 286. Но кошка, хотя Бубастис был ее центром и метрополией, была священной по всей стране. И не только Пусс занимала эту гордую позицию. Некоторым животным *поклонялись*.

** Противоречивость утверждений Уилкинсона об этом божестве с головой барана больше всего сбивает с толку. Аммон - это прилагательное = "скрытый", и оно связано с Хнумом с головой барана и с Ра с головой ястреба, солнцем.

В то время как греческие писатели, такие как Порфирий, Плутарх и Ямвлих, повторяют различные и непоследовательные египетские аллегорические рассказы о происхождении этих звероголовых богов, факты их поклонения и выбранного места жительства показывают, что боги являются лишь полуантропоморфными усовершенствованиями или преемниками животных. Было сказано, что эти представления возникли позже по времени, и вполне вероятно, что они

находятся на более позднем этапе эволюции, чем представления божеств в виде простых животных. Также, возможно, невозможно догадаться, как произошли изменения в искусстве. Это распространенный ритуальный обычай, когда приносящий жертву покрывает себя кожей и головой принесенного в жертву животного. Мы знаем, что ацтекские жрецы в Мексике носили содранную кожу со своих человеческих жертв. Геродот упоминает, что в один ужасный день, когда в Фивах ежегодно приносили в жертву овцу, статуя Зевса, как он его называет, была завернута в шкуру зверя. Точно так же некоторые калифорнийские племена, поклоняющиеся канюку, раз в год приносят его в жертву "самого себе" и используют его кожу в качестве покрытия в ритуале. * Лукиан приводит пример в своем трактате "*О деях Сирии*" (55): "Когда человек собирается совершить паломничество в Иераполис, он приносит в жертву овцу и ест ее мясо. Затем он опускается на колени и поднимает голову над своей головой, одновременно молясь богу". Халдейские произведения искусства часто изображают жреца в коже бога, иногда в рыбьей. **

Вполне заслуживает рассмотрения гипотеза о том, что человеческие боги со звериными головами происходят от образа священнослужителя, облаченного в шкуру зверя, которому он приносит жертву. В египетском искусстве головы богов обычно напоминают маски или содранные шкуры, надеваемые на голову человека. *** Если спросить, почему совершающий жертвоприношение переодевается таким образом, можно ответить только догадками. Но можно рискнуть выдвинуть гипотезу, что этот обряд был одним из многих способов умиловливания священного животного после его смерти у многих народов. Это своего рода юридическая фикция - убедить его в том, что, подобно медведю в финской Калевале и в легендах краснокожих индейцев и Австралии, "он не умирает". Его кожа все еще скользит по другим плечам. ****

* [Робинсон, *Жизнь в Калифорнии*, стр. 241, 803;] Геродот, ii. 42.

** Менант, *Исследования*, ii. 49. Смотрите Подборку случаев в наших "*Купидоне и Психее*", стр. lviii., lix.

*** Идея принадлежит профессору Робертсону Смиуту.

**** Примеры умиловливания убитых животных с помощью этого и других искусств см. *Прим. Культа*, i. 467, 469. Когда кориаки убивают медведя или волка, они одевают одного из своих соплеменников в его шкуру и танцуют вокруг него, выкрикивая извинения. Предлагая эту гипотезу о происхождении богов со звериными головами, мы не должны забывать, что изображения такого рода в искусстве могут быть лишь причудливым сокращением. Всем известны звери, которые в христианском искусстве сопровождают четырех евангелистов. Это, конечно, не означает, что святой Иоанн принадлежал к роду с тотемом орла, а святой Марк - к роду льва. Это звери из книги Иезекииля и Апокалипсиса, рассматриваемые как прообразы четырех авторов Евангелий. Более того, в средневековом искусстве евангелисты иногда изображаются с головами своих зверей — Иоанн с головой орла, Марк со львиной, Лука с головой быка. См. *Бюллетень, Ком. История. Археол.*, iv. 1852. За эту заметку я в долгу перед М. Х. Гайдозом.

В то время как египетские мифы, религия и ритуалы, таким образом, связаны с верованиями низших рас, поклонение животным представляет собой еще одну точку соприкосновения. Местные жители поклонялись не только животным, но и богам, которых представляли в виде различных зверей. Как проходила эволюция? какая связь между возвышенной духовной концепцией, например, Амона Ра, владыки справедливости, и Осириса, судьи мертвых, и

быков, баранов, волков, журавлей, ястребов и так далее? Особенно у Осириса была целая коллекция звериных голов, и он появлялся в самых разных звериных обликах.* Бык Хапи "был прекрасным образом души Осириса" в позднем ритуале. ** Мы читали гимн, в котором ему приветствуют как барана. Он также "принимает облик бога Бенну с головой журавля" и, как Сокар Осирис, имеет голову ястреба. *** Эти явления не могли не произойти с течением времени, когда политическая целесообразность в Египте потребовала признания идентичности различных местных божеств. Точно так же "Амон Ра, как и большинство богов, часто принимал облик других божеств, таких как Хем, Ра и Хнумис, и даже атрибуты Осириса".****

* Ср. Уилкинсон, iii. 86, 87.

** De Is. et Os., 29.

*** Уилкинсон, iii. 82.

****Op. cit., iii, 9.

Атрибуты постоянно менялись, и боги перенимали символы друг друга, подобно тому как короли и императоры носят форму полков, состоящих на службе друг у друга. Более того, вполне вероятно, что процесс, столь наглядно проиллюстрированный в религии Самоа, происходил в Египте, и что различные священные животные могли быть признаны аспектами одного и того же божества. Наконец, сложная связь богов и зверей не является единичным или изолированным явлением. Начиная с Австралии, бог, возможно, первоначально задуманный как человек с моральным характером, также распознается в тотеме, как Панджел в образе ястреба. Таким образом, путаница в египетской религии - это то, что было неизбежно в стране, где новое и старое не преуспевали и не вытесняли друг друга, а сосуществовали в хороших отношениях. Если бы религия не была так запутана, она была бы единственным исключением среди институтов страны.

Особенностью Египта, в религии и мифах, как и в любом другом учреждении, является сохранение самых грубых и варварских вещей бок о бок с последними достижениями цивилизации (Тиле, Мануэль, стр. 44). Существование этого консерватизма (которым мы якобы объясняем египетские мифы и богослужение) иллюстрируется в другой области, искусством повседневной жизни и свидетельствами гробниц в Фивах. М. Пассалакуа во время раскопок в Куарне (Гурна) наткнулся на общее кладбище древнего города Фивы. Здесь он нашел "мумию охотника с деревянным луком и двенадцатью стрелами, древко сделано из тростника, наконечники из закаленного дерева с заостренными кремнями. Рядом лежали драгоценности, принадлежавшие мумии молодой женщины, булавки с декоративными головками, ожерелья из золота и лазурита, золотые серьги, золотые скарабеи, золотые браслеты" и так далее (Шабас, *Этюды по истории древности*, стр. 390). Утонченное искусство золотых дел мастеров было современным, и это в более поздний период, когда использовались стрелы с кремневыми наконечниками - оружие, обычно встречающееся по всему миру в местах, куда никогда не проникали металлы. Снова был обнаружен кремневый нож в форме бритвы; на нем иероглифами начертаны слова: "Великий Сэм, сын Птаха, вождь художников". "Сэмы" были членами жреческого сословия, которые выполняли определенные мистические обязанности на похоронах. Геродот сообщает, что бальзамировщики вскрывали тела умерших каменным

ножом; и обнаружение такого ножа, хотя он и не принадлежал бальзамировщику, доказывает, что в Египте каменный век не исчез, а повсюду сосуществовал с искусством обработки металла. Утверждается, что кремневые долота и каменные молотки использовались рабочими шахт на Синае даже при династиях XII, XIX. Раскопки почвы Египта постоянно показывают, что египтяне, которые в отдаленную эпоху строительства пирамид уже были знакомы с бронзой и даже с железом, поэтому не отказались от использования кремневых ножей и наконечников для стрел, когда такие орудия стали дешевле металлических или когда они были связаны с религией. Точно так же египтяне, которые в самые отдаленные из известных времен придерживались навязчивых религиозных идей, отказывались отказаться от тотемов, богов-зверей и абсурдных или богохульных мифов, которые (подобно кремневым топорам и наконечникам стрел) повсеместно характерны для дикарей. Дело в том, что египетский разум, когда обращался к божественным материям, постоянно работал над первобытным материалом всех мифологий и всех религий. Во-первых, это вера в нравственного защитника и отца людей; это выражено в священных гимнах. Далее, существует вера в "странную и могущественную расу, которая, как предполагается, была занята на земле до сотворения мира, или эволюции, или появления человека"; это выражено в мифических легендах. Египтяне унаследовали ряд легенд о сверхъестественных героях, мало чем отличающихся от дикарей Ката, Канна, Йела, Панджела, Иоскеха и Куахтеаха, маори Тутенганахау и тангароа из Южных морей. Некоторые из них были стихийными силами, олицетворенными в человеческом или зверином обличье; некоторые были просто идеализированными знахарями. Их "скитания, изнасилования, человекоубийства и увечья", как говорит Плутарх, навсегда остались в легендах. Когда эти существа по мере развития мысли приобрели божественные атрибуты и когда концепция абстрактного божества, вернувшаяся, возможно, к своей первоначальной форме, стала чистой и возвышенной, старые легенды стали множеством камней преткновения для верующих. Они объяснялись как аллегории (у каждого ученика была своя аллегорическая система), или же внеземные существа воспринимались (как у Плутарха) как "демоны, а не боги".

Краткий отчет о главных фигурах египетского пантеона достаточно ясно покажет, что это правдоподобная теория о богах Египта и вероятная интерпретация их приключений.

Принимая классификацию, предложенную М. Масперо, и помня об ограничениях, при которых она справедлива, мы обнаруживаем, что:—

1. Богами смерти и мертвых были Сокари, Исида и Осирис, молодой Гор и Нефтида.*
2. Богами стихий были Себ и Нут, из которых Себ - земля, а Нут - небеса. Эти двое, как небо и земля почти во всех мифологиях, представлены как родители многих богов. Другие стихийные божества известны лишь смутно.
3. Среди солнечных божеств сразу же распознаются Ра и другие, но существовала сильная тенденция отождествлять каждого из богов с солнцем, особенно отождествлять Осириса с солнцем в его ежевечернем отсутствии. ** Каждый бог, опять же, был склонен сочетаться с одним или несколькими священными животными. "Ра в своих превращениях принял облик льва, кошки и ястреба".*** "Великий кот на аллее деревьев персей в Гелиополисе, который есть Ра, сокрушил змею".****

* Их особое отношение к душам усопших является предметом отдельного обсуждения.

** "Боги мертвых и боги стихий почти все отождествлялись с солнцем с целью объединения их в

теистическое единство" (Масперо, *Преподобный де л'Хист. Отн.*, i. 126).

*** Берч, в книге Уилкинсона, iii. 59.

*** Le Page Renouf, указ. соч., стр. 114.

В разных номах и городах либо случалось, что одни и те же боги носили разные имена, либо между разными местными богами признавались аналогии; в этом случае имена часто сочетались, как в случае с Амон-Ра, Сабек-Ра, Сокар-Осирисом и так далее.

Вопреки всем этим классам и составам богов, а также вопреки теологическим попыткам построить монотеизм из противоречивых материалов, возникла та древняя идея дуализма, которая существует в мифах самых отсталых народов. Как у Панджела в Австралии был свой враг ворон, как в Америке у Йела был свой Ханух, как у Иоскеха был свой Тавискара, так и у богов Египта, и особенно у Осириса, есть свой Сет, или Тифон, дух, который постоянно сопротивляется и разрушает.

С этими предпосылками мы подходим к великому мифу об Осирисе.

МИФ ОБ ОСИРИСЕ.

Великий египетский миф, миф об Осирисе, основан на антагонизме Осириса и Сета и на непрекращающейся кровной вражде между Сетом и родственниками Осириса.* Изложить и, насколько возможно, прояснить этот миф - главная задача изучающего египетскую мифологию.

Хотя миф об Осирисе, по словам г-на Ле Пажа Ренуфа, "так же стар, как египетская цивилизация", и хотя г-н Масперо находит миф об Осирисе во всех его деталях при первых династиях, наши сведения о нем ни в коем случае не столь ранние.**

* Геродот, ii. 144.

** Основными местными документами являются Магический папирус Харриса девятнадцатой или двадцатой династии, переведенный М. Шабасом ("Записи прошлого", х. 137); папирус Небсени (восемнадцатая династия), переведенный М. Навиллом и в "Записях прошлого", х. 159; гимн Осирису на стеле (восемнадцатая династия), переведенный М. Шабасом (откр. Археол., 1857; "Записи прошлого", iv. 99); "Книга Небсени" (восемнадцатая династия). о дыханиях", мифически совершенная Исидой для восстановления Осириса; "Книга дыхания жизни" (папирус, вероятно, относится ко времени Птолемеев — Записи части, iv. 119); "Плач Исиды и Нефтиды", переведенный М. де Хорраком (Записи прошлого, ii. 117). Есть также "Книга мертвых": версия М. Пьерре (Париж, 1882) удобна по форме (также Берч, в Бунзене, том v.). Новое издание М. де Навиля сложное и дорогостоящее, и без перевода. Саркофаги и королевские гробницы (Шампольон) также содержат множество изображений событий из мифа. "Миф об Осирисе в деталях, вынос его тела его женой Исидой и его сестрой Нефтидой, реконструкция его конечностей, его мифической груди и другие инциденты, связанные с этим мифом, подробно представлены в храме Филы" (Birch, ap. Уилкинсон, iii. 84). Благоговейный трепет Геродота мешает ему описать мистерию о страданиях Осириса, которая, по его словам, разыгрывалась в Саисе, ii. 171 и ii. 61, 67, 86. Вероятно, самое ясное и последовательное современное изложение мифа об Осирисе дано М. Лефебюром в "Горе и Осирисе". Переводам М. Лефебюра следуют в тексте; однако он не несет ответственности за нашу трактовку мифа. Птолемея версия храма Эдфу опубликована М. Навиллем, *Миф о Горе* (Женева, 1870).

Они в основном аллюзив-ные, без какого-либо связного повествования. К счастью, повествование, переданное жрецами его времени, дано автором "*Об Исиде и Осириде*", и подтверждается как египетскими текстами, так и таинственными намеками благочестивого Геродота. Здесь мы следуем мифу, изложенному в греческом трактате и проиллюстрированному памятниками.

Читатель должен на данный момент очистить свой разум от всех многочисленных теорий значения мифа и должен забыть о высоких, божественных и мистических функциях, приписываемых египетскими теологами Осирису, и египетском священном обиходе. Он должен прочитать эту историю просто как рассказ, и он будет поражен ее удивительным сходством с легендами об их культурных героях, которые распространены среди низших рас Америки и Африки.

Себ и Нут — земля и небеса - были мужем и женой. В *версии* De Iside солнце проклинали Нут, что у нее не должно быть ребенка в течение месяца или года; но благодаря сообразительности нового божественного соответчика в календарь было добавлено пять дней. Очевидно, что это более поздняя редакция басни. В первый из этих дней родился Осирис, затем Тифон или Сет, "ни в должное время, ни в нужном месте, но, прорвавшись ударом, он выпрыгнул из тела своей матери".*

* De Iside et Osiride, xii. В высшей степени любопытно совпадение, что та же история рассказана об Индре в "Ригведе", iv. 18, 1. "Это старый и хорошо известный путь, по которому родились все боги: ты не можешь другими способами довести свою мать до смерти". Индра отвечает: "Я не выйду оттуда, это опасный путь: я прорвусь прямо через стену". Сравните (Лиланд, Алгонкинские легенды, стр. 15) рождение алгонкинского Тифона, злого Малсумиса, волка. - Глускап сказал: "Я родлюсь таким, как все". Но злой Малсумис счел себя слишком великим, чтобы появиться на свет таким образом, и заявил, что он прорвется сквозь бок своей матери. Записка мистера Лиланда, содержащая буддийскую и армянскую параллели, но не относящуюся ни к Индре, ни к Тифону, демонстрирует *добросовестность* отчета Алгонкинов. Бодхисаттва родился через правую сторону своей матери (Керн.. Der Buddhismus, 30). Ирландская версия гласит, что наш Господь родился через корону на голове Девы Марии, подобно Афине. *Солтаур-на-Панне*, 7529, 7530. См. also Liebrecht, *Zur Volkskunde*, p. 490. За ирландские и буддийские легенды (есть англосаксонская параллель) Я в долгу перед мистером Уитли Стоксом. Вероятно, ощущение того, что сверхъестественный ребенок не должен был родиться естественным путем, а не заимствование идей, объясняет это странное сходство мифов.

Исида и Нефтида были родившимися позже сестрами. Далее греческая версия мифа описывает поведение Осириса как "культурного героя". Он установил законы, обучал земледелию, обучал египтян ритуалам богослужения и избавил их от "нищенского и скотского образа жизни". После того, как он цивилизовал Египет, он путешествовал по миру, подобно греческому Дионису, на которого он так похож в некоторых частях своей легенды, что Геродот предположил, что дионисийский миф был импортирован из Египта. * В отсутствие Осириса его злой брат Тифон хранил молчание. Но по возвращении героя Тифон устроил против него засаду, как Эгиф против Агамемнона. У него был украшенный сундук (футляр для мумии?), сделанный точно в рост Осириса, и он предлагал его в подарок любому, кому он подходил. На пиру все гости попробовали его; но когда Осирис лег в него, крышку закрыли и закрепили гвоздями и

расплавленным свинцом. Затем сундук с Осирисом и всем остальным был выброшен в Нил. Исида, облаченная в траурные одежды, подобно странствующей Деметре, всюду с плачем искала Осириса и наконец нашла сундук в *дереве эрика*, которое полностью покрывало его. После приключения, подобного приключению Деметры с Триптолемом, Исида получила сундук. Во время ее отсутствия Тифон наткнулся на него, когда охотился при лунном свете; он разорвал труп Осириса на четырнадцать частей и разбросал их повсюду. Исида искала искалеченные останки и, всякий раз, когда находила таковые, закапывала их, и отныне каждая гробница признавалась "могилой Осириса". Точно такая же басня встречается в центральноавстралийских мифах об алчеринге, или легендарном прошлом. **

* "Осирис - это Дионис на языке Эллады" (Геродот, ii. 144, ii. 48). "Большинство деталей мистерии Осириса, практикуемой египтянами, напоминают греческие мистерии Диониса.... Я думаю, что Мелампус, сын Амифаона, был хорошо знаком с этим знанием, поскольку именно Мелампус принес грекам имя, обряды и фаллическую процессию Диониса ". (Сравните Dels и Др., xxxv.) Совпадения, вероятно, нельзя объяснить заимствованиями; многие из них встречаются в Америке.

** Спенсер и Гиллен, стр. 399.

Жены "ищут изуродованные части тела убитого мужчины". Вполне правдоподобно предположить, что, если могилы Осириса когда-то были таким же обычным явлением в Египте, как сегодня пирамиды Хейтси-Эйбиба в Намакваленде, существование множества гробниц одного существа можно было бы объяснить как могилы его разрозненных членов, и миф о расчленении, возможно, не имеет другого основания. С другой стороны, следует отметить, что свинья была принесена в жертву Осирису в полнолуние, и именно в образе черной свиньи Тифон напал на Гору, сына Осириса, миф о котором является *дубликатом или копией*, в некоторых отношениях, самого мифа об Осирисе.¹ Таким образом, мы можем предположить, что четырнадцать частей, на которые было разорвано тело Осириса, могут соответствовать четырнадцати дням убывающей луны.** Хорошо известно, что фазы луны и лунные затмения почти неизменно объясняются в науке дикарей нападениями какого—либо зверя — собаки, свиньи, дракона или чего-либо еще - на небесное тело. Любая из этих гипотез (египтяне приняли последнюю) *** согласуется с характером раннего мифа, но обе являются лишь предварительными предположениями.***

* В памятниках Эдфу Сет убит и расчленен в форме красного гиппопотама (Навиль, Миф д'Гора, стр. 7).

* Согласно текстам Деудеры, фрагментов Осириса было шестнадцать, по одному для каждого нома.

*** De Is. et Os., xxxv.

**** Compare Lefebure, Les Yeux d'Horus, pp. 47 48.

Фаллос Осириса так и не был найден, а тотемистический обычай, заставлявший жителей трех разных районов воздерживаться от трех разных рыб — *лепидота*, *фагра* и *оксирина*—объяснялся легендой о том, что эти рыбы сожрали недостающую часть тела героя.

До сих пор сила зла, черная свинья Тифон, торжествовала. Но кровная месть была передана Гору, сыну Исиды и Осириса. Чтобы подстегнуть Гора к битве, Осирис воскрес из мертвых, как отец Гамлета. Но, как это обычно бывает с призраками из диких мифов, Осирис вернулся, но не в человеческом, а в зверином облике волка.* Гор одержал победу в последовавшей за этим войне и передал закованного в цепи Тифона Исиде. К несчастью, Исида отпустила его, после чего Гор снял с нее корону и водрузил ей на голову череп быка.

На этом греческий рассказчик заканчивается, но ** он наотрез отказывается рассказывать более богохульные части истории, такие как "расчленение Гора и обезглавливание Исиды". Непонятно, почему эти мифы следует считать "более богохульными", чем остальные.

Вероятно, следует признать, что ничто в этой священной истории не показалось бы неуместным, если бы мы нашли ее в легендах о Панджеле, или Кане, или Йеле среди австралийцев, бушменов или ютов, чьим собственным "культурным героем", подобно призраку Осириса, был волк. Это расчленение Осириса, в частности, напоминает расчленение многих других героев американских мифов; например, Чоканипока, из которого были сделаны виноградные лозы и кремневые камни. Объекты минерального и растительного мира объяснялись в Египте как трансформированные части или настроения Осириса, Тифона и других героев.***

* Злые сквайры в Шропшире (мисс Бернс, Фольклор Шропшира) "приходят" в образе быков. Осирис в "Мендесе нони" "пришел" в образе барана (Мариэтта, Дендера, iv. 75).

** Де Ис и Др., XX.

*** Магический текст, девятнадцатая династия, переведенный доктором Берчем "Записи прошлого" VI. 115; Лефебюр, "Осирис", стр. 100, 113, 124, 205; "Книга смерти", глава. xvii.; Записи прошлого, х. 84.

Еще раз, хотя египетские боги похоронены здесь и бессмертны на небесах, они также, подобно героям эскимосов, австралийцев и индейцев Амазонки, превратились в звезды, и жрецы могли сказать, какая звезда была Осирисом, какая Изидой, а какая Тифоном. * Таковы дикие несоответствия, которые египетская религия разделяет с баснями низших рас. Принимая во внимание эти факты, трудно согласиться с Бругшем ** в том, что "из корня и ствола чистой концепции божества прорастают ветви мифического дерева, листья которого разрастаются в непостижимой роскоши". Истории, подобные мифу об Осирисе — истории, встречающиеся по всему миру, — происходят не из чисто религиозного источника, а воплощают заблуждения и фантастические мечты самого низкого и наименее развитого человеческого воображения и спекуляций. И они расцветают, как омела на дубе, над более крепким ростом религиозной концепции другого корня.

Ссылки на миф в папирусах и на памятниках, хотя и неясные и фрагментарные, подтверждают повествование о *Де Исиде*. Сундук, в который по глупости заглянул Осирис, по-видимому, упоминается в магическом папирусе Харриса. *** "Сооруди для меня святилище высотой в восемь локтей. Тогда было сказано тебе, о человек семи локтей, как ты можешь войти в это? И оно было создано для тебя, и ты покоился в нем".

Обычай и миф, "Звездные мифы"; Де Руж, Новая эпоха, стр. 197; Лефебюр, "Осирис", стр. 213.

** Религия и мифология, стр. 99.

*** Записи прошлого, х. 154.

И здесь Исида волшебным образом перекрывает устье Нила, возможно, для того, чтобы сундук не уплыл в море. Более важным является один из оригинальных "осирианских гимнов", упоминаемых Плутархом. * Гимн находится на стеле и приписывается М. Шабасом, переводчиком, семнадцатой династии. ** К Осирису обращаются как к радости и славе его родителей, Себа и Нут, который побеждает своего врага. Его сестра, Исида, совершает над ним надлежащие погребальные обряды после его смерти и разгромляет его врагов. Не переставая, без отдыха, она искала его мертвое тело и, стелая, бродила по миру и не останавливалась, пока не нашла его. Свет вспыхнул на ее перьях. *** Гор, ее сын, - король мира.

Такова *точность* мифической части гимна. Остальные рассматривают Осириса в его религиозном качестве как властелина природы, а также как проводника и защитника мертвых. Гимн, насколько это возможно, подтверждает рассказ грека две тысячи лет спустя. Аналогичное подтверждение дает "Плач Исиды и Нефтиды", папирус, найденный внутри статуи Осириса в Фивах. Сестры оплакивают погибшего героя и умоляют его "вернуться в свою собственную обитель". Теория рождения Гора здесь заключается в том, что он был сформирован из разрозненных членов Осириса, гипотеза, конечно, несовместимая с другими мифами (особенно с мифом о том, что он нырнул за членами Осириса в образе крокодила), **** и, следовательно, еще более мифическая.

* De Is. et Os., 211.

** Преподобный Археол., май 1857 г.

*** В греческой версии говорится, что Исида приняла форму ласточки.

*** Мариетта, Дендера, iv. 77, 88, 89.

Наконец, "Книга перевоплощений" содержит магические песни, с помощью которых Исида, как считалось, восстановила дыхание и жизнь Осирису. * В изображениях мести и триумфа Гора на стенах храма Эдфу в период Птолемеев Гор в сопровождении Исиды не только заковывает в цепи и пронзает красного гиппопотама (или свинью на некоторых рисунках), который является Сетом, но, осуществляя возмездие, разрезает его на куски, как Сет разрезал Осириса. Исида инструктирует Осириса относительно доли, которая должным образом достается каждому из девяти богов. Исида оставляет за собой его голову и "седло"; Осирису достается бедро; кости отдаются кошкам. Поскольку у каждого бога было свое местопребывание в определенном городе, здесь, несомненно, есть отсылка к местным мифам. В Эдфу также приносят в жертву животное Сета, символически изображенное в виде пасты, что является обычной практикой в древней Мексике. **

* Записи прошлого, iv. 121.

** Геродот, ii. 47; De. Is. и Др., 90. Смотрите также "Жизнь Пифагора" Порфирия, принесшего в

жертву быка, сделанного из пасты, Либрехт, "Цур Фольксунде", стр. 436.

Многие из этих мифов, как отмечает М. Навиль, несомненно, логичны: жрецы, как и брахманы, просили их объяснить особые части ритуала и странные местные названия. Таким образом, названия многих мест объясняются мифами, утверждающими, что они посвящены какому-то событию в кампании Гора против Сета. Точно так же местные суеверия, первоначально тотемические, о различных животных объяснялись мифами, связывающими этих животных с легендами о богах.

Объяснения мифа об Осирисе, дошедшие до нас таким образом, были распространены среди древних исследователей религии. О многих из них сообщается в известном трактате "Об Исиде и Осирисе". Все это интерпретации цивилизованных людей, чей метод состоит в том, чтобы спросить себя: "Итак, если бы я рассказал такую историю, как эта, или придумал такую мистическую игру о божественных злоключениях, какой смысл мог бы я намеревался вложить в то, что, по-видимому, является богохульной бессмыслицей?" Существовали моральные, солнечные, лунные, космические, теллурические и другие методы объяснения мифа, который по своему происхождению, по-видимому, является одной из распространенных во всем мире ранних легенд о борьбе между сказочным добрым существом и его братом, сказочным злым существом. Наиболее вероятно, что некоторые эпизоды из лунного мифа также вошли в историю об Осирисе или в первую созданную часть этой истории. Враждебность Тифона к глазам Гора, которые он гасит и которые восстанавливаются, во многом напоминает раннюю мифологическую попытку объяснить феномен затмений или даже заката. Мы можем ясно видеть, как местные и племенные суеверия, согласно которым тот или иной зверь, рыба или дерево считались священными, стали частью общего мифа. Ту или иную рыбу не ели; то или иное дерево было священным; и люди, утратившие истинное объяснение этих суеверий, объясняли их тем, что рыба была вкусной или дерево давало приют.

* Livre des Moris, pp. 112, 118.

Такой взгляд на миф, хотя и не претендует на учет каждой детали, относит его к большому классу подобных повествований, к варварским дуалистическим легендам о первоначальных хороших и плохих сверхъестественных существах, которые все еще встречаются среди современных дикарей. Эти сказки являются естественным выражением фантазии дикарей, и мы предполагаем, что миф об изуродованном Осирисе сохранился в Египте, точно так же, как использование стрел с кремневыми наконечниками и кремневых ножей сохранилось в течение тысячелетий, когда бронза и железо были совершенно привычны. Назначенная причина адекватна, и процесс выживания проверен.

Независимо от того, является ли это правильной теорией фундаментальных фактов мифа или нет, несомненно, что миф получил огромное практическое и религиозное развитие. Орисис не остался простым культурным героем, о котором мы читали эту историю, раненным в доме своих друзей, расчлененным, восстановленным и похороненным, вновь появляющимся в виде волка или быка или превращенным в звезду. Поклонение ему распространилось по всему Египту, и его имя превратилось в своего рода иероглиф, обозначающий все божественное.

"Осирианский тип в своей долгой эволюции закончился тем, что стал символом всей обожествленной вселенной — подземного мира и мира земли, вод наверху и вод внизу. Это Осирис наводняет Египет Нилом и одевает его растущим зерном. Его священные глаза, солнце, которое рождается ежедневно и встречает ежедневную смерть, луна, которая каждый месяц молодеет и стареет. Осирис - это душа, которая оживляет все это, душа, которая оживляет все вещи, и все вещи - это всего лишь его тело. Он, подобно Ра из царских гробниц, является землей и солнцем, творцом и сотворенным".*

* Лефевюр, "Осирис", стр. 248.

Таково великолепное священное облачение, которое египетская теология соткала для искалеченного и убитого героя мифа. Все силы, все могущества были окончательно признаны в нем; он был солнцем и луной и творцом всего сущего; он был истиной и жизнью; в нем все люди были оправданы.

На происхождение мифа филология не проливает света. М. Лефевюр признает в имени Осирис значение "адской обители" или "ночного обиталища священного oka", поскольку в поединке Сета и Гора он видит мифический рассказ о ежедневном заходе солнца.* "Сам Осирис, солнце на закате, стало центром, вокруг которого постепенно выкристаллизовались другие события войны богов". Осирис - это также земля. Было бы трудно доказать или опровергнуть это утверждение, и обычные расхождения во мнениях относительно значения и этимологии слова "Осирис" всегда преобладали. ** Греческий *** отождествляет Осириса с Аидом. "И то, и другое, — говорит г—н Лефевюр, - первоначально означало жилища мертвых, а затем стало означать бога". В том же духе Анубис, шакал (зверь, которого египтяне до сих пор боялись как привидения), объясняется как "круг горизонта" или "врата страны тьмы", врата, охраняемые, как сказал бы Гомер, Аидом, могущественным стражем. Что естественнее, чтобы люди изображали круг горизонта или сумерки на закате в виде шакала, или чтобы тотем шакала сохранился в виде бога, мифологи решат сами.

* Осирис, стр. 129. Итак, Либлейн, указ. соч., стр. 7.

** Смотрите догадки этимологов (Osiris, стр. 132, 133). Гора даже связывали с греческой Герой, как атмосферу!

*** De Is. Os., 75.

**** Ле Паж Ренуф, Лекции Хибберта, стр. 112-114, 237.

Согласно мифу, который нельзя назвать благочестивым, шакал съел своего отца, Осириса. Теорию мистера Фрейзерса об Осирисе как о чем-то связанном с растительностью можно найти в его книге *"Золотая ветвь"*. Его учитель Маннхардт, великий автор мифов о растительности, считал, что Осирис - это солнце.

Выводы, которые следует сделать из столь незначительного рассмотрения столь обширной темы, заключаются в том, что в Египте, как и везде, мифическое и религиозное, рациональное и иррациональное течения мысли текли вместе и даже в некоторой степени смешивали свои

воды. Рациональная тенденция, провозглашенная в молитвах и гимнах, усиливает древнюю веру человека в защищающую и дружественную личную силу, способствующую праведности. Иррациональная тенденция, заявленная в мифах и ритуалах, сохраняет и развивает раннюю человеческую путаницу в мышлении между человеком, животным и богом, вещами одушевленными и неодушевленными. С одной стороны, мы имеем почти признание высшей божественности; с другой - дикие обряды и верования, разделяемые австралийцами и бушменами. Небезопасно или научно называть одну из этих тенденций более ранней, чем другая; возможно, мы не знаем расы настолько отсталой, чтобы на нее не влияли формы обеих. Также небезопасно или научно рассматривать более грубые практики как искажение более чистых верований. Возможно, никогда не удастся проследить, чтобы оба ручья вели к одному и тому же истоку; вероятно, они берут начало из разных источников в природе человека. Мы лишь распознаем их и противопоставляем друг другу; источники того и другого теряются вдаль, где история не может найти записей о реальном опыте. Египетская религия и миф, таким образом, не являются изолированными вещами; это всего лишь общий материал человеческой мысли, приукрашенный или искаженный сотнями влияний в течение неизвестных столетий.

ГЛАВА XVII. БОГИ АРИЕВ ИНДИИ.

Трудности изучения—Развитие клановых богов- Вedomственных богов—Божественное покровительство морали-Безнравственность, мифически приписываемая богам—Индра—Его любовь к Соме—Скандал вокруг Индры—Попытки объяснить Индру как бога стихий—Варуна—Ушас—Ашвины—Их легенда и теории об этом—Тваштри—Маруты—Сделанные выводы.

Во всей мифологии нет ничего более трудного, чем попытка получить ясное представление о богах Ведической Индии. Противоречивый характер доказательств уже был объяснен, и их можно вкратце резюмировать. Малоизвестные документы, на которые мы должны полагаться, Веды и Брахманы, содержат в себе решения мнений многих разных эпох и многих разных умов. Старые и сравнительно современные представления о божествах, благочестивые попытки скрыть или объяснить то, что казалось грубым или кощунственным, ребячество ритуалов, полусознательное стремление к монотеизму или пантеизму, клановые или семейные предрассудки, грубые этимологические догадки и многие другие элементы сомнения в совокупности запутывают то, что никогда не могло быть ясным. Легенды дикарей, философские домыслы, индивидуальные пристрастия - все это объединено в сборник гимнов под названием *Ригведа*. Кто может навести порядок в таком хаосе?

Необходимо предпринять попытку распутать запутанные нити индийской веры. Боги Вед, в целом, относятся к обычному политеистическому типу, хотя их формы сливаются друг с другом подобно теням, отбрасываемым мерцающим огнем. Представления, которые можно почерпнуть о них из древних гимнов, как обычно, не имеют последовательности и строгой ортодоксальности. Поскольку каждый бард из каждой семьи бардов прославляет своего бога, он склонен делать его по этому случаю главным божеством из всех.* Такой способ

представления о богах естественным образом ведет (по мере развития мысли) в направлении пантеистического монотеизма, гостеприимной теологии, которая принимает каждое божественное существо как форму или проявление высшего вселенского духа. Однако легко обнаружить определенные атрибуты, более или менее присущие каждому богу. Как и среди рас, гораздо менее развитых в цивилизации, у каждой из великих держав есть свой особый департамент, как бы сильно ни были склонны его почитатели считать его действительно верховным властелином. Таким образом, Индра в основном занимается громом и другими атмосферными явлениями: это его сфера деятельности; но Вайу - это ветер или бог ветра, а Агни как огонь или бог огня обязательно связан с молнией. Маруты, опять же, являются штормовыми ветрами, или богами штормовых ветров; Митра и Варуна правят днем и ночью; Ушас - заря или богиня зари, а Тваштри - механик среди божеств, более или менее соответствующий греческому Гефесту.

* Мьюир, ст. 125. Сравните Муир, i. 348, со словом *Кусикас*, подразумевающим, согласно Бенфею, что Индра "обозначается как единственное или главное божество этого племени". Ср., также Hang, Ait. Br., ii. 384.

Хотя многие из этих существ все еще являются в ведической поэзии ведомственными силами со своими собственными областями во внешней Природе, предполагается, что они также заинтересованы не только в мирском, но и в моральном благополучии человечества и, как предполагается, "стремятся к праведности". Верно, что мифы далеко не всегда сходятся в представлении богов как моральных существ. Им приписывают кровосмешение и другие отвратительные преступления, и принято объяснять эти мифы результатом забытых значений высказываний, которые первоначально предназначались только для описания природных процессов, особенно атмосферы. Предположив, ради аргументации, что это объяснение верно, вряд ли можно ожидать высокого мнения о национальном вкусе, который предпочитал описывать чистые явления, такие как рассвет и закат, языком, соответствующим самым страшным преступлениям в человеческом календаре. Несомненно, что индийцы, когда они начали размышлять и философствовать о своей собственной религии (а они достигли этого момента еще до того, как были составлены Веды), сами пришли в ужас от безнравственности некоторых из своих богов. Однако в ведические времена эти боги уже признавались существами, наделенными сильными моральными качествами и заинтересованными в поведении людей. В качестве примера такого высокого этического взгляда мы можем процитировать перевод части гимна, адресованного Варуне, сделанный г-ном Максом Мюллером.*

* Ригведа, ii. 28; *Лекции Хибберта*, стр. 284.

Сними с меня мой грех, как оковы, и мы увеличим, о Варуна, источник твоего закона. Пусть не оборвется нить, пока я ткуу свою песню! Пусть форма рабочего не сломается раньше времени.... Подобно веревке с тельца, сними с меня мой грех, ибо вдали от тебя я не властен даже в мгновение ока.... Удали от меня всю вину, которую я на себя наложил, и пусть я, о царь, не страдаю за то, что совершили другие. Многие рассветы еще не взошли; даруй мне жить в них, о Варуна ". То, что следует далее, не соответствует тому же уровню мышления, и следующий стих содержит призыв к Варуне спасти своего почитателя от действия магических заклинаний. "Будь

то мой спутник или друг, который, пока я спал и дрожал, произносил против меня страшные заклинания, будь то вор или волк, желающий причинить мне вред, защити нас от них, о Варуна".

* Агни, опять же, бог огня, по-видимому, изначально не имеет отношения к праведности. Тем не менее, даже Агни ** молятся о прощении любого греха, который поклоняющийся, возможно, совершил по глупости, и о том, чтобы сделать его невиновным по отношению к Адити. ***

Богиня Адити еще раз, независимо от того, является ли ее имя (переведенное как "безграничная") "одним из древнейших имен зари" или нет, **** ее поклонники неоднократно призывают "сделать их безгрешными". Точно так же солнце, рассвет, небеса, сома и земля умоляются простить грех.

* Противоположная точка зрения выражена в "Истории санскрита" Вебера.
Литература.

** Ригведа, iv. 12, 4; viii. 93, 7.

*** Чтобы узнать о различных мнениях об Адити, сравните *Revue de l'Histoire des Religions*, xii. 1, стр. 40-42; Muir, v. 218.

**** Макс Мюллер, *Лекции Хибберта*, стр. 228.

Хотя на этом предмете можно было бы останавливаться очень долго, возможно, уже очевидно, что боги ведической поэзии не только обладают властью над областями природного мира, но и иногда представляются как силы с этическими наклонностями и каратели за смертную вину. Было бы трудно переоценить этическое благородство некоторых ведических гимнов, которые даже сейчас воздействуют на нас ощущением "голода и жажды праведности", столь страстно ощущаемых еврейскими псалмопевцами. Трудно догадаться, каким образом эта эмоция, которая, кажется, естественным образом направлена к единому богу, оказалась распределенной между десятками людей. Но все эти аспекты ведических божеств, по сути, относятся к области религиозной науки, а не мифологии. Осознание человеком греховности, его ощущение несовершенства перед "другими глазами, большими, чем наши", - тема глубочайшего интереса, но она лишь случайно попадает в сферу мифологической науки. Эта наука спрашивает не о том, с каким чувством благоговения и благодарности верующий приближается к своим богам, а о том, какие мифы, какие истории рассказываются верующим относительно происхождения, личных характеристик и личных приключений его божеств. Как правило, эти истории представляют собой просто *скандальную хронику*, полную самых абсурдных и оскорбительных анекдотов и грубейших вымыслов. Божества ведических поэм, столь внушительные, если рассматривать их как огромные природные силы или как духовных существ, управляющих огромными природными силами, такие сочувствующие, если смотреть на них как на милосердных богов, сознающих, но снисходительных к грехам гибнущих смертных, также имеют свой мифологический аспект и свою *хронику скандалов*.*

* Здесь мы должны напомнить читателю, что Веды предлагают нам не все эти истории и не самую худшую из них. As M. Barth says, "Le sentiment religieux a ecarte la plupart de ces mythes ainsi que beaucoup d'autres qui le choquaient, mais il ne les a pas ecartes tous" (*Religions de l'Inde*, p. 14).

Ведические божества, конечно, разделяют немощи смертных или превосходят их в своем антропоморфном аспекте. Боги ни в коем случае не всегда считаются практически равными по верховенству. Были великие и малые, молодые и старые боги*, хотя это утверждение, с обычной непоследовательностью религии без вероучений и статей, в других местах оспаривается. "Никто из вас, о боги, не мал и не молод; вы все велики". ** Что касается бессмертия и происхождения богов, мнения ведических поэтов и преданий, собранных в брахманах, разделились поровну. Несколько мифов о происхождении богов уже обсуждались в главе "Арийские мифы о сотворении Мира и человека". Там было продемонстрировано, что многие арийские мифы соответствуют тем, которые распространены среди современных дикарей по всему миру, и был сделан вывод, что изначально они возникли из одного источника - воображения дикарей.

В этом месте, рассматривая более дикие божественные мифы, нам нужно только повторить, что в одной легенде небо и земля, задуманные как два разумных живых существа с человеческими частями тела и страстями, породили арийских богов, как они породили богов новозеландцев и других рас. Опять же, боги были представлены в "детях Адити", и это можно понимать либо в высоком и утонченном смысле, как если бы Адити была бесконечной областью, из которой восходят солнечные божества, *** или мы можем считать, что Адити - это вечное, что поддерживает богов, **** или индийское воображение могло опуститься до вульгарного и полумагического представления об Адити как о женщине, которая, желая сыновей, приготовила жертвоприношение Брахмандана для богов, Садхьев.(v)

* Ригведа, глава 27,13.

** Ibid., viii. 30; Мьюир, v. 12.

*** Макс Мюллер, *Лекции Хибберта*, стр. 230.

*** Рот, в Мьюире, iv. 56.

(v) *Тайттирья Брахман*, i. 1, 9, 1; Мьюир, v. 55, 1, 27.

Различным другим богам и сверхъестественным существам приписывают создание богов. Постоянно говорится об отце и матери Индры, и часто говорится, что и он, и другие боги изначально были смертными и достигли небес благодаря тому "суровому рвению", тому магическому аскетизму, который мог сделать гораздо больше, чем просто двигать горы. Таким образом, в арийской мифологии богам отнюдь не всегда приписывается врожденное бессмертие. Как и большинство других божеств, историю которых мы изучали, они боролись за первенство с силами титанического характера - асурами. "Асура, "живой", изначально был эпитетом определенных сил Природы, в частности неба", - говорит г-н Макс Мюллер. ** Поскольку боги также признаются силами Природы, в частности неба, между Дэвами и асурами, по-видимому, изначально не было большой разницы. *** Противопоставление между ними может быть "вторичным", как говорит г-н Макс Мюллер, но в любом случае оно слишком напоминает другие войны на небесах из других мифологий, чтобы его можно было

полностью опустить. К несчастью, наиболее последовательный отчет об этой борьбе можно найти не в гимнах Вед, а в своде мифических и других традиций, называемых брахманами.***

** Лекции Хибберта, стр. 318.

*** В *Атхарва Веде* говорится, что женщина-асура однажды привлекла Индру из числа богов (Муир, ст. 82). Таким образом, боги и Асуры способны к любовным отношениям.

*** *Сатапатха Бр.*

История в "Брахмане" начинается с того, что повсюду говорится об этом. Смотрите оксфордский перевод. Праджапати (создатель вещей, с которым мы познакомились в главе о космогонических мифах) был наполовину смертным, наполовину бессмертным. Создав вещи, наделенные жизнью, он создал Смерть, пожирателя. Той своей частью, которая была смертной, он боялся Смерти, и боги также "боялись этого конца, Смерти". Боги в этой традиции считаются смертными. Сравните *Черную Яджур Веду*: * "Раньше боги были такими же, как люди. Они желали преодолеть нужду, несчастье, смерть и отправиться на божественное собрание. Они увидели, взяли и принесли жертву с помощью этой Чатурвимсатиратры, и в результате преодолели нужду, несчастье и смерть и достигли божественного собрания". В той же Веде нам рассказывается, что боги и Асуры сражались вместе; богов было меньше, но, поскольку политики делают людей равными, они увеличили свое число, поместив несколько кирпичей в нужное положение, чтобы получить жертвенный огонь. Затем они произнесли заклинания: "Ты - множитель"; и так кирпичи ожили, присоединились к партии богов и сделали числа более равными. **

* *Тайттирья Санхита*; Muir, v. 15, примечание 22.

** Согласно более поздней легенде, или легенде, которую мы получили в более поздней форме, боги обрели бессмертие, выпив взбитого океана молока. Они взбивали его, используя гору Мандара в качестве посоха и змею Хасуки в качестве шнура. *Рамаяна* и *Махабхарата* приписывают это взбивание желанию богов стать бессмертными. Согласно "*Махабхарате*", дайтья по имени Раху проник в число богов и выпил немного напитка бессмертия. Вишну обезглавил его прежде, чем напиток достиг его горла; таким образом, его голова была бессмертна и теперь представляет собой созвездие. Он преследует солнце и луну, которые заметили его среди богов, и вызывает их затмения своей свирепостью. Все это находится на одном уровне с австралийской мифологией.

Вернуться к богам в *Сатапатха-брахмане* и их страху смерти. Они победили его с помощью определенных жертвоприношений, предложенных Праджапати. Смерть возмутился этим и пожаловался, что теперь люди станут бессмертными и его занятие исчезнет. Чтобы утешить его, боги пообещали, что в будущем ни один человек не станет бессмертным вместе со своим телом, но только через знание после расставания со своим телом. Эта легенда, по крайней мере в ее нынешнем виде, возникла позже установления подробных правил жертвоприношения. Она приводится здесь только в качестве примера мнения о том, что боги когда-то были смертными и "совсем как люди". Можно утверждать, и, вероятно, справедливо, что эта вера является плодом религиозного упадка. Что касается победы богов над асурами, то *Сатапатха Брахман* приписывает это тому факту, что в то время, когда ни боги, ни Асуры не были скрупулезно

правдивы, боги придумали говорить правду. Асуры продолжали лгать. Неестественно, что первыми результатами стало то, что боги стали слабыми и бедными, а Асуры - могущественными и богатыми. Боги, наконец, победили асуров, но не правдивостью, а успехом магического жертвоприношения. Более ранние династии богов, которым наследовало поколение Индры, нередко упоминаются в *Ригведе*. **

* Мьюир, iv. 6а.

** Там же, v. 16.

В целом, рассказы о богах и их природе представляют в арийской мифологии непоследовательный антропоморфизм и смесь несовместимых и часто магических и ребяческих идей, которые характерны для всех других мифологических систем. Это станет еще более очевидным, когда мы рассмотрим легенды о различных богах по отдельности, поскольку они были взяты д-ром Мьюиром и М. Бергеном из Вед и из более поздних документов, содержащих традиции разных дат.

Веды не содержат таких упорядоченных изложений божественных генеалогий, какие мы находим у Хесиода и Гомера. Все - путаница, все - противоречие.* Во многих отрывках говорится о небе и земле, Дьяусе и Притхиви, как о родителях других богов. Филологи, как хорошо известно, обычно отождествляют Дьяуса с Зевсом, но легенда о нем не обладает той полнотой и богатством, которые делают легенду о Зевсе такой замечательной. Прежде чем история Дьяуса могла стать историей Зевса, древний арийский бог неба должен был привлечь в свой цикл то обширное собрание разнообразных приключений из тысячи источников, которые наполняют легенду о главном эллинском божестве. В Ведах Дьяус появляется теперь, как и Притхиви, ** родитель всего, как людей, так и богов, теперь как сотворенная вещь или существо, созданное Индрой или Тваштри. *** Он "по сути своей благодотворен, но не обладает ярко выраженной индивидуальностью и мог стать греческим Зевсом, только унаследовав атрибуты других божеств". ****

Другой очень ранней божественной личностью является Адити, мать великих и популярных богов, называемых Адитьями. "Нет ничего менее достоверного, чем происхождение имени Адити", - говорит месье Поль Реньо.(v)

С некоторыми мифами о начале вещей можно ознакомиться в главе, посвященной космогоническим традициям.

** Мьюир, ст. 21-24.

*** Ibid., v. 30.

**** Bergaigne, iii. 112.

(v) *Revue de l'Histoire des Religions*, xii. 1, 40.

Мсье Реньо находит корень слова Адити в *ad* - сиять. М-р Макс Мюллер ищет происхождение этого слова в *a*, привативном, и *da*, связывать; таким образом, Адити будет означать "безграничный", "бесконечный", теория, отвергнутая м. Реньо. Расширение этой идеи со всеми ее важными последствиями разработано г-ном Максом Мюллером в его *Лекциях Хибберта*. "Рассвет приходил и уходил, но за рассветом всегда оставалось то вздымающееся море света или огня, из которого она возникает. Не было ли это невидимой бесконечностью? И что может быть лучше названия, чем то, которое дали ему ведические поэты: Адити, безграничное, там, за пределами всего и вся". Эта очень абстрактная идея "возможно, была одной из самых ранних интуиций и творений индуистского разума" (стр. 229). М. Дарместетер и м-р Уитни, с другой стороны, объясняют Адити точно так же, как Велкер и м-р Макс Мюллер объясняют Крониона. Не существовало такого понятия, как богиня по имени Адити, пока люди не спросили себя, что означает титул их собственных богов "адитьи". Это имя можно было бы истолковать как "дети Адити", и поэтому богиня по имени Адити была придумана, чтобы соответствовать этому имени, таким образом филологически извлеченному из Адитьев.*

М. Бержень** считает, что Адити означает "свободный", "ничем не стесненный" и используется одновременно как прилагательное и как имя.

* Брахманическая легенда о рождении адитьев (Айтарея Брахмана iii. 33) слишком отвратителен, чтобы его цитировать.

* *Религиозный вестник*, iii. 88.

Этот расплывчатый и плавающий термин хорошо подходил для передачи пантеистических идей, естественных для индийского сознания и уже заметных в ведических гимнах. "Адити, - восклицает поэт, - это небо; Адити - это воздух; Адити - это отец, мать и сын; Адити - это все боги; Адити - это то, что рождено и что ожидает рождения". * Ничто не может быть более возвышенным и метафизичным. Между тем, хотя Адити - персонаж столь плавающий и туманный, в определенном мифе она фигурирует в довольно определенной форме. *Ригведа* (х. 72, 8) повествует нам о рождении ее сыновей, Адитьев. "У Адити было восемь сыновей, рожденных из ее чрева. К богам ушла она с семьей; Мартанда бросил ее". *Сатапатха Брахман* проливает много света на ее поведение. У Адити было восемь сыновей; но есть только семь богов, которых люди называют Адитьями. Восьмого она родила бесформенным комом, размером с человека, шириной и длиной, говорят некоторые. Затем адитьи придали этому гадкому утенку из своей семьи человеческий облик, и из отбросов, которые они выбросили, вырос слон; следовательно, слон обладает природой человека. Сформированного восьмого сына звали Вивасват, солнце.**

* *Ригведа*, i. 89, 10.

** Мьюир, iv. 15.

Не следует ожидать, что многие останки териоморфного персонажа, если таковые вообще имеются, будут привязаны к такой абстрактной богине, как Адити. Поэтому, когда мы находим, что о ней говорят как о корове, по крайней мере, столь же вероятно, что это лишь часть "приятной бессознательной поэзии" Вед, как и то, что это пережиток какого-то более раннего

зооморфного верования. Губернатис предлагает следующий ясный отчет о превращении бесконечного (ибо так он понимает Адити) в смиренное домашнее животное: "Неистощимое вскоре становится означать то, что можно доить без конца" (было бы более правдоподобно сказать, что то, что можно доить без конца, вскоре становится означать неисчерпаемое), "и, следовательно, также небесную корову, безобидную корову, которую мы не должны обижать.... Поскольку все небо, таким образом, представлялось в виде бесконечной коровы, было естественно, что главные и наиболее видимые явления неба стали, в свою очередь, детьми коровы". Следовательно, Адити - это "большая пятнистая корова". Так ведические поэты (согласно Губернатису) спустились от необусловленного к коровнику.

От Адити, как бы ее ни толковать, мы переходим к ее знаменитым детям, Адитьям, высшим богам.

Как мы уже часто говорили, во взглядах на ведические мифы нет никакой последовательности. Адитьи, например, теперь представлены как три, теперь как семь; ибо три и семь - священные числа. К триаде иногда добавляется четвертая, к семи - восьмая адитья. Адитьи - это братство или коллегия богов, но некоторые члены братства обладают более индивидуальным характером, чем, например, маруты, которые представляют собой просто компанию, которую склонны путать с адитьями. Рассматриваемые как триада, Адитьи - это Варуна, Митра, Арьяман. Имя Варуна обычно происходит от ври (или Вар)*, что означает "покрывать", согласно комментатору Саяне, потому что "он окутывает нечестивых своими ловушками", сетями, которые он использует для поимки виновных. Как бог полуночного неба, Варуна также является "покрывающим" божеством с его вселенским покровом тьмы. Имя Варуны часто сравнивали с именем Урана (---), греческого бога небес, который был изувечен своим сыном Кроносом.

* Max Müller, *Select Essays*, i. 871.

Предполагая, что Варуна означает небеса, мы не слишком продвинулись вперед, поскольку *дью* также имеет то же значение; однако у Дьяуса и Варуны мало общего. Толкователи Вед пытались отличить Митру от Варуны, сделав первого богом дневного света, а второго - богом полуночного небесного свода. Это различие, как и другие ведические попытки провести черту между плавающими фантазмами веры, проводится не слишком настойчиво.

Из всех ведических божеств Варуна обладает самым духовным и этичным характером. "Варуне приписываются величайшие космические функции". "Его постановления незыблемы". "Тот, кто убежит далеко за пределы неба, не избежит царя Варуны". Он "милостив даже к тому, кто совершил грех". Короче говоря, моральные чувства, которые, как мы показали, часто присутствуют в чистой форме даже в религии дикарей, находят возвышенное и страстное выражение в ведических псалмах Варуне.* Но даже Варуна не стряхнул с себя всех остатков более примитивной мифопоэтической фантазии. История о самой грубой и материальной непристойности рассказана о Митре и Варуне в самой *Ригведе* - в рассказе о рождении Васишти.**

В "Айтарея брахмане" (ii. 460) Варуна принимает достаточно личностную форму. Он каким-то образом унаследовал роль, знакомую нам по русской сказке о *морском царе*, гэльской "Битве птиц" и шотландской "Ничегошеньки, ничего, ничто"*** Короче говоря, Варуна становится

великаном или демоном, который требует от короля подарить ему своего еще не рожденного сына.

* Мьюир, v. 66.

** Риг. Веды, vii. 33, 2.

*** См. "Обычай и миф", "Повесть о далеких путешествиях", и нашу главу *postea*, посвященную "Романтическим мифам".

Харишчандра бездетен, и ему велено молиться Варуне, обещая принести младенца в человеческую жертву. Когда рождается мальчик, Харишчандра пытается уклониться от выполнения своего обещания. Наконец, купается молодой брахман, которого должны принести в жертву Варуне вместо сына царя. Молодой Брахман получает сверхъестественное освобождение.

Таким образом, даже в ведических, а тем более в брахманических мифах смутная и духовная форма Варуны позорится или путается с каким-нибудь демоном из более низких ранних легенд.

На основании несколько туманных свидетельств считается, что это следы конфликта между Варуной и Индрой (четвертым Адитьей, иногда добавляемым к триаде), конфликта, аналогичного конфликту между Ураном и Кроносом.* Гимн, как утверждает М. Бержень, доказывает, что Индра одержал победу над Варуной и таким образом овладел огнем и соком сомы. Но эти рождения и битвы богов, которые иногда являются прародителями своих собственных отцов и которые, кажется, меняют облик вместе с демонами, подлежат фиксации и научному исследованию не больше, чем разорванные перья и штандарты тумана, поднимающегося по перевалу среди горных сосен.**

* Ригведа, х. 124.

** Бержень, iii. 147.

Затем мы обратимся к несколько более определенной и более личной фигуре знаменитого бога Индры, который является ближайшим ведическим аналогом греческого Зевса. Прежде чем перейти к более систематическому рассмотрению этого вопроса, может быть интересно привести один уникальный пример параллелизма между арийской и дикой мифологиями.

В своем исследовании индийских богов доктор Мьюир заметил *, что некоторые отрывки *Ригведы* подразумевают, что правящие божества были преемниками других, существовавших ранее. В доказательство этого он цитирует отрывок из *Ригведы*, iv. 18, 12: "Кто, о Индра, сделал твою мать вдовой? Кто пытался убить тебя, лежа или двигаясь? Какой бог присутствовал в схватке, когда ты убил своего отца, схватив его за ногу?" Согласно М. Бержену, Индра убил своего отца, Тваштри, с целью украсть и выпить сому, к которой он был очень неравнодушен. Это довольно оскорбительный отрывок, поскольку, по-видимому, ведический поэт считал Индру отцеубийцей и пьяницей. Однако, чтобы объяснить этот намек, Саяна, древний комментатор, цитирует отрывок из *Черной Яджур Веды*, который вообще не является объяснением. Но для нас это представляет определенный интерес, поскольку показывает,

насколько совпадают мифы ариев и готтентотов, даже в очень странных деталях. Ягья (жертвоприношение) требовала дакшины (щедрости). Он общался с ней. Индра опасался этого. Он подумал: "Тот, кто родится от нее, будет таким". Он вошел в нее. Сам Индра родился от нее. Он подумал: "Кто бы ни родился от нее, кроме меня, будет этим". Поразмыслив, он вскрыл ее матку. Она произвела на свет корову. Здесь мы имеем дело с высшим арийским богом, входящим в лоно существа, которое также родило корову, и рождающимся из нее. Легенда готтентотов о рождении их бога Хейтси Эйбиба едва ли столь отталкивающая.***

Санскритские тексты, ст. 16,17.

**Религиозный вестник*, iii. 99.

*** *Цуни Гоам*, Хан, р.

"Там росла трава, и пришла корова и поела этой травы, и она забеременела" (как Гера Ареса в греческом мифе), "и она родила молодого бычка. И этот бык стал очень большим быком". И однажды люди собрались вместе, чтобы зарезать его. Но он сбежал с холма, и они последовали за ним, чтобы повернуть его назад и поймать. Но когда они пришли на то место, где он исчез, они нашли человека, готовящего бочки для молока. Они спросили этого человека: "Где бык, который проходил здесь?" Он сказал: "Я не знаю; значит, он проходил здесь?" И все это время это был он сам, который снова стал Хейтси Эйбибом. Таким образом, рождение Хейтси Эйбиба напоминало рождение Индры, описанное в *Ригведе*, iv. 18, 10. "Его мать, корова, родила Индру, некормленного теленка". * Какого бы взгляда мы ни придерживались на этот миф и на объяснение в "Брахмане", которое скорее похоже на выдумку для объяснения ведической матери-коровы Индры, несомненно, что бог не рассматривается как несотворенное существо.**

* Ludwig, *Die farse hat den groszen, starken, nicht zu venoundenden stier, den tosenden Indra, geboren.*

** Что касается этимологического происхождения и первоначального значения имени Индра, то среди филологов существуют наибольшие разногласия. Яска приводит тринадцать древних предположений, и почти столько же современных. В 1846 году Рот описал Индру как бога "яркого ясного небесного свода" (*Theologisches Jahrbuch* Зеллера, 1846, стр. 352). Сравните эту и следующие гипотезы, Э. Д. Перри, *Журнал Американского восточного общества*, том i, стр. 118. Рот произвел слово "сияние" от *idh, indh*, что означает разжигать. Впоследствии Рот передумал и выбрал *in* или *inv*, чтобы иметь власть над. Лассен (*Indische Allerthumskunde*, 2-е изд., i. стр. 893) принял другое происхождение. Бенфей (*Or. und Occ*, 1862, стр. 48) сделал Индру Богом не сияющего, а дождливого неба. Г-н Макс Мюллер (лекции по науке о языке, ii. 470) создал Индре "другую концепцию ярко-голубого неба", но (стр. 473, примечание 35) он выводит Индру из того же корня, который на санскрите означает *indu*, капля или сок, то есть, по-видимому, дождливое небо, противоположное синему. Первоначально это означает "дарующий дождь", и Бьюфи цитируется выше. В "Чипсе", ii. 91, Индра становится "главным солнечным божеством Индии". Муир (Тексты, ст. 77) отождествляет характер Индры с характером Юпитера Плювия, Дождливого Юпитера Рима. Грассман (Словарь, с. v.) называет Индру "богом яркого небосвода". Мистер Перри проводит различие и считает Индру богом не

неба, а воздуха, промежуточным звеном между землей и небом, унаследовавшим небесные функции Дью. В Ведах мистер Перри считает его "олицетворением грозы". И так далее! Кажется неоспоримым, что в ведической мифологии Тваштри считается отцом Индры.* Таким образом (ii. 17, 6) Утверждается, что молнии Индры были изготовлены его отцом. Другие доказательства можно найти в описании битвы между отцом и сыном. Таким образом (iii. 48, 4) мы читаем: "Могущественный, победоносный, *он придает своему телу ту форму, какую ему заблагорассудится*. Таким образом, Индра, победив Тваштри еще при его рождении, украл и выпил сому". ** Эти анекдоты не совсем соответствуют версии вины Индры, приведенной в "Брахманах". Там говорится ***, что у Тваштри был трехголовый сын, родственник асурам, по имени Вайрупа. Этого Вайрупу подозревали в том, что он выдал асурам секрет сомы. Поэтому Индра отрубил ему три головы.

* О происхождении Индры Берген пишет, iii. 58.

** iii. 61. Бергейн отождествляет Тваштри и Вритру. Ср. "Айтарейя Брахман", ii. 483, примечание 5.

*** "Айтарейя Брахман", оно 483, примечание 6.

Теперь Вайрупа был Брахманом, а Индра очистился от своей ужасной вины, Брахмоубийства, только тогда, когда земля, деревья и женщины приняли каждая свою долю беззакония. Тваштри, отец Вайрупы, по-прежнему лишал Индру доли в соме, которую, однако, Индра отобрал силой. Тваштри с проклятиями бросил то, что осталось от доли Индры, в огонь, и из огня выскочил Вритра, враг Индры. В разное время и в разных текстах Индра изображается как вышедший изо рта Пуруши или как дитя неба и земли, которого он разлучил, как Тутенганахау разлучил Ранги и Папу в новозеландском мифе. В отрывке из *Черной Яджур-веды*, который уже цитировался однажды, говорится, что Индра, овцы и каста кшатриев произошли из груди и рук Праджапати. * Еще в одном гимне *Ригведы* говорится, что он покорил небеса магическим аскетизмом. Оставляя брахманов в стороне, мистер Перри ** выделяет четыре вида ведических текстов о происхождении Индры:

1. Чисто физический.
2. Антропоморфный.
3. Туманные упоминания о родителях Индры.
4. Философские размышления.

Из первого класса *** нам не кажется, что чисто физический элемент в конце концов так уж чист. Небеса, земля, Индра, "корова" - все это мыслится как *личные* сущности, какими бы гигантскими и расплывчатыми они ни были.

Во втором, или антропоморфных мифах, мы имеем **** уже упомянутый диалог, в котором Индра, подобно Сету в Египте, Малсумису или Чоканипоку в Америке, настаивает на том, чтобы проложить себе путь по материнской линии.(v)

* Мьюир, i. 16.

** Указ. соч., стр. 124.

*** Ригведа, iv. 17, 4, 2, 12; iv. 22, 4; i. 63, 1; viii. 59, 4; viii. 6, 28-30.

**** Там же, iv. 18,1.

(v) Ср. "Египетские божественные мифы"

В стихе 5 его мать разоблачает Индру, как были разоблачены Мауи и младший сын Адити. Вскоре после этого Индра, такой же не по годам развитый, как Хейтси Эйбиб, сразу же после своего рождения убивает своего отца.* Он также убивает Вритру, как Аполлон, когда новорожденный убил Питона. В iii. 48, 2, 3 он рано начинает пить сому. В х. 153, 1 женщины укачивают его, как нимфы нянчили Зевса в критской пещере.

В третьем классе у нас есть странный миф **: "будучи незрелым мальчиком, он сел на новую повозку и зажарил для отца и матери свирепого быка ".

В четвертом классе спекулятивный человек пытается объяснить утверждение о том, что Индра родился от лошади, "или этот стих означает, что Агни был сыном лошади". Наконец, Саяна **** ничего не объясняет, но случайно упоминает, что богиня Адити *проглотила* свою соперницу Нисти, что является очень примитивным представлением и очень похоже на подвиг Кроноса, когда он обедал со своей семьей, или Зевса, когда он проглотил свою жену.

* Почему Индра и его семья ведут себя таким кровожадным образом? Хиллебрандт говорит, что отец - это небо, которое Индра "убивает", закрывая его облаками. Но, опять же, Индра убивает своего отца, скрывая солнце. Мать бросает его, когда чистое небо, с которого он родился, скрывается за пеленой облаков. Отец - солнце или небеса? является ли мать чистым небом или, как и везде, нетленностью дневного света? (Перри, указ. соч., стр. 149).

** Ригведа, viii. 68, 15.

*** Там же., х. 73, 10.

**** Там же., х. 101, 12. О Саяне см. Эссе мистера Перри, журнал A. O. S. 1882, стр. 180.

Таким образом, в Ведах отсутствует фиксированная традиция рождения Индры, а изменчивые традиции не очень-то делают честь чистоте арийских фантазий. Внешне Индра был красив и румян, как солнце, но, подобно Одину, Хейтси Эйбибу и другим богам и волшебникам, он мог принимать любой облик по своему желанию. Он был великим колесничим и владел молнией, выкованной для него Тваштри, индийским Гефестом. Его любовь к опьяняющему соковому соку была печально известна, и его почитатели приносили в жертву этот напиток, чтобы вдохновить и взбодрить его. Говорят даже, что он выпил за один прием тридцать чаш сомы. Доктор Хауг попробовал его, но смог съесть только одну чайную ложку. Поклонники Индры сравнивают его живот с озером, и, кажется, нет никаких сомнений в том, что они верили, что бог действительно пил их сому, поскольку Хейтси Эйбиб действительно наслаждается медом, оставленным готтентотами на его могиле. "Я воистину решил даровать коров и лошадей. Я выпил сому. Напитки, которые я выпил, возбуждают меня, как сильные порывы ветра. Я выпил сому. Я

превосходлю величию небеса и необъятную землю. Я выпил сому. Я величествен, вознесен до небес. Я выпил сому".* Так поет пьяный и ошеломленный Индра, подобно Циклопу у Еврипида, после получения вина, вероломного дара Одиссея.

Согласно старому комментатору Саяне, Индра добрался до сомы, которая вдохновила его на застольную песню, приняв облик перепела.

Великие подвиги Индры, о которых постоянно говорится, - это его убийство змея Вритры, завладевшего всеми водами, и возвращение солнца, которое также было украдено.**

* Ригведа, х. 119.

** Там же, 139, 4; iii. 39, 6; viii. 85, 7.

Эти мифы обычно рассматриваются как аллегорический способ заявить, что молния раскрывает темную грозовую тучу, заставляет ее извергать дождь и открывать солнце. Верна эта теория или нет, важно для нашей цели показать, что подвиги, приписываемые таким образом Индре, действительно идентичны по идее некоторым легендам Австралии, ирокезов и тлинкитов, хотя и более возвышенны по концепции и стилю. В ирокезском мифе, как и в австралийском, огромная лягушка проглотила всю воду и была уничтожена Иоскехой или каким-то другим животным. В легендах тлинкитов Йел, бог-ворон, унес людям скрытое солнце и воды. Среди этих низших рас похититель воды считался каким-то настоящим пресмыкающимся, и вполне вероятно, что подобная теория когда-то преобладала среди предков ариев. Вритра и Ахи, таинственные враги, которых Индра убивает, когда вновь обретает солнце и воды, вероятно, когда-то были столь же реальны для раннего воображения, как австралийская или ирокезская лягушка. Необычный миф о происхождении Вритры, встречающийся только у брахманов, указывает на буйное воображение более раннего периода. Индра убил Брахмана, правда, трехглавого, но все же Брахмана. За это он был исключен из пира и лишен своей любимой сомы. Он украл чашу с ним, и остатки, брошенные в огонь с магическим проклятием, превратились в Вритру, убить которого Индре было так трудно. Прежде чем напасть на Вритру, Индра набрался голландской храбрости. "Обильный глоток сомы придал ему необходимую храбрость и силу". Ужас перед другими богами был ничтожен. ** Убив его, он настолько потерял самообладание, что в своем бегстве повел себя как Один, когда в ужасе улетел с головой Суттунга.***

Бринтон, Мифы Нового Света, стр. 184, 185. См. также главу i.

** Перри, указ. соч., стр. 137; Ригведа, ст. 29, 3, 7; iii. 43, 7; iv. 18, 11; viii. 85, 7.

*** В Ригведе, i. 32, 14, рассказывается о таком же стремительном бегстве, как у Аполлона, после убийства Питона. Мистер Перри объясняет этот полет быстрым прохождением грозы.

Если наше мнение верно, элементарные мифы, которыми изобилуют Веды, - это не мифы "в процессе становления", как обычно считается, а скорее мифы, постепенно растворяющиеся в поэзии и метафорах. В качестве примера живучести в цивилизованных мифах старой теории прямых дикарей о том, что небесные явления действительно вызывают животные полусверхъестественного вида, мы можем процитировать замечание м-ра Дарместетера во введении к *Зендавесте*: "Штормовые потоки, которые очищают небо от обитающих в нем

темных демонов, были описаны в ряде мифов как моча гигантского животного на небесах".*
Более дикую и териоморфную гипотезу было бы трудно обнаружить у бушменов или нутка. **
Вероятно, змей Вритра - еще одно животное из того же зверинца.

Если наша теория эволюции богов верна, мы можем ожидать найти в мифах об Индре следы териоморфного характера. Как кончик уха человека считается или о нем ходят легенды как о пережитке его древесных предков, так и в облике Индры, если бы боги произошли от божественных зверей, должны были быть следы меха и перьев. Они не очень многочисленны и не очень различимы, но мы даем им то, чего они могут стоить.

Миф о Йеле, боге-вороне Тлинкита, никогда не будет забыт. В своем облачении ворона Йель украл священную воду, как Один, также в облике птицы, украл мед Суттунга. Мы находим аналогичный подвиг, связанный с Индрой. Губернатис говорит:***

Священные книги Востока, том iv. стр. lxxxviii.

** Этимология слова Вритра обычно происходит от *vr*, что означает "покрывать", "препятствовать", "сдерживать", затем "то, чему следует препятствовать", затем "враг", "исчадие ада".

** Зоологическая мифология, ii. 182.

"В *Ригведе* Индра часто появляется в образе ястреба. В то время как ястреб несет амброзию по воздуху, он дрожит от страха перед лучником Криканусом, который, фактически, отстрелил один из его когтей, из которых родился еж, согласно *Айтарея Брахману*, и согласно ведическому гимну, одно из его перьев, которое, упав на землю, впоследствии стало деревом". * Очень своеобразные отношения Индры с баранами также упоминаются Губернатисом. ** Они напоминают определенный отталкивающий миф о Зевсе, Деметре и других животных. и баран, о котором упоминали отцы раннего христианства. В "*Сатапатха брахмане*"*** Индру называют "рам Медхатитхи", женой Вришанасвы. Индра, как и Локи, принял образ женщины.**** В облике барана он совершил Медхатитхи, подвиг, подобный подвигу Зевса с Ганимедом.(v)

Однако в Ведах все отрывки, связывающие Индру с животными, несомненно, будут объяснены как метафорические, хотя и признается, что, подобно Зевсу, он мог принимать любую форму, какую ему заблагорассудится.(v) * Ведические поэты, вероятно, позднего периода, изображали Индру таким же антропоморфным, как гомеровский Зевс. Описана его домашняя жизнь в обществе его супруги Индраны.(v)** Когда он отправляется на войну, Индраны зовет его обратно и дает ему чашу сомы в виде стремени. Он и она очень естественно ссорятся из-за его ручной обезьянки. (v)***

В этом кратком очерке, который даже не является резюме, мы показали, как много иррационального элемента, как много и юмористического элемента, присутствует в мифах об Индре. Он пьяница, который залпом выпивает бочонок с краном и все остальное. (v)****

* Сравните *Ригведу*, iv. 271.

** Зоол. Миф., i. 414.

*** ii. 81.

**** *Ригведа*, i. 51, 13.

(v) Там же., viii. 2, 40.

(v)* Там же.,

(v)* Там же., iii. 48, 4.

(v) ** Там же, 53, 4-6; vii. 18, 2.

(v) *** Там же., x. 86.

(v) **** Там же. 116.

Он прелюбодей и "оборотень", как все знахари и дикие колдуны. Он рождается вместе с овцой из груди огромного неестественного существа, подобного Имиру в скандинавском мифе; он превращается в барана или женщину; он разрывает на части своих отца и мать, небо и землю; он убивает своего отца сразу после своего рождения, или он смертен, но достиг небес с помощью магии, "сурового рвения". Теперь наш аргумент состоит в том, что эти и подобные им неуместные и иррациональные части легенды об Индре не имеют необходимой или естественной связи с поклонением ему как богу природы, божеству стихий, силе неба и бури, как цивилизованные люди представляют себе бурю и небо. С другой стороны, эти легенды, которым приводилось множество диких параллелей, очевидно, являются пережитками диких интеллектуальных мифов, в которых колдуны с их абсурдными способностями стоят почти наравне с богами. И наша теория состоит в том, что иррациональная часть легенды об Индре была привязана к фигуре стихийного божества, бога природы, в тот период, когда дикие люди мифически приписывали своим богам качества, на которые претендовали самые прославленные среди них самих, их колдуны и вожди. В Ведах бог-природа не совсем освободился от этих старых атрибутов дикости, которые цивилизованным людям кажутся такими иррациональными. "Оставляя за собой облака" чего угодно, только не "славы", Индра приходит "с небес, которые являются его домом". Если иррациональный элемент в легенде об Индре не был ни пережитком дикой фантазии, ни заимствованием ее, то почему он соответствует мифам дикарей?

Другие Адитьи, строго так называемые (ибо большинство богов время от времени именуются Адитьями в качестве комплимента), не должны задерживать нас. Мы переходим к рассмотрению знаменитой сомы.

Сома - одно из самых необычных божеств индоариев. Первоначально Сома - это опьяняющий сок определенного растения.* Удивительную олицетворяющую силу раннего воображения едва ли можно проиллюстрировать лучше, чем обожествлением сока сомы. Мы привыкли слышать в *марченах*, или крестьянских мифах шотландцев, русских, зулусов и других народов, о каплях крови или слюне, которые обладают человеческими способностями и интеллектом и которые могут отвечать, например, на вопросы. Персонафикация сока сомы - это пример того же проявления фантазии, но в гораздо большем масштабе. Все гимны в девятой книге *Ригведы* и многие другие в других местах обращены к молочному соку этого растения, который в персонафицированном виде занимает место почти такое же высокое, как у Индры на

индоарийском Олимпе. Священное растение было принесено людям с неба или с горы ястребом или Индрой в облике ястреба, точно так же, как огонь был принесен другим расам доброжелательной птицей, вороном или коровой. Согласно *"Айтарея Брахману"* (ii. 59), боги купили кое-что у гандхарвов в обмен на одну из них, которая превратилась в женщину, "большую обнаженную женщину" легкого поведения. В *Сатапатха-брахмане* боги, еще живя на земле, желали заполучить сому, которая тогда была на небе.

* Что касается истинной природы и родины растения сома, смотрите дискуссию в *Академии*, 1885.

** Мьюир, v. 263.

Гандхарва ограбил божественное существо, которое подлетело и схватило сому, и, как в *"Айтарея Брахмане"*, боги вернули растение обратно с помощью Вач, женщины-посланницы влюбленных гандхарвов. В *Черной Яджур Веде* есть несколько нелепых легенд о Соме (персонифицированном) и его тридцати трех женах, их ревности и так далее. Сомы в *Ригведе* - это не только напиток, вдохновляющий Индру, но и антропоморфный бог, создавший и зажегший солнце * и разъезжающий на колеснице. Иногда к Нему обращаются как к разновидности Атласа, который разделяет небо и землю. ** Ему молятся о прощении нарушений его закона. *** Короче говоря, Сомы, как олицетворенная сила, мало нуждается в атрибутах верховного божества.***

Другой и, на современный взгляд, гораздо более поэтичной персонифицированной силой, часто упоминаемой в Ведах, является Ушас, или заря. Как и у австралийцев, заря - это женщина, но существо, сильно отличающееся от нескромной девушки, одетой в красные шкуры кенгуру из мифа о Мурри. Она активная девушка, которая (v) "продвигается вперед, лелея все сущее; она спешит дальше, возбуждая быстроногих существ, и заставляет птиц взлетать ввысь.... Летящие птицы больше не отдыхают после твоего восхода, о приносящий пищу (?). Она запрягла своих лошадей с отдаленного места восхода солнца.... Блистательный на своей огромной колеснице, услышь наши призывы". Ушас "похож на прекрасную девушку, украшенную своей матерью.... На нее смотрели, как на грудь яркой девы..."

* Ригведа, vi. 44, 23.

** Там же., 44, 24.

*** Там же., viii. 48, 9.

**** Бергень, i. 216. Мне кажется, что риши, воспевая Сому, просто передали ему все предикаты Бога, которые пришли им в голову. Ср. Берген, i. 223.

***** Ригведа, i. 48.

"Рождаясь снова и снова, хотя и древняя, сияющая неизменным цветом, она растрчивает жизнь смертных". Она - сестра Ночи, и яркое солнце - ее дитя. В ведических сборниках нет более чистой поэзии, чем та, что прославляет рассвет, хотя даже здесь риши не забывают о

наградах, выплачиваемых жрецам, приносящим жертвы. * Рассвет в чем-то сродни гомеровской Эос, богине золотого трона, ** той, которая полюбила смертного и унесла его, ради его красоты, жить с бессмертными. Однажды Индра, действуя с жестокостью гомеровского Ареса, напал на колесницу Ушаса и опрокинул ее.***

* Ригведа, i. 48, 4.

** Там же, i. 48, 10.

*** Там же, iv. 30, 8; Там же, iv. 9.

Однако в легенде о ней мы находим мало, кроме чистой поэзии, и мы не знаем, что Ушас, как и Эос, когда-либо выбирала смертного возлюбленного. Таковы ведические Ушасы, но брахманам, как обычно, удается либо сохранить, либо возродить и ввести старый грубый элемент мифа. Мы видели, что австралийцы объясняют для себя красноватое сияние утреннего неба гипотезой о том, что доун - девушка легкого поведения, одетая в красные шкурки опоссума, полученные ею от своих любовников. В том же духе *"Айтарея брахман"* (iv. 9) предлагает краткие и ребяческие этимологические мифы для объяснения ряда природных явлений. Таким образом, он объясняет бесплодие мулов, говоря, что боги однажды соревновались в беге; что Агни (огонь) ехал в колеснице, запряженной мулами, и опалил их, чтобы они не зачали. Но в этой гонке Ушас был привлечен красными коровами; "следовательно, после наступления рассвета появляется красноватый цвет". Красные коровы брахманов могут сочетаться с красными опоссумами австралийского воображения.

Теперь мы обратимся к паре божеств, чей характер, насколько о таких темных существах вообще можно сказать, что они обладают каким-либо характером, приятен и дружелюбен. Ашвины соответствуют в ведической мифологии греческим диоскурам, Кастору и Полидевку. Они, как и диоскуры, близнецы, всадники, и легенда о них изображает их добрыми и помогающими людям в беде. Но в то время как диоскуры предстают в греческой легенде столь же четко и справедливо, как два юных рыцаря Панафинейской процессии, ашвины предстают столь же яркими и бесформенными, как тающие клубы тумана.

Происхождение их названия было исследовано комментатором Яской, который "цитирует различные стихи, чтобы доказать, что два Ашвина принадлежат друг другу" (так в оригинале).* Этимология этого названия, как обычно, является предметом различных догадок. Оно произошло от *Asva*, лошадь, от корня *as*, "пронизывать", и объясняется как отчество от *Asva*, солнца. Природа ашвинов озадачила индийских комментаторов не меньше, чем их название. Кто же тогда эти ашвины? "Небо и земля", - говорят некоторые. **

* Макс Мюллер, *Лекции по языку*, ii. 536.

** Яска в *"Нирукте"*, xii. 1. См. Muir, v. 234.

"Некоторые", придерживавшиеся этого мнения, полагались на этимологическую догадку, производную от *as* "проникать". Другие склонны объяснять ашвинов как день и ночь, другие — как солнце и луну, третьи - индийские эвгемеристы — как двух настоящих царей, ныне умерших.

Профессор Рот считает, что ашвины содержат исторический элемент и являются "самыми ранними носителями света в утреннем небе". Мистер Макс Мюллер, похоже, предпочитает два сумеречных периода. Что касается этих и смежных способов объяснения двух богов в связи с физическими явлениями, Мьюир пишет следующим образом: "Этот аллегорический метод интерпретации вряд ли кажется правильным, поскольку трудно предположить, что на рассматриваемые явления следовало ссылаться при таком разнообразии имен и обстоятельств. Следовательно, представляется более вероятным, что риши просто ссылаются на определенные легенды, которые были широко распространены, о вмешательстве ашвинов в защиту людей, чьи имена упоминаются". В Ведах ашвины представлены живущими в братской полиандрии, с единственной женой, Сурьей, дочерью солнца, между ними. По словам комментатора Саяны, считается, что они выиграли ее в качестве приза в гонках на колесницах. "Время их появления - это, собственно, ранний рассвет", когда они принимают подношения своих приверженцев. ** "Когда темнота (ночь) стоит среди рыжевато-коричневых коров, я призываю вас, ашвины, сыны неба".*** К ним обращаются как к молодым, красивым, проворным и врагам злых духов.

* Ригведа, i. 119, 2; i. 119, 5; x. 39, 11 (?).

** Мьюир, v. 238.

*** Ригведа, x. 61, 4.

Не может быть никаких сомнений в том, что, когда сочинялись Веда, ашвины сияли, колебались и были затмеваемы среди яркой и туманной толпы богов, которых затем созерцали риши или священные певцы. Имели ли они с самого начала стихийное происхождение и каково было это происхождение в точности, или же они были просто наделены фантазией поэтов различными стихийными и солнечными атрибутами и функциями, возможно, установить невозможно. Между тем, их легенда изобилует чертами, знакомыми по другим мифологиям. Что касается их рождения, в *Ригведе* есть следующий необычный анекдот, который напоминает о невесте-облаке Иксиона и о женщине облаков и теней, которая была заменена Еленой Троянской: "Тваштри устраивает свадьбу для своей дочери. Услышав это, собрался весь мир. Мать Ямы, законная жена великого Вивасвата, исчезла. Они скрыли бессмертную невесту от смертных. Придав другой такой же вид, они отдали ее Вивасвату. Саранью родила двух Ашвинов, а когда сделала это, бросила близнецов".* Старые комментаторы объясняют это легендой, в которой дочь Тваштри, Саранью, приняла облик кобылы. Вивасват последовал за ней в образе лошади, и она стала матерью Ашвинов, "сыновей лошади", которые более или менее соответствуют Кастору и Поллуксу, сыновьям лебедя. Греки были хорошо знакомы с местными мифами того же рода, согласно которым Посейдон в облике коня стал прародителем коня Деметры Эриннис (Саранью?), затем в облике кобылы. Фигалейцы, среди которых была распространена эта легенда, поклонялись статуе Деметры в женском облике с головой кобылы. Та же история была рассказана о Кроносе и Филуре. ** Этот миф о рождении богов, которых "восхваляют как ашвинов", спрыгнувших с лошади, *** может быть результатом простой *народной этимологии*.

* Ригведа, х. 17, 1-2; Бержень, ii. 806, 318.

** Pausanias, viii. 25; Вергилий, Джорджия, iii. 91; Мьюир, v. 128. См. главу "Греческие божественные мифы", Деметра.

*** Мьюир, ст. 228.

Кто-то, возможно, задавался вопросом, что означает слово "ашвинс"; возможно, перевел его как "спрыгнувший с лошади" и, возможно, либо придумал в качестве объяснения историю, подобную истории о Кроносе и Филоре, либо, возможно, приспособил такую историю, уже имеющую хождение в фольклоре, к своей цели; или миф может быть ранним и быть простым примером распространенной мифической моды, которая не проводит границы между богами, животными и людьми. Вероятно, следует признать, что эта и подобные истории доказывают существование дикарского элемента мифологии у арийцев Индии, будь то заимствование, пережиток или подражательное возрождение.

Ашвины обычно были благодетелями людей в любых трудностях. Перепелка даже призвала их (мистер Макс Мюллер думает, что эта перепелка была рассветом, но ашвины уже были чем-то вроде рассвета), и они спасли ее из пасти волка. В этом отношении, а также по своей красоте и молодости они соответствуют Кастору и Поллуксу, описанным Феокритом. "Они оказывают помощь людям, оказавшимся в самой гуще опасностей, и лошадям, обезумевшим в кровавой гуще сражения, и кораблям, которые, бросая вызов заходу и восходу звезд на небе, встретили опасное дыхание штормов". *

* Теок. Идиллия, xxii. i. 17.

Из длинного списка, приведенного Мьюиром, можно выбрать несколько примеров дружелюбия ашвинов. Они вернули молодость Кали. После того, как нога Виспалы была отрублена в бою, ашвины заменили ее железной ногой! Они вернули зрение Риджразве, которого его отец ослеп за то, что в порыве альтруизма он отдал сто одну овцу голодной волчице. Сама волчица молила ашвинов помочь ее благодетелю.* Они вытащили Риши Ребху из колодца. Они заставляли вино и ликеры течь из копыт их собственной лошади. ** Большинство спасенных людей, перепелов и всех остальных, интерпретируются, конечно, как подобия рассвета и сумерек. Гольдштакер говорит, что они относятся к числу "божеств, которых профессор Мюллер заставил поддержать свою теорию рассвета". М. Бержень также склоняется к теории физических явлений. Когда Ашвины возвращают зрение слепому Канве, он не видит причин сомневаться в том, что "слепой Канва - это солнце ночью, или Агни, или Сом - это сокрытие". Доказательство этого он находит в утверждении, что Канва "темная"; на что мы могли бы ответить, что "темная" все еще является синонимом "слепой" среди бедных.***

* Ригведа, i. 116, 16.

** Там же, i. 116, 7.

*** Бержень, Отв. Ред., ii. 460, 465.

Последняя гипотеза М. Бержена заключается в том, что ашвины "могут быть приравнены к двум празднующим, которые вначале, казалось, олицетворяли земной и небесный огни". Но это происхождение, говорит он, даже если предположить его правильно, давно забыто.

Помимо уверенности в том, что ашвины олицетворяют элемент доброты и целительной силы, как это обычно понимается в популярной мифологии — например, в легендах о святых, — на самом деле нет ничего определенного в их первоначальном значении.

Бог с более определенной и узнаваемой сферой деятельности - это Тваштри, который в некотором роде является аналогом греческого Гефеста. Он точит топор Брахманаспити и кует стрелы Индры. Он также дарует потомство, является своего рода Афродитой мужского пола и формирует все формы человека и животных. Саранью - его дочь. Профессор Кун связывает ее со штормовой тучей, мистер Макс Мюллер - с рассветом.* О ее свадьбе в облике кобылы и Вивасвата в облике лошади уже говорилось и обсуждалось. Отношения Тваштри с Индрой, как мы показали, иногда бывают враждебными; между ними существует кровная вражда, поскольку Индра убил трехголового сына Тваштри, из крови которого произошли две куропатки и воробей.**

Говорят, что маруты - боги бури, молнии, ветра и дождя. Этимологи, как обычно, по-разному искажают их имена. Мистер Макс Мюллер связывает *марутов* с корнями *mar*, "колотить", и с римским богом войны Марсом. Другие думают, что корень этого слова - *mar*, "сиять". Бенфей*** говорит, "что маруты (их имя происходит от *mar*, "умирать") являются олицетворениями душ усопших".

* Макс Мюллер, *Лекции по языку*, ii. 530.

** Мьюир, ст. 224, 233.

*** Там же, ст. 147.

Их численность оценивается по-разному. Это сыновья Рудры и Присни. Рудра в образе быка, согласно легенде, рассказанной Саяной, породил на земле марутов, которые приняли облик коровы. Как и в подобных случаях, мы можем предположить, что это либо продолжение или возрождение дикарского мифа, либо просто символическое утверждение. Есть следы соперничества между Индрой и марутами. Не подлежит сомнению, что риши считают их элементарными и главным образом богами бури. Были ли они изначально призраками (подобно австралийским мрартам, название которых привлекает более диких этимологов), или же они олицетворенные ветры, или, опять же, ветры, задуманные как личности (что не совсем одно и то же), определить трудно, а возможно, и невозможно.

Хотя многие из ведических богов приобрели солнечные характеристики, в Ведах регулярно упоминается особое божество солнца по имени Сурья или Савитри. Он перекликается с Гелиосом из гомеровского гимна солнцу, задуманного как личное существо, форму которого он до сих пор сохраняет в воображении греческих островитян.* О Сурье иногда говорят как о ребенке Адити или Дьяуса, а Ушас - его жена, хотя она также живет в спартанской полиандрии с близнецами Ашвин.* Подобно Гелиосу Гипериону, он наблюдает за всеми вещами, за добрыми и злыми деяниями смертных. Он часто использует язык религиозного рвения.*** Английский

читатель склонен путать Сурью с существом женского пола Сурьей. Грассман и Рот рассматривают Сурью как женское олицетворение солнца. **** М. Бержень рассматривает Сурью как дочь солнца или Савитри и, таким образом, как зарю. Савитри - это солнце, золотоволосая и златорукая. Из "*Сатапатха Брахмана*"(v) следует, что люди были склонны отождествлять Савитри с Праджапати.(v)*

Киклады.

** Ригведа, vii. 75, 5.

*** Мьюир, ст. 155-162.

**** Бержень, ii. 486.

(v) xiii. 3, 5, 1.

(v)* Очень странный и важный персонаж Праджапати обсуждается в главе "Индийские космогонические мифы".

Эти сочетания различных концепций и философских систем с ранними традициями были проиллюстрированы, насколько это позволит наш объем. Естественный вывод после беглого ознакомления с ведическими божествами, по-видимому, состоит в том, что они представляют собой чрезвычайно сложные персонажи, видимые только в изменчивых лучах индийского воображения в период, когда особые качества индийской мысли были уже достаточно заявлены. Свет ритуалистической догмы, пантеистических, мистических и поэтических эмоций по очереди падает, подобно изменчивым оттенкам заката, на фигуры, тающие и перемещающиеся, как вечерние облака. И все же даже к этим смутным образам божественного прилипает, как, мы думаем, было показано, что-то от их древнейших одеяний, что-то от ранней фантазии, из которой, как мы предполагаем, они возникли за столетия до того, как Веды были составлены в их нынешнем виде. Если эта точка зрения верна, ведическая мифология никоим образом не представляет собой то, что является примитивным и ранним, но то, что в порядке развития является поздним, своеобразным и отмечено печатью религиозной тенденции, столь же ярко выраженной национальной и характерной, как чистейший семитский монотеизм. Таким образом, Веды не являются подходящей отправной точкой для науки о религии, а скорее, несмотря на свою древность, временным, хотя и продвинутым оплотом в развитии индийских религиозных спекуляций и чувства преданности.*

* В главах , посвященных Индии , приводится перевод *Веды* использовано сочинение г-на Людвиг (Prag, 1876). Многим я обязан эссе г-на Перри об Индре, процитированному выше.

ГЛАВА XVIII. ГРЕЧЕСКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

Боги в мифах и Бог в религии—Общество богов, подобное обществу людей у Гомера—
Заимствованные элементы в греческих верованиях—Зевс—Его имя—Развитие его легенды—
Объяснение его звериных форм—Зевс в религии—Аполлон—Артемида—Дионис—Афина—
Афродита—Гермес—Деметра—Их имена, природа, ритуалы и легенды—Выводы.

В богах Греции, представленных в идеальном искусстве и в лучших религиозных чувствах, как это раскрывается поэтами и философами, от Гомера до Платона, от Платона до Порфирия, есть что-то истинно человеческое и истинно божественное. Не подлежит сомнению, что религия Аполлона, Афины, Артемиды и Гермеса была во многих отношениях поклонением лучшим и благороднейшим моральным и физическим качествам. Опять же, даже в древнейшей греческой литературе, у Гомера и во всем последующем, имя главного бога, Зевса, во многих местах могло быть переведено нашим словом "Бог".*

* *Postea*, "Zeus".

Именно Бог отнимает у человека половину его добродетели в день рабства; именно Бог дает каждому его удел в жизни и гарантирует, что каким будет его день, таким будет и его сила. Эта духовная концепция божества, недифференцированная по форме или атрибутам, или даже по имени, заявляет о себе в терминах Гомера (-----) и в терминах Геродота (----). Это духовные силы или тенденции, управляющие миром, и эти концепции присутствуют в сознании даже Гомера, чьи изображения богов по сути своей антропоморфны; даже Геродота, во всем столь осторожно и благоговейно принимавшего народные верования и ритуалы. Поэтому, когда Сократ был обречен на смерть за свои религиозные теории, его осудили не столько за чистую веру в духовное божество, сколько за то, что он вывел это мнение (само по себе не новое) на рынок и тем самым шокировал популярную религию, от которой зависели обряды, которые, как считалось, сохраняли благосостояние государства.

Трудно или даже невозможно полностью распутать запутанные нити мифических легенд, жреческих ритуалов, местной религии и утонченных религиозных чувств в Греции. Даже в самых ранних документах, в поэмах Гомера, религиозное чувство в моменты глубоких и серьезных раздумий покидает блистательное собрание олимпийцев и находит убежище в том божественном отцовстве, "по которому тоскуют все люди".*

Одиссея, iii. 48.

Тем не менее, даже у Павсания, жившего во втором веке христианской эры, и еще больше у Плутарха и Порфирия сохраняется ужасное попустительство таким диким догмам и священным традициям, которые передавались из поколения в поколение. Мы вряд ли можем определить, действительно ли Гомер верил в своего собственного беспокойного трусливого Ареса, в своего собственного влюбчивого и капризного Зевса. Обращался ли Гомер, обращался ли кто-нибудь из образованных греков в своих мыслях, когда на него обрушивалась боль, или печаль, или страх, к надежде на помощь Гермеса или Афины? Он был готов исполнить все их обряды и принести все причитающиеся жертвы, но можно усомниться в том, что даже для такого

богобоязненного человека, как Никий, этот ритуализм означал нечто большее, чем желание "исполнить всю праведность" и удовлетворить религиозное чувство в старых традиционных формах.

Таким образом, исследуя греческие мифы, следует помнить, что, как и все мифы, они гораздо меньше связаны с религией в ее истинном обличье — со стремлением к божественному, которое "недалеко от любого из нас", к Богу, "в котором мы живем, движемся и существуем", — чем с *религией*, которая представляет собой ткань старых варварских страхов, дурных предчувствий, неправильного понимания. Религия, сохранившая большинство мифов, была тем древним суеверием, которое боится "перемены удачи" и которое, следовательно, поддерживает ритуальные действия, потерявшие свое значение с уходом из темного и безжизненного прошлого. Именно местное духовенство дем и отдаленных сельских местностей поддерживало старые обычаи древних племен и родов — обычаи, не соответствующие ментальному состоянию великолепного города-государства или национальному чувству эллинизма. Но многие старые сказания, связанные с этими ритуальными практиками и объясняющие их, после того, как, по словам Фукидида, "проложили себе путь к мифическому", вошли в литературу и встречаются нам в одах Пиндара, пьесах Эсхила и Софокла, заметках комментаторов и апологетических трудах Плутарха и Порфирия. Именно эти античные истории интересуют мифолога. Но даже здесь ему не нужно терять своего почтения к более благородным аспектам греческих богов. Подобно археологу и экскаватору, он должен осторожно прикасаться к этим...

Странные затуманенные осколки древней славы,
Поздние представители божественного общества;
Ибо даже в руинах их мраморных конечностей

Они дышат тем далеким миром, откуда пришли,
жидким светом и гармонией безмятежных,
Затерянных небесных чертогов и далекого олимпийского воздуха.*

"Гомер и Гесиод называли богов в честь греков", - так думал Геродот и составил божественные генеалогии. Хотя боги были бесконечно старше Гомера, хотя некоторые из них, вероятно, относятся к периоду, предшествовавшему разделению индоарийской и эллинской ветвей, несомненно, что Гомер и Гесиод в некоторой степени придерживались стереотипных мнений о божествах, которые были распространены в их время. **

Эрнест Майерс, Гермес, в *"Суде над Прометеем"*.

** В качестве доказательства догомеровской древности Зевса часто замечали, что Гомер заставляет Ахилла молиться Зевсу Додонскому (Зевсу, согласно Фрасибулу, который помог Девкалиону после потопа) как "Пеласгийскому" Зевсу (Илиада, хvi. 233). "Пеласгийский" можно рассматривать как эквивалент "доисторического греческого". Софокл (Trach., 65; см. Схолиаст) все еще говорит о селли, жрецах додонийского Зевса, как о "обитателях гор и возлежащих на земле". Похоже, они сохранили очень примитивные привычки. Следует отметить, что Ахилл молился ахейцам о замешательстве и гибели и поэтому взывает к божеству более древней, возможно, враждебной расы. Вероятно, дубовый оракул в Додоне, сообщение, передаваемое "звуком движения в верхушках деревьев" или голубями, было даже более древним, чем Зевс, который, согласно этой теории, стал наследником обрядов крестьянского оракула, связанных с поклонением дереву. Зевс, согласно Гесиоду, "обитал в стволе дуба" (цитируется Преллером, i. 98), подобно тому, как индийский лесной бог обитает в

пипуле или любом другом дереве. Довольно любопытно, что, согласно Евстафию (*Илиада*, xvi. 233), "Pelargicus", "связанный с аистами", иногда писался для Пеласгика; что в Фессалии была Додона и что аисты были священными для фессалийцев.

Гесиод систематизировал некоторые жреческие и дельфийские теории об их происхождении и генеалогиях. Гомер подробно описал их политику и общество. Однако его описание неизбежно должно было вызвать более поздний скептицизм. В то время как люди жили в городах-государствах при героических царях, признавая более или менее общую власть одного царя в Аргосе или Микенах, было естественно, что боги (независимо от того, знала ли Греция в темные времена Нравственное Творческое Существо или нет) должны были рассматриваться как обитающие в подобном обществе, с Зевсом в качестве их Агамемнона, правителя верховного, но не абсолютного, небезопасного от попыток сопротивления и мятежа. Но когда греческая политика и общество превратились в скопище республик, в которых ничто не отвечало определенному имперскому влиянию, тогда люди, должно быть, поняли, что старый божественный порядок был всего лишь пережитком того времени, когда человеческое общество было устроено подобным же образом. Таким образом, Ксенофан очень рано провозгласил, что люди создали богов по своему собственному подобию, подобно лошади, которую он мог бы нарисовать, изобразил бы свое божество в лошадином обличье. Но обнаружение Ксенофаном антропоморфной тенденции в религии не могло объяснить инстинкт, который заставлял греков, подобно другим народам, как заметил Аристотель, изображать своих богов не только в человеческом облике, но и в облике низших животных. Объяснение этому зооморфному элементу в мифе, как и прежде, следует искать в раннем психическом состоянии, при котором не проводится большого различия между человеком и животными. Тот же метод во многих случаях объясняет и другие, совершенно неэллинские элементы греческого божественного мифа. Однако и здесь следует учитывать фактическое заимствование обрядов и легенд у сопредельных народов.

Греки были ассимилирующей расой. Алфавит своего искусства они получили, как получили письменность, из восточных царств. * Подобно римлянам, они с готовностью узнавали своих собственных богов даже под варварскими и грубыми личинами египетской народной религии; и, признавая своего бога под чужеродным обликом, они, возможно, переняли легенды, чуждые их собственному национальному характеру. ** Опять же, мы должны допустить, как в Индии, что мифы, которые действительно возникли поздно, возможно, изобретения жрецов или предсказателей. Но, делая эти выводы, мы должны помнить, что более поздние мифы во многих случаях формировались по древним образцам. Есть основания предполагать, что эти древние модели часто сами по себе носили иррациональный и дикий характер, который так часто иллюстрируется традициями низших рас.

Старшие династии греческих богов, Урана и Кроноса, с их приключениями и падением, уже были рассмотрены.***

* Helbig, *Homerwche Epos cms dem Denhmalern*. Перро и Чипиес, посвященные микенскому искусству, представляют более поздний взгляд.

** О вероятном количестве заимствований в греческой религии см. Мори, "Религии Греции", iii. 70-75; Ньютон, *Девятнадцатый век*, 1878, стр. 306. Gruppe, *Griech. Culte u. Мифен.*, стр. 153-163

*** "Греческие космогонические мифы", антея.

Уран, возможно, был древним богом неба, подобно самоедскому Нуму, свергнутому Кроносом, первоначально, возможно, одним из заместителей бога, действующих там, где их главой является отиозе, которого мы находим в варварской теологии. Но это всего лишь догадки. Теперь мы можем обратиться к божеству, которое было признанным властелином греческого Олимпа на протяжении всего классического периода со времен Гомера и Гесиода до утверждения христианства. Мы должны рассмотреть легенду о Зевсе.

Прежде всего необходимо напомнить читателю, что все легенды в эпических поэмах восходят ко времени, когда был устроен официальный и национальный Олимп. Вероятно, многие племенные боги, которые изначально не имели связи с богами других племен, к эпохе Гомера таким образом смирились с местом и отношениями в олимпийской семье. Даже грубые пеласгийские божества низкого происхождения могли быть приняты в высшие круги и иметь божественную родословную в идеальном порядке.

Возвращаясь к Зевсу, его рождение (будь то старшим или младшим из детей Крона) уже изучено; теперь нам предстоит разобраться с его подвигами и характером.

Относительно значения имени Зевса мнения филологов кажутся более чем общепринятыми. Они считают греческого Зевса эквивалентом санскритского Dyaus, "светлый", термина, обозначающего небо.*

Макс Мюллер, *Избранные очерки*, ii. 419; Преллер, Гр. Миф., i. 92.

Ему особенно поклонялись на вершинах холмов (подобно ацтекскому богу дождя); например, на Итоме, Парнесе, Кифгероне и Ликейском холме Аркадии. На аркадийской горе, центре самых странных и древних обрядов, жрец Зевса действовал как то, что африканские народы называют "вызывателем дождя". На холме находился священный колодец нимфы Хагно, одной из кормилиц младенца Зевса. Во время засухи жрец Зевса приносил жертву и молился воде в соответствии с ритуальным законом, и было бы интересно узнать, что именно он приносил в жертву. Затем он осторожно помешал колодец веткой дуба, священного дерева бога, и когда вода была взбалтана, поднялось облако, похожее на туман, которое привлекло другие облака и вызвало дождь. Поскольку священник на горе практически занимал метеорологическую обсерваторию, он, вероятно, не совершал этих обрядов до тех пор, пока не узнал, что с той или иной стороны можно ожидать "депрессии".*

* Смотрите похожие примеры популярной магии у Жерваза Тилберийского, *Otia Imperiidia*; Либрехт, ii. 146. Цитата взята из Фреллера, i. 102.

По словам миссис Лэнглов Паркер и других, австралийские провидцы совершают удивительные подвиги в предсказании дождя. Как только мы встречаем Зевса у Гомера, мы обнаруживаем, что на него смотрят не как на небо, а как на божество, которое "обитает на воздушных высотах" и которое осуществляет верховную власть над всеми вещами, включая бурю, ветер и облака. Он извергает молнии (----), он гремит в вышине (----), его покрывают темные тучи (----), все эти внушительные аспекты его *религиозно* почитают люди, которые обращаются к нему с молитвой.

Эти аспекты были бы легко объяснены теорией о том, что Зевс, после того как стал личным небом, стал считаться могущественным существом, обитающим на небе, если бы мы не обнаружили, что таким существам поклоняются там, где небу еще не поклоняются, как в Австралии. Во многом то же самое происходило, если, как указывает М. Масперо, в Египте сначала поклонялись животным, а затем богам, которые, как предполагалось, присутствовали в животных. Итак, сначала поклонялись небу, личному небу, а позже - богу, обитающему на небе. Но не так-то просто показать, как произошло это важное изменение во взглядах, если оно действительно произошло. Филологическая теория причин, вызвавших это изменение, изложена мистером Кири в его книге *"Первобытная вера"*. По его мнению, небу сначала поклонялись как огромному неличностному явлению, "яркой вещи" (*Дьяус*). Но, выражаясь языком г-на Макса Мюллера, который, по-видимому, придерживается тех же взглядов, "Дьяус перестал быть выразительным предикатом; это стало традиционным названием"; * оно "утратило свое радикальное значение". Таким образом, там, где человек первоначально сказал: "Это гремит", или, скорее, "Он гремит", он пришел, чтобы сказать: "Дьяус" (то есть небо) "гремит".

Избранные эссе, ii. 419.

Далее Дьяус, или, скорее, греческая форма Зевс, почти утратила свое значение неба, а истинный смысл, будучи частично затемненным, стал именем, которое, как предполагалось, обозначало человека. Наконец, выражение стало "Зевс гремит", Зевс рассматривался как личность, потому что старое значение его имени, "небо", было забыто или почти забыто. *Номен* (имя) стал *нуменом* (богом). Как выразился мистер Кири, "Благодаря этому имени бог предстает настолько ясным и мыслимым, насколько это возможно для любого живого друга". Вся доктрина сводится к этому: явление, первоначально (согласно теории) считавшееся безличным, стало рассматриваться как личное, потому что слово сохранилось в разговорных выражениях после того, как оно утратило или почти утратило свое первоначальное значение. В результате "обо всех изменениях и процессах безличного неба стали говорить как о личных действиях, совершаемых личностным существом, Зевсом. Описанием этих атмосферных процессов в рамках этой теории является легенда о Зевсе. Все иррациональное и отвратительное в поведении бога объясняется изначально как простое описание метеорологических явлений. "Зевс женится на своей матери"; это, должно быть, означает, что дождь нисходит на землю, из которой он ранее поднимался в виде пара. "Зевс женится на своей дочери", то есть дождь падает на урожай, выросший из дождливых объятий неба и земли.

Итак, перед нами филологическая теория личности и поведения Зевса. Нам самим и тем, кто последовал за нами, эта система покажется обращающей вспять известные условия работы человеческого разума у древних народов. Согласно филологической теории, человек сначала рассматривает явления в нашем современном понимании как безличные; затем он придает им индивидуальность в результате языковой болезни, забвения смысла слов. Так, м-р Кири пишет: "Идея личности как отдельной от материи, должно быть, становилась все более отчетливой, когда люди могли приписывать личность такому абстрактному явлению, как небо". Где же отчетливость в концепции, которая порождает такую путаницу? Мы видели, что по мере того, как идея личности становится более отчетливой, диапазон ее применения сужается, а не расширяется. Считалось, что дикарь приписывает личность всему без исключения. По мере того, как идея личности становится все более отчетливой, она неизбежно становится менее

обширной, пока мы не исключаем ее из всех человеческих существ, кроме разумных. Таким образом, мы должны искать какое-то другое объяснение личности Зевса, предполагая, что его имя означает небо. Это объяснение мы находим в сохранении дикой ментальной привычки рассматривать все явления, даже самые абстрактные, как личности. Наша теория получит подтверждение в характере личности Зевса в его мифе. Он не только личность, но и в мифе, в отличие от религии, он очень дикий человек, обладающий всеми способностями знахаря и всеми страстями варвара. Почему это должно быть так с точки зрения филологической теории? Когда мы рассмотрим легенду о Зевсе, мы увидим, какое объяснение лучше всего соответствует трудностям проблемы. Но читателю следует еще раз напомнить, что мифический Зевс у Гомера и в других местах - это существо, сильно отличающееся от Зевса религии из молитвы Ахилла, от Зевса, которого афиняне умоляли пролить дождь на их поля, и от Зевса, который был высшим существом трагиков, философов и более поздней Греции.

Ранняя карьера, *молодость или изгнание* Зевса, уже изучалась. Дитя Крона и Реи, бесчисленные места претендовали на то, чтобы быть местом его рождения, хотя наиболее популярным было заявление критя.*

* Гесиод, *Theog.*, 468; Paus., iv. 33, 2.

На Крите тоже была могила Зевса: скандал для благочестивого язычества. Эвгемеристы сделали эту гробницу доказательством того, что Зевс был обожествленным человеком. Преллер принимает это за аллегорию зимы и смерти бога бури, который зимой особенно активен. Зевс чудом избежал того, чтобы его проглотил его отец, и, после изгнания и опосредования этого божества, он превратил свою собственную жену Метиду в муху, проглотил ее и был рожден из собственной головы Афины, от которой была беременна его жена. Теперь он стал правителем мира, а его брат Посейдон стал, так сказать, наместником вод, а его брат Аид - владыкой мира мертвых. Как и в первые годы правления Людовика XIV, первые столетия существования Зевса были посвящены череде любовных похождений, благодаря которым он, подобно Карлу II, стал отцом многих знатных семейств. Его законной женой была его сестра Гера, которую он соблазнил до вступления в брак "без ведома их дорогих родителей", - говорит Гомер, * который пренебрегает мифом о том, что один из "дорогих родителей" съел свое собственное потомство, "подобно тому, кто готовит своему поколению кашу, чтобы утолить свой аппетит". Гера была ревливой женой, и на то были веские причины. ** Отцы христианства подсчитали, что он сеял свой дикий овес и преследовал смертных женщин своей привязанностью на протяжении семнадцати поколений мужчин. Его любовные похождения с матерью и дочерьми, с Део и Персефой - величайшие скандалы Клемента Александрийского и Арнобия.*** Зевс редко занимался любовью *собственной персоной*, со всей своей метеорологической помпой. Когда он таким образом удовлетворил Семелу, она сгорела дотла. ****

* Вполне вероятно, что этот миф о соблазнении Геры имеет саамское происхождение и был распространен для объяснения и оправдания саамского обычая, по которому мужчины сначала соблазняли своих возлюбленных, а потом праздновали свадьбу (Схолия к *Илиаде*, xiv. 201). "Другие говорят, что Самос был местом, где Зевс предал Геру, откуда и происходит, что самосцы, когда они сватаются, сначала втайне ожидают свадьбы, а затем празднуют ее открыто". Еще один миф (*Илиада*, xiv. 295, Схолиаст) объясняет ненависть, которую Зевс проявил к Прометею, басней о том, что перед своей свадьбой с Зевсом Гера стала матерью Прометея от великана Эвримедонта. Эвфорион был

авторитетом в этой истории. Еще одна версия встречается в легенде о Гефесте. См. также Schol., *Theos.*, xv. 64.

** Илиада, xiv. 307, 340.

*** Арнобий, *Adv. Nat.*, ст. 9, где описанные мерзости не поддаются повторению. Миф о скале, ставшей матерью потомства Зевса, может напомнить материнский кремь из легенд ацтеков и причуды ирокезской традиции. Сравните *Клеменса Алекса.*, Оксфорд, 1719, i. 13, об амурах Зевса, Део и Персефоны с их изображениями в мистериях; также *Arnob.*, *Adv. Cent.*, v. 20. Зевс принял облик змеи в своей любви со своей дочерью. В качестве доказательства цитируется древняя тарентинская священная песенка, *Taurus draconem genuit, et taurum draco*, а некоторые отталкивающие представления со змеями в мистериях являются дополнительным свидетельством.

**** Аполлодор, iii. 4, 3.

Любовь с Данаей, когда Зевс превратился в золотой дождь, может быть истолкована как миф о желтом солнечном свете. Любовные похождения Зевса под личиной различных животных были гораздо более обычными и знакомы всем. * Как Кронос, когда влюблялся, превращался в жеребца, как Праджапати преследовал свою собственную дочь в облике косули, так и Зевс становился змеей, быком, лебедем, орлом, голубем ** и, чтобы добиться расположения дочери Клетора, муравьем. Подобная маскировка используется колдунами среди алгонкинов для аналогичных целей. Когда Панджел в австралийском мифе о Плеядах был влюблен в местную девушку, он превратился в одну из тех личинок в древесной коре, которые чернокожие считают съедобными, и преуспел в этом так же, как Зевс, когда превратился в муравья.

Мифологи, как правило, подобно языческим оппонентам Арнобия, Клемену и Евсевию, объясняют любовные похождения Зевса как аллегории плодотворного союза неба и земли, дождя и зерна. Преллер также допускает влияние человеческого тщеславия, когда благородные семьи настаивают на том, чтобы возвести себя к богам. On the whole, says Preller, "Zeugung in der Natur-religion und Mythologie, dasselbe ist was Schopfung inden deistischen Religionen" (i. 110). Несомненно, все эти элементы присутствуют в легенде; союзы Зевса с Део и Персефоной особенно сильно напоминают природный миф, рассказанный в чрезвычайно примитивной и отталкивающей манере. Амуры в облике животных объясняются в тексте как во многих случаях пережитки тотемистической веры в происхождение от зверей, без слов.

** *Lian.*, *Hist Vwr.*, i. 15.

*** Доусон, австралийские аборигены; Обычай и миф, стр. 126.

Не исключено, что превращение Зевса в муравья является результатом *народной этимологии*, которая вывела "мирмидоны" из (---), муравья. Даже в этом случае превращение муравья в аватару Зевса было бы примером процесса тяготения, посредством которого великое мифическое имя и личность притягивают к себе плавучие басни. * Замечание Клеменса по поводу этой последней экстраординарной интриги наводит на размышления. Считается, что фессалийцы поклоняются муравьям, потому что Зевс принял облик муравья, когда сделал дочь Клетора матерью Мирмидона. Там, где люди поклоняются любому животному, от которого они утверждают, что произошли (в данном случае от Мирмидона, предка знаменитых мирмидонов), мы имеем пример прямолинейного тотемизма. Объяснение поклонения животному на основе гипотезы о том, что оно было воплощением бога, - это прием, который наблюдался как в

религии египтян, так и в религии самоанцев, а также в религии коренных индийских племен, чьи боги-животные становились святыми, "когда брахманы набрасывались на них". **

Самый естественный способ объяснить подобные истории об амулетах и превращениях в животных столь великого бога - предположить, что Зевс унаследовал, так сказать, легенды более низкого характера, издавна бытовавшие среди отдельных семей и в разных местностях. Точно так же там, где поклонялись камню, он, по крайней мере в одном случае, был назван именем Зевса.

Клеменс, стр. 84.

** См. Статью мистера Х. Х. Рисли "Первобытный брак в Бенгалии" в *журнале Astatic Quarterly Review*, июнь 1886 г.

*** По мнению Павсания, Кекропс первым привнес веру в Зевса, всевышнего.

**** Paus., iii. 21, l; но прочтение сомнительно.

Было показано, что традиция происхождения от того или иного животного или растения наиболее широко распространена. Предполагается, что с общим утверждением более высокой веры в национальное божество эти традиции не исчезли бы полностью, а были бы поглощены местной легендой об этом боге. Различные животные станут священными для него, как овца была священной для Геры на Самосе, согласно Мандробулу, * и изображения животных будут собираться в его храме. Таким образом, любовные похождения Зевса, вероятно, прослеживаются до распространенной привычки вести благородное происхождение от бога, и в генеалогическом повествовании нашли место более старые тотемистические и другие местные мифы. ** Если не считать интриг, юность Зевса была подобна юности какого-нибудь короля-маскарада и странствий, такого как Джеймс V. в Шотландии. Хотя Платон в "*Республике*" не желает, чтобы молодежь учила тому, как боги разгуливают под видом незнакомцев, именно так они вели себя в мифах. Таким образом, мы читаем о

Ликаон и его пятьдесят сыновей, за которыми Зевс подглядывал в их собственном доме и, сам того не подозревая, наблюдал под рукой, вышли из своего переодевания И опрокинули стол, за которым они сидели

Окружил их нечестивый пир и убил их всех.***

Климент Александрийский**** противопоставляет "человеческий праздник" Зевса среди эфиопов бесчеловечному пиршеству, устроенному для него Ликаоном в Аркадии.(v)

Соч. Клем. Алекс., i. 36.

** Сравните Гейне, Наблюдающий в "Аполлодоре", i. 8, 1.

*** Мосты, Прометей-Податель огня.

**** Клем. Алекс., Л. 31.

(v) Паус., viii. 2, л.

О постоянстве аркадских человеческих жертвоприношений уже упоминалось, и это подтверждается суеверием, согласно которому тот, кто отведал человеческую часть блюда, приносимого в жертву Зевсу, становился оборотнем, принимая свой первоначальный облик, если в течение десяти лет воздерживался от человеческой плоти.*

Очень причудливая история домашних неурядиц Зевса была распространена в Платеях, где ее рассказывали на фестивале под названием *Дедала*. Говорили, что Гера, возмущенная любовными похождениями своего повелителя, удалилась на Эвбею. Зевс, желая помириться с ней, обратился за советом к Киферону, в то время царю Платеи. По его совету бог заключил фиктивный брак с деревянным истуканом, наряженным в образ Платеи, дочери Асопа. Гера подлетела к месту происшествия и сорвала фату невесты, когда, обнаружив фокус, она рассмеялась и примирилась со своим мужем. ** Вероятно, эта легенда была рассказана для объяснения какого-то ритуала или обычая на празднике Дедала, и это, безусловно, более невинный миф, чем большинство тех, что упоминались в местных мистериях.

* Волки, связанные с поклонением Зевсу, как и его бараны, козлы и другие животные, обычно объясняются как мифические названия стихийных явлений, облаков и бурь. Таким образом, руно барана (----), используемое в определенных искупительных обрядах (Исих., с. v., Лобек, стр. 183), предполагается Преллером символом облака. Точно так же его регис, или козья шкура, - это штормовой ветер или грозовая туча. Противоположную точку зрения можно найти в статье профессора Робертсона Смита о "Жертвоприношении" в *Encyc. Brit.*, где приводятся аналогичные тотемистические обряды низших рас. Элементарная теория изложена Дешаром, *Мифология Grece Antique* (Париж, 1879), стр. 16. О "штормовом волке" см. Preller, i. 101. Кажется немного любопытным, что волк, который, согласно солярной гипотезе, был блестящим зверем, связанным с поклонением богу солнца Аполлону Ликею, становится облачным или штормовым волком, когда соединяется с Зевсом. В целом об использовании шкур животных в качестве одежды бога или служителя см. Лобек, *Аглаоф.*, стр. 188-186, и Робертсон Смит, указ. соч.

* Паус., ix. 3, 1.

Зевс принимал облик птицы или зверя не только тогда, когда ему *сопутствовала удача*. В очень древнем храме Геры близ Микен стояла огромная статуя богини из золота и слоновой кости работы Поликлета и, следовательно, сравнительно современная. В одной руке богиня держала гранат, в другой - скипетр, на котором восседала кукушка, похожая на латинского дятла Пикуса на его деревянном столбе. О гранате существовал миф, который Павсаний отказывается рассказывать, но он описывает миф о кукушке. "Говорят, что когда Зевс полюбил еще девственную Геру, он превратился в кукушку, которую она преследовала и поймала, чтобы та стала ее подругой по играм". Павсаний признает, что он не верил в эту легенду. Вероятно, ее придумали, чтобы объяснить дружбу кукушки, которая, как и корова, была одним из священных животных Геры. Мифы этого класса, вероятно, возникли позже того периода, в который, как мы предполагаем, божественные взаимоотношения богов и животных перешли из тотемистических в самоанские верования. Более общее объяснение состоит в том, что кукушка, как символ

весеннего сезона, олицетворяет небеса в их уходе за землей. В целом, как мы пытались показать, символический элемент в мифе появился поздно и должен был служить объяснением обрядов и обычаев, первоначальное значение которых было забыто. Было бы несправедливо предполагать, что первые поклонники бога относились к нему неуважительно, потому что этиологические, генеалогические и другие мифы выкристаллизовались в легенду о нем.

Чрезвычайно дикая легенда о Зевсе была распространена среди Галат, где Павсаний прямо называет ее "местным мифом", отличающимся от лидийского варианта. Зевс во сне с помощью земли стал отцом Атта, который по своей природе был как мужчиной, так и женщиной. Агдистис - местное название этого загадочного персонажа, которого боги боялись и изуродовали. Из крови выросло, как и во многих мифах, миндальное дерево. Дочь Сангариуса, Нана, положила немного плода себе на грудь и таким образом забеременела, подобно девушке из Калевалы от ягоды или матери Уицилопочтли в Мексике от парящего пера. Тот же набор идей повторяется в *"Мархен Маханделхум" Гримма*, * если мы можем предположить, что в более древней форме можжевельное дерево и его ягоды способствовали чудесному рождению. ** В этих диких мифах принято видеть отражение фригийской религиозной традиции, которая ведет к рождению Атиса, который снова отождествляется с Адонисом как герой весны и возрождающегося года. Но эта история была представлена в этом месте как пример того, как распространяющиеся мифы из всех источников тяготеют к одному великому имени и личности, подобной Зевсу. Вероятно, было бы ошибочно интерпретировать эти и многие другие мифы обширной легенды о Зевсе так, как если бы они изначально и намеренно описывали небесные явления. Скорее всего, это просто наросты вокруг фигуры Зевса, задуманного как личный бог, "увеличенный неестественный человек".***

* Перевод миссис Хант, i. 187.

** Чтобы найти параллели этому мифу в китайском, ацтекском, индийском, фригийском и других языках, см. *"Сыновья Тьмы"*, М. Х. де Шаранси, Гавр, 1879. Смотрите также *"Les Deux Freres"* в книге М. Масперо *"Состязания египтян"* *** Что касается мифа об Агдистах, М. де Шаранси пишет (после цитирования вариантов сказания из всех частей света): "Это сходство между различными формами одной и той же легенды у народов, разделенных такими пространствами суши и моря, может быть выдвинуто в качестве важного доказательства древности мифа, а также отдаленной даты, когда он начал распространяться".

Другим примером локального приращения является басня о том, что Зевс, забрав Ганимеда в качестве своего виночерпия, искупил вину царской семьи Трои, подарив золотую виноградную лозу, изготовленную Гефестом.* Весь миф о Каллисто, опять же, которую любил Зевс и которая родила Области, а позже превратилась в медведицу и снова в звезду, явно местного аркадского происхождения. Если аркадийцы в очень отдаленные времена вели свое происхождение от медведицы и если они также, как и другие расы, узнавали медведицу в созвездии, они, естественно, позже смешали бы эти басни с легендой о всемогущем Зевсе.**

Схолия об *Одиссее*, xL 521; *Илиада*, хх. 234; Еврипид, *Орест*, 1392, и Схолиаст, цитирующий *Малую Илиаду*.

** Сравните К. О. Мюллера, *Введение в научную систему мифологии*, Лондон, 1884, стр.

До сих пор мы изучали некоторые детали легенды о Зевсе, которые не получили заметного распространения в национальной литературе. Цель состояла в том, чтобы обратить внимание на несколько мифов, которые кажутся наиболее древними, по-настоящему родными и оригинальными. Это традиции, сохранившиеся в мистериях, племенных генеалогиях и храмовых легендах, традиции, сохранившиеся с далекого периода жизни деревенских греков. Уже утверждалось, в соответствии с мнением К. О. Мюллера, что эти мифы в высшей степени древние и сугубо местные. "Любая попытка объяснить эти мифы в том порядке, в каком, например, мы сейчас находим их в собрании Аполлодора, как систему мышления и знаний, должна оказаться бесплодной задачей". Столь же бесполезно рассматривать их все как истории, первоначально рассказанные для описания, сознательно или бессознательно, или для объяснения каких-либо атмосферных и метеорологических явлений. Зевс - это светлое небо; это верно, но люди, которые рассказывали, как он стал муравьем или кукушкой, или отпраздновали фиктивную свадьбу с деревянным истуканом, или подарили Трою золотую виноградную лозу, "работу Гефеста", как и другие ювелирные изделия, не думали о ярком небе, когда повторяли эту историю. Они просто укрепляли какую-то древнюю семейную или племенную традицию, связывая ее с именем великого, могущественного личностного существа, бессмертного. Это существо, а не стихийная сила, которой был Зевс, не сила, "творящая праведность", которой является Зевс, не чистый духовный правитель мира, Зевс философии, является героем мифов, которые были исследованы.

В сказаниях, которые действительно вошли в национальную литературу, начиная с Гомера, наблюдается странная тенденция сочетать в одном образе высшие религиозные идеи с баснями о капризном, а часто несправедливом и похотливом сверхъестественном существе. Если рассматривать мифы в первую очередь, то их контраст с религиозной концепцией Зевса будет еще более заметным.

Зевс - царь всех богов и отец некоторых, но он не может всегда содержать своих подданных и семью в порядке. В первой книге *Илиады* Ахилл напоминает своей матери, морской нимфе Фетиде, как она однажды "спасла сына Крона, повелителя грозовых туч, от позорного крушения, когда все другие Олимпийцы связали бы его, даже Гера, и Посейдон, и Афина Паллада". Фетида привела сторукого Бриарея на помощь превосходящему их по численности и превосходящему силой Зевсу. Затем Зевс, согласно Схолиасту, спустил Геру с небес в цепях и отдал Аполлона и Посейдона в рабы Лаомедонту, царю Трои. Воспоминание об этом *государственном перевороте* на Олимпе было настолько живым, что Гефест умоляет Геру (его мать у Гомера) не гневить Зевса, "чтобы я не увидел тебя, такую дорогую, наказанной на моих глазах, и тогда я не смог бы спасти тебя, несмотря на все мое горе".* Затем он напоминает Гере, как Зевс однажды сбросил его с небес (как Повелитель Жизни сбросил Атаэнчика в ирокезском мифе), и как он упал на Лемносе, "и во мне осталось мало жизни". Этот отрывок часто интерпретируется так, как будто падение Гефеста, бога огня, было мифом о молнии; но у Гомера, несомненно, этот инцидент стал полностью личным и рассказан с большим юмором. Оскорблением Геры было поднятие магической бури (что она умела делать не хуже любой лапландской ведьмы) и гибель Геракла на Косе. За это она была закована в цепи и повешена на небесах, как в уже описанном случае.**

* Илиада, i. 587.

** Ibid., 590; Scholia, xiv. 255. Этот миф происходит от Ферецидов.

Постоянные ссоры между Герой и Зевсом в *"Илиаде"* - всего лишь отражение в верхнем олимпийском мире войн и зависти людей внизу. Илиос находится в состоянии войны с Аргосом и Микенами, поэтому в борьбе принимают участие главные боги-покровители каждого города. Эта концепция связана с героическими генеалогиями. Знатные и королевские семьи, как и в большинстве стран, симулировали свое происхождение от богов. Из этого следовало, что Зевс был сторонником своих "детей", то есть царских домов в городах, где он был самым почитаемым божеством. Таким образом, у Геры, когда она встала на сторону Микен, была двойная причина для гнева, и есть простой ответ на вопрос, *что такое божественное?* Ей предстояло разжечь ссору между собственными горожанами, и ее ревность разжигала ее еще больше; ибо, чтобы стать отцом человеческих семейств, Зевс, должно быть, был ей неверен. Действительно, в отрывке (возможно, вставленном) из четырнадцатой *Илиады* он действует как его собственный Лепорелло и зачитывает список своих завоеваний. Персеиды, Гераклиды, Пиритоиды с Дионисом, Аполлоном и Артемидой происходят от описанных там амуров.* Движимая такими страстями, Гера настаивает на разрушении Трои, а Зевс обвиняет ее в людоедской ненависти. "Возможно, если бы ты вошел в ворота и длинные стены и пожрал Приама сырым, и сыновей Приама, и всех троянцев, тогда, возможно, ты утолил бы свой гнев". ** Этот великий камень преткновения греческого благочестия, битва, в которой принимают участие боги, *** была объяснена неоплатониками как физическая аллегория. **** На самом деле это всего лишь отражение войн людей, битва, вызванная среди небесного народа человеческими битвами, как земные имитации дождя в небе. Ведический ритуал вызывает дождь с небосвода. Фаворитизм, который Зевс повсюду проявляет к Афине (v), объясняется грубым и древним мифом о ее рождении из его мозга после того, как он проглотил ее беременную мать. (v)*

* Ферецид - знаток тройной ночи, в которую Зевс убедил солнце не восходить, когда ухаживал за Алеменой.

** Смотрите весь отрывок, Илиада, iv. 160.

*** Там же, v. 385.

**** Схолия, изд. Диндорф, том iii.; Там же, v. 886.

(v) Там же, v. 875.

(v)* Ср. "Гимн Аполлону Пифию", 136.

Но Зевс не может допустить, чтобы войны богов продолжались без доказательств, и * он утверждает свою власть и угрожает низвергнуть обидчиков в Тартар, "так далеко под Аидом, как небо высоко над землей". Здесь засвидетельствовано превосходство Зевса, и он предлагает

доказать это с помощью вида спорта под названием "перетягивание каната". Он говорит: "Наденьте вы золотую цепь с небес, и все вы, боги, ухватитесь за нее, и все богини, но вы не смогли бы стащить с небес на землю Зевса, верховного советника, как бы вы ни старались изо всех сил. Но если бы однажды я захотел тянуть всем сердцем, тогда я мог бы вознести богов, землю и море на вершину Олимпа". ** Превосходство, заявленное здесь в отношении силы: "настолько я выше богов и людей", в других местах основано на праве первородства, *** хотя у Гесиода Зевс - младший из сыновей Кроноса. Но, как обычно в мифах, нет последовательной точки зрения, и Зевса нельзя назвать всемогущим. Не только он подвластен судьбе, но и его сын Геракл погиб бы, отправившись на поиски адского пса, если бы не помощь Афины. **** Благодарность за его помощь не мешает Зевсу угрожать Афине, а также Гере Тартаром, когда они попытаются помешать ему в интересах ахейцев. Поэтому Гера обязана подчинить его с помощью любви и сна в том знаменитом и прекрасном отрывке, (v) который так откровенно антропоморфен и был таким скандалом для религиозных умов. (v)*

* Илиада, viii. начало нашей эры.

** М. Дешарм рассматривает этот вызов перетягиванию каната как очень благородное и возвышенное утверждение высшего суверенитета. Миф о Греции, стр. 19.

*** Илиада, xv. 166.

**** Там же, viii. 369. (v) Там же., adv. 160-350.

(v) * Схол. Илиада, xiv. 346; Диндорф, том iv. В объяснении Схолиаста эта сцена является аллегорическим описанием весны; гнев Геры - это остатки зимней непогоды; ее купание олицетворяет апрельские ливни; когда она расчесывает волосы, подразумеваются молодые листья на ветвях, "высокие густые косы деревьев", и так далее. Не для того, чтобы анализировать весь божественный сюжет "*Илиады*", таков Зевс в мифических частях эпоса. Он отец и повелитель богов и людей, сильнейший; но ему могут противостоять, его могут обмануть и обольстить; он вспыльчив, влюбчив, роскошен, ни в коем случае не всемогущ и не всеведущ. Он не может отвратить даже от своих детей рока, который Судьба расплетает на нити при их рождении; он не более всеведущ, чем всемогущ, и если он может влиять на погоду и вызывать бури и тучи, то и другие божества, по своему желанию, могут то же самое делать любой колдун, или Джоссакид, или Бираарк из низших рас.

В религии Гомера, рассматриваемой отдельно от мифа, в религиозных мыслях людей в торжественные моменты нужды, страха или молитвы, Зевс занимает совсем другое место. Вся власть над смертными находится в его руках и признается почти с фатализмом ислама. "Так, мне кажется, угодно могущественному Зевсу, который низверг головы многих городов, да, и будет низвергнут, ибо он - высшая власть". * Это Зевс, который приносит горе людям, ** и на мифической картине у него есть два кувшина, полных зла и добра, которые он раздает своим детям на земле. В молитве к нему обращаются как к Зевсу, самому славному, самому великому, скрытому грозовой тучей, обитающему на небесах. Он дает свое согласие на присягу:****

Илиада, ii. 177.

** Там же., 378.

*** Там же., 408.

**** Там же., iii 277.

"Ты, солнце, которое видит все, Отец Зевс, что правит из Иды, самое славное, самое великое, и сущее, и ближайшее ко всему сущему, и вы, реки, и ты, земля, и вы, что в подземном мире наказываете людей, оставивших клятву, всякий, кто клянется ложно, будьте свидетелями и следите за верностью клятве". И снова говорится: "Даже если Олимпийский чемпион не приведет к исполнению" (клятвы) "сразу, все же он выполнит ее в конце концов, и люди дорого заплатят за это, даже своими собственными головами, своими женами и малышами".* И снова: "Отец Зевс не будет помощником лжецов".**

Что касается религиозного чувства к Зевсу по-настоящему набожного человека в ту отдаленную эпоху, Гомер не оставил нам сомнений. В "Эвмее, свинопасе Одиссея", человеке благородного происхождения, угнанном в рабство ребенком, Гомер оставил картину истинной религии, незапятнанной. Эвмей приписывает все происходящее воле богов с покорностью дитя ислама или шотландец Торжественному Союзу и Соглашению. *** "От Зевса все чужеземцы и нищие", - говорит он и верит, что гостеприимство и благотворительность весьма приятны в глазах Олимпийца. Когда он процветает, "это Бог увеличивает мою работу, в которой я пребываю". Он не говорит ни "Зевс", ни "боги", но в этом отрывке просто "бог". "Воистину, благословенные боги не любят несправедливых поступков, но они почитают справедливость и праведные деяния людей"; и все же именно "Зевс дарует добычу морским разбойникам". Именно боги воспитывают Телемаха, как молодое деревце, и в то же время именно боги "лишают его разума", когда он пускается в опасное приключение. Свинопас в основном молится Зевсу Крониону ****, но он не исключает других из своей мольбы.(v)

* *Илиада*, iv. 160.

** Там же, iv. 236.

*** *Одиссея*, xiv. продолжение,

**** Там же, 406.

(v) *Одиссея*, iv. 423.

Будучи человеком скрупулезно набожным, когда он закалывает свинью на ужин, он откладывает только седьмую порцию "для Гермеса и нимф", обитающих на пустынных возвышенностях. ** Однако в его подношении нет магического намерения ограничить бессмертных. "Одно Бог даст, а другое удержит, как ему заблагорассудится, ибо с ним все возможно".***

Таков гомеровский идеал благочестия, и он только наберет силу от контраста с богохульством Айаса, "который сказал, что вопреки воле бога он избежал великой морской пучины". ***

** Там же., xiv. 435.

*** Там же., 444, 445.

**** Там же, iv. 504.

Эпосы в достаточной степени доказывают, что благородная религия может сосуществовать с дикой и незаконной мифологией. Это древнее чувство человеческого сердца, которое заставляет людей прислушиваться к человеческому голосу в раскатах грома и тосковать по бессмертным друзьям и помощникам, живет своей жизнью, мало нарушаемой другим импульсом, который вдохновляет людей, когда они приходят рассказывать истории и романы о тех же самых трансцендентных существах.

Относительно действительной первоначальной формы веры в Зевса мы можем только строить догадки. Некоторым покажется, что Зевс изначально был ясным ярким пространством, которое принималось за образ или символ бесконечного. Другие будут считать Зевса светлым небом, но светлым небом, задуманным по-дикарски, как существо с человеческими частями тела и страстями, существо, обладающее всеми магическими способностями к метаморфозам, вызыванию дождя и прочим, которыми наделяют знахаря. Третья группа мифологов, помня, что имена богов и знахарей часто взаимозаменяемы и что, например, австралийский Бираарк, который, как считается, повелевает западным ветром, сам носит прозвище "Западный ветер", выведет Зевса из призрака какого-нибудь древнего колдуна по имени "Небо". Этот эвгемеризм кажется чрезвычайно неадекватным объяснением происхождения Зевса. В своем моральном аспекте Зевс снова наследует качества того сверхъестественного и нравственного наблюдателя за поступками человека, которого признают (как мы видели) даже самые отсталые расы и который, насколько мы можем судить, старше любого бога-зверя или бога природных стихий. Таким образом, каким бы ни был Зевс в своем самом раннем происхождении, к тому времени, когда мы можем изучать его в ритуале, поэме или священной главе, он превратился в комплекс качеств и атрибутики, духовных, нравственных, элементарных, животных и человеческих.

Любопытно, что, согласно нашей теории, мифический Зевс должен был морально деградировать в определенный период по мере того, как религиозный Зевс все больше и больше приближался к рангу чистого и почти верховного божества. Согласно нашей гипотезе, именно в то время, когда Греция достигала общего национального самосознания и становилась чем-то большим, чем просто совокупностью небольших местных племен, Зевс привлек худшие элементы своего мифа. Низвергая или низводя на более низкий уровень толпу тотемов, фетишей и призраков предков, он унаследовал легенды об их подвигах. Они были еще больше привязаны к нему любовью к генеалогиям, происходящим от богов. Для каждой такой родословной неизбежно изобреталась любовь, и там, где существовали тотемы, бог в этой любви заимствовал старую звериную форму. Например, если фессалийское племя верило в происхождение от муравья и хотело проследить свою родословную до Зевса, им нужно было просто сказать: "Зевс был тем муравьем". И снова, когда Зевс стал верховным среди других божеств людей в условиях патриархальной семьи, эти боги были сгруппированы вокруг него как члены его семьи, его отец, мать, братья, сестры, жена, любовницы и дети. Это было благородное поле, на котором могла разгуляться мифическая фантазия; отсюда и появились истории об узурпациях, мятежах, супружеских стычках и ревности - целый мир происшествий, в которых юмор мог играть на полную катушку. Не было бы недостатка и в иностранном влиянии. Странствующий грек, узнавший своего Зевса в божестве Финикии или Вавилона, мог принести домой какой-нибудь чуждый миф, который занял бы свое место в общей легенде, а другие мифы были импортированы вместе с иностранными предметами искусства, серебряными чашами и инкрустированными мечами. Так, по всей вероятности, выросла легенда о мифическом Зевсе, безусловно, прискорбная легенда, в то время как греческий интеллект все это время очищался и приближался к поэтической, моральной и философской концепции религиозного Зевса.

Наконец, в умах философски-религиозных людей Зевс стал чистым божеством, и детали легенды были объяснены той или иной системой аллегорий; в то время как в умах скептиков Зевс уступил свой трон "вихрю" аристофановой комедии. Таким образом, Зевс, возможно, начинался как доброе верховное существо; затем к легенде о нем могли прибавиться этиологические и тотемистические мифы, и, наконец, философская и благочестивая мысль представила рациональное представление о его природе. Но миф продолжал жить, ритуал продолжал жить, и человеческие жертвы приносились на алтарях Зевса до тех пор, пока христианство не стало общепринятой религией. "Пусть будет так, - говорит Павсаний, - как было с самого начала".

Боги, населяющие двор Зевса и окружающие его трон, столь многочисленны, что полный рассказ о каждом из них вышел бы за пределы нашего пространства. Легенда о Зевсе в целом типична для того, как выросли несколько мифических глав, посвященных фигурам каждого из божеств. Некоторые из них первоначально, вероятно, были природными силами или элементарными явлениями, задуманными сначала как личные существа; в то время как позже личная земля или солнце отошли в тень, превратившись в информирующий гений солнца или земли, и еще позже были почти освобождены от всякой связи с первичным элементарным явлением или силой. В этих процессах эволюции, по-видимому, время от времени случалось, что бог сбрасывал, подобно раковине или куколке, свою первоначальную форму, которая, однако, продолжала существовать как божество более древнего рода и меньшей власти. С помощью таких процессов, по крайней мере, было бы нетрудно объяснить очевидный факт, что несколько богов "недоучили" свои роли в "Божественной комедии". Возможно, было бы неплохо начать обзор богов с изучения тех, кто изначально был или может предполагаться, что был силами или явлениями Природы.

АПОЛЛОН.

Это утверждение было сделано почти для всех олимпийцев, но в некоторых случаях оно кажется более правдоподобным, чем в других. Например, Аполлон считается солнечным божеством, и способы, с помощью которых он достиг своего обособленного и независимого положения блестящего антропоморфного божества, покровителя искусств, возлюбленного нимф, вдохновителя пророчеств, возможно, были чем-то в этом роде. Сначала солнце, возможно, рассматривалось (в манере, знакомой диким расам) как личное существо. У Гомера он по-прежнему является богом, "который видит и слышит все"*, и который созерцает любовь Ареса и Афродиты и раскрывает ее. Этот личный характер солнца хорошо проиллюстрирован в гомеровском гимне Гипериону, солнцу, обитающему в вышине, где, как говорит г-н Макс Мюллер, "слова, по-видимому, подразумевают, что поэт смотрел на Гелиоса как на полубога, почти как на героя, который когда-то жил на земле".** Уже было показано, что эта мифическая теория происхождения солнца встречается у ацтеков и бушменов. *** У Гомера солнце, Гелиос

Гиперион, хотя и видит и слышит все, нуждается в том, чтобы одна из нимф сообщила ему, что спутники Одиссея сожрали его священный скот. Точно так же верховному Баяму Австралии необходимо задавать вопросы смертным. Затем Аполлон выступает на олимпийском собрании и угрожает, что, если за него не отомстят, он "спустится в Аид и будет сиять среди мертвых". Солнце способно к браку, как в болгарском *народе*, где оно женится на крестьянской девушке, (v) и, по Персе, он является отцом Цирцеи и Эета.(v)*

Одиссея, viii. 270.

**Избранные сочинения*, i. 605, примечание 1.

*** "Мифы о природе", Антея.

**** *Илиада*, iii. 277.

(v) Дозон, *Шансон Булгарес*.

(v)* *Одиссея*, x. 139.

Согласно раннему поэту-лирику Стесихору, солнце плывет над океаном в золотой чаше. "Затем Гелиос Гиперионид спустился в свою золотую чашу, чтобы пересечь Океанский поток и прийти в глубины темной и священной Ночи, к своей матери, и своей законной жене, и своим дорогим детям". Эта вера, в более варварской форме, все еще жива на греческих островах.* "Солнце по-прежнему остается для них гигантом, подобным Гипериону, кровожадным, когда оно окрашено золотом. Распространенная поговорка гласит, что солнце, "когда оно ищет свое царство", ожидает найти сорок хлебов, приготовленных для него его матерью.... Горе ей, если хлеб не будет готов! Солнце в своем гневe пожирает своих братьев, сестер, отца и мать". ** Хорошо известной любовью Гелиоса была его интрига с Родом, от которого у него были Фаэтон и его сестры. Трагики рассказывали, как Фаэтон управлял колесницей солнца и опрокинул ее, в то время как его сестры превратились в тополя, а их слезы стали янтарными.***

Киклады Бента, стр. 57.

Стесихор, *Поэты лирики Греческой*, Помтов, т. i, стр. 148; см. также Мимнермус, соч. цит. по, i. 78.

*** *Одиссея*, xvii. 208; Схолиаст. Эта история высмеяна Люцианом Де Электро.

Таковы были мифы о личном солнце, герое или полубоге Гелиосе Гиперионе. Если мы должны верить, что Аполлон также является солнечным божеством, то представляется вероятным, что он представляет собой более развитую концепцию не солнца как личности, а существа, представляющего солнце в духовном мире и оказывающего волевым актом то же влияние, каким обладает настоящее солнце благодаря своим лучам. Так, в первой книге "" он насылет мор на ахейцев, и его невидимые стрелы убивают людей внезапно, как солнечный удар. Это милое совпадение, что немецкий ученый Отфрид Мюллер, который всегда выступал против

притязаний Аполлона на звание бога солнца, погиб от солнечного удара в Дельфах. Бог отомстил за себя в своем древнем доме. Но если это божество когда-то было просто солнцем, то, по прекрасной фразе Поля де Сен-Виктора, об этом можно сказать: "Парайль, одна статуя, изображающая пламя сына божьего, Аполлон в образе солнца".* Он становится богом с разнообразными функциями и атрибутами, и необходимо проявлять крайнюю осторожность при объяснении любого отдельного мифа его легенды как изначально мифа о солнце. ** *Фой-Бос*, безусловно, означает "сверкающий" или "сияющий". Однако нет необходимости утверждать, что такие эпитеты, как *Ликей*, *Ликуус*, *Ликеген*, указывают на "свет" и не связаны, как считали древние, за исключением Макробия, с поклонением волку. *** Характер Аполлона как первоначально бога солнца подтверждается не только его именами, но и многими его атрибутами и празднествами. Указывается, что он является божеством, которое наблюдает за измерением времени. **** "Главные дни в годовом исчислении, новолуние и полнолуние, седьмой и двадцатый дни месяца, а также начало солнечного года, отсчитываются по прямой". Считается, что этот любопытный ритуал дафнефории, знакомый многим англичанам по картине сэра Фредерика Лейтона, символизировал новый год. Прокл говорит, что посох из оливкового дерева, украшенный цветами, поддерживал центральный медный шар, под которым находился шар поменьше, а оттуда были подвешены маленькие шары.(v)

* *Homines et Dieux*, стр. 11.

** Нет ни согласия, ни определенности относительно этимологии и первоначального значения имени Аполлон. См. Preller, *Or. Myth.*, i. 189. "Филологам-сравнителям пока не удалось найти истинную этимологию слова "Аполлон"" (Макс Мюллер, *Избранные очерки*, i. 467).

*** Сравните Зевса Ликея и его мифы о волках; сравните также Рошера, *Ausfuhrliches Lexikon*, стр. 423.

**** *Зонненготт альс Цайторднер*, Рошер, указ. соч., стр. 423.

(v) Ср. Фотий, Библ., 321.

Считается, что больший шар означает солнце, меньший - луну, крошечные шарики - звезды, а 365 лавровых гирлянд, используемых на празднике, символизируют дни. Павсаний * говорит, что церемония была совершена в глубокой древности. Геракл когда-то был юношей, возглавлявшим процессию, и треножник, который посвятил ему Амфитрион, все еще можно было увидеть в Фивах во втором веке нашей эры. Другим доказательством связи Аполлона с солнцем является прекращение его ритуалов в Дельфах в течение трех зимних месяцев, которые были посвящены Дионису. ** Священные праздники в честь дня рождения бога также связаны с обновлением года. *** Еще раз, его конфликт с великим драконом Пифоном понимается как символ победы света и тепла над тьмой и холодом зимы.

Поражение дракона богом знакомо по мифу о поражении Индрой Ахи или Вритры, и любопытно совпадение, что Аполлон, как и Индра, в ужасе бежал, убив своего противника. Аполлон, согласно мифу, был очищен от вины за убийство (церемония, неизвестная Гомеру) в Темпе. **** Согласно мифу, Питон был змеей, которая закрывала доступ к пропасти, откуда поднимались таинственные пары гадания. Аполлон убил змею и узурпировал власть над оракулом. Дельфийцы того времени были более или менее возмущены его убийством змеи.(v)

* i ix. 10, 4.

** Плутарх, Депа Эл. Дельф., 9.

*** Рошер, указ. соч., стр. 427.

**** Прокл, Хресл, изд. Гейсфорд, стр. 387; Гомер, Гимн Аполлону, 122, 178; Аполлодор, i. 4, 3; Плутарх, Quæst. Græc., 12.

(v) Аполлод., Хейн, Observationes, стр. 19. Сравните аргумент схолиаста с пифийскими одами Пиндара.

Змея, как и другие животные, лягушки и ящерицы, в мифах андаманских, австралийских и ирокезских народов, перед своим убийством наглоталась воды. * Независимо от того, была ли легенда об убийстве Питона изначально аллегорией победы солнечного света над зимой или нет, она, безусловно, в очень ранний период смешалась с древними правовыми идеями и местными традициями. Юному богу или герою почти так же необходимо убивать чудовищ, как юной леди быть представленной ко двору; и мы можем колебаться, стоит ли объяснять все эти легенды о полезном подвиге храбрости мифами о природе. В гомеровском гимне Аполлону Пифию чудовище называется *Драцена*, женская форма *дракона*. Дракос и его жена до сих пор являются популярными персонажами в новогреческих суевериях и народных песнях. **

* Преллер, i. 194.

** Форчхаммер принимает *драцену* за бурный зимний поток, иссушенный солнечными лучами. Ср. Дешарм, Миф. Орек., стр. 100. Также предполагается, что змея - это всего лишь священный змей более древнего оракула земли на том же месте. Эсхил, *Эвмениды*, 2.

Чудовище - воспитанник Геры в гомеровском гимне и бич стад. Она каким-то образом связана с басней о рождении чудовища Тифея, сына Геры, не имевшего отца. Гомеровский гимн выводит *Пифий*, имя бога, из (---) "гниль", презрительной речи Аполлона мертвому чудовищу, "ибо там вредитель сгнил под лучами солнца". Происхождение является *народной этимологией*. Неясно, связывал ли поэт в своем сознании солнце и бога. Местная легенда об убийстве дракона была жива в умах людей в Дельфах благодаря мистерии, в которой встреча была представлена в действии. В одной из версий мифа рабство Аполлона в доме Адмета было искуплением смерти дракона. * Во многих версиях прослеживается идея о том, что убийство змея было деянием, которое требовало очищения и почти извинения. Если бы змей действительно был божеством древней веры, это было бы понятно, или, если бы у него были родственники, змеиное племя в округе, мы могли бы это понять. Следующим действием Аполлона было открытие нового источника воды, поскольку местная нимфа была настроена враждебно и завидовала ему по-своему. Это был необъяснимый поступок бога солнца, чье дело - высушивать, а не открывать источники воды. Он даровал оракулов из дельфийского лавра, как Зевс из дубов Додоны. ** Вскоре Аполлон превратился в огромного дельфина и в этом обличье приблизился к кораблю критских мореплавателей. *** В облике дельфина он направил судно в Крису, порт Дельф, а затем великолепно вышел из вод и наполнил свой храм светом, поистине богом солнца. Затем, приняв облик человека, он явил себя критянам и призвал их поклоняться ему на его *дельфийском* языке. место в роли Аполлона Дельфиниоса, Дельфина-Аполлона.

* Еврип., Алкестида, Схол., линия 1.

** Гимн, 215.

*** Указ. соч., 220-225.

Такова древняя история об основании Дельфийского оракула, в которой архаичным образом смешаны боги, звери и люди. Учащиеся могут рассматривать дельфина лишь как одно из многих животных, чье раннее поклонение было сосредоточено в Аполлоне, или принять это существо за символ весны, когда морское плавание становится легче для смертных, или интерпретировать дельфина как результат *народной этимологии*, в которой название Дельфы (первоначально означавшее лощину в горах) было связано с *delphis*, дельфином.*

В целом, кажется невозможным получить четкое представление об Аполлоне как боге солнца из легенды, построенной из такого количества разнообразных материалов разной датировки, как миф об убийстве Пифона и основании Дельфийского оракула. Не дает более достоверной информации и рассказ о рождении бога — *les enfances Apollon*. Наиболее доступная и древняя форма мифа о рождении сохранилась в гомеровском гимне делосскому Аполлону, гимне, предназначенном для исполнения на делосском празднике ионического народа.

Гимн начинается без какого-либо описания любовных отношений Зевса и Лето; просто говорится, что многие страны отказались предоставить Лето место, где она могла бы произвести на свет свое потомство. Но бесплодный Делос внял ее молитве, и в течение девяти дней Лето рожала в окружении всех богинь, кроме ревливой Геры и Эйлитии, которая руководит родами. К ней отправилась Ирис, пообещав золотое ожерелье с янтарными запонками, и Эйлития спустилась на остров, а Лето, ухватившись за ствол пальмы, произвел на свет Аполлона и Артемиду.

Таково повествование гимна, в котором некоторые интерпретаторы, такие как М. Дешарм, находят богатую аллгорию рождения Света. Лето считается Ночью или Тьмой, хотя теперь признано, что это значение не может быть найдено в этимологии ее имени.***

* Roscher, Lexikon; Preller, i. 208; Schol. ад Ликофр., ст. 208.

** Сравните Феогнида, 5-10.

*** Преллер, i. 190, примечание 4; Курций, Гр., 120.,

М. Дешарм предполагает, что пальма (...) первоначально означала утренний красный цвет, с помощью которого ночь рождает солнце, и если поэт говорит, что юный бог любит горные вершины, что ж, то же самое делает и дневная звезда. Луна, однако, обычно не восходит одновременно с рассветом, поскольку Артемиде родилась вместе с Аполлоном. На самом деле тщетно искать мельчайшие штрихи солнечного мифа в этой истории, которая основана на женской ревности Геры и объясняет существование великого храма и пиршества Аполлона не в одной из богатых стран, отказавших его матери в святилище, а на маленьком бесплодном и отдаленном острове.*

Среди более диких мифов, которые группировались вокруг фигуры Аполлона, была басня о том, что его мать Лето была превращена в волчицу. Легенда гласила, что Лето в облике волка прибыл за двенадцать дней от гиперборейцев на Делос. ** Это можно объяснить как *народную этимологию* от имени бога "Лицеген", которое, как обычно считается, означает "рожденный из света". Но присутствие очень большого количества животных в легенде об Аполлоне и в его храмах, соответствующее аналогичным фактам, уже наблюдавшимся в религии низших рас, вряд ли может быть обусловлено только популярной этимологией. Дельфин-Аполлон уже был замечен.

* Французские археологи на Делосе обнаружили оригинальный необработанный камень, на котором в более поздние времена была установлена статуя антропоморфного бога.

** Аристотель, Hist. An., vi 86; Элиан., N. A., iv. 4; Схол. об Апол. Род., ii. 12

Существует много следов связи между Аполлоном и волком. В Афинах был Лицей Аполлона Лукиоса, Волка-Аполлона, традиция которого связана с первобытной борьбой, в которой Эгей (человек-козел) победил Лукиоса (человека-волка). Лукианский Аполлон был божеством побежденной стороны, как Афина из Эгиса (козлиной шкуры) была божеством победителей.* У аргивян был такой же Аполлон, и волк был отчеканен на их монетах.** Согласно Павсанию, когда Данай пришел в поисках царствования в Аргосе, народ колебался между ним и Геланором. Пока они сомневались, волк напал на быка, и аргивяне решили, что бык должен обозначать Геланора, а волк - Даная. Волк победил; Данай стал царем и в благодарность воздвиг алтарь *Аполлону Лукиосу*, Волку-Аполлону. То есть (как утверждают сторонники тотемической системы) человек волчьего происхождения посвятил святилище богу-волку. *** В Дельфах наличие бронзового изображения волка объяснялось историей о том, что волк однажды показал место, где были спрятаны украденные храмовые сокровища. Божественный зверь заботился об интересах бога. **** Во многих мифах дети Аполлона от смертных девушек были разоблачены, но вскормлены волками.(v) В прямом противоречии с Павсанием, но в соответствии с общим правилом мифологической интерпретации, Софокл (v) * называет Аполлона "убийцей волков".

* Paus., i. 19, 4.

** Преллер, i. 202, примечание 3; Paus., ii. 19, 3.

*** Энциклопедия. Брит., с. в. "Жертвоприношение".

**** Паус., x. 14, 4.

(v) Ant. Lib., 30.

(v)* *Электра*, 6., 222

Очень часто случалось, что, когда обнаруживалась тесная связь животных с богом, древние безразлично объясняли этот факт, называя божество защитником или уничтожителем рассматриваемых животных. Таким образом, в случае с Аполлоном мыши считались

священными и их кормили в его храмах в Троаде и в других местах, жители Хамаксита особенно поклонялись мышам.* Имя бога, Сминфей, понималось как означающее "Аполлон Мыши" или "Мышиный Аполлон".** Но хотя Аполлон, таким образом, в некоторых местах считался покровителем мышей, в других повествованиях говорилось, что его почитали как Сминфийца, потому что он освободил страну от мышей. Это было бы совершенно естественным объяснением, если бы паразиты, которые когда-то были священными, стали вредителями в глазах последующих поколений.

Таким образом, мухи были связаны со служением Аполлону. Уже отмечалось, что бык был принесен в жертву мухам недалеко от храма Аполлона в Левкаде. Жертвоприношение объяснялось как средство, заставляющее мух садиться в одном месте, оставляя остальную часть побережья чистой. Это было дорогостоящее и оказалось бы бесполезным мероприятием. В Афинах была статуя Саранчи-Аполлона (Парнопиоса). Рассказывали, что она была посвящена после того, как бог изгнал нашествие саранчи.****

* Элиан, X. А., xii. 6.

** Страбон, xiii. 604.

*** Это объяснение, которое Преллер дает Мыши-Аполлон, i. 202.

*** Паус., i. 24, 8; Страбон, xiii. 912.

Наиболее интересный взгляд на то, как благочестивые язычники поздней эпохи относились к зверинцу Аполлона, можно получить из эссе Плутарха о дельфийских ответах. Это описание посещения Дельф. В зале Коринфян писатель и его друзья осматривают священную бронзовую пальму и "рельефных змей и лягушек вокруг корня дерева". "Ну, - сказали они, - пальма - это не болотное растение, а лягушки - не коринфский гребень". И действительно, можно было бы подумать, что вороны и лебеди, ястребы и волки, и все остальное, кроме этих рептилий, было бы угодно богу. Затем один из посетителей, Серапион, очень образованно показал, что Аполлон был солнцем и что солнце возникает из воды. "Все еще добавляете в рассказ свои озарения и свои выдохи", - воскликнул Плутарх и подшутил над ним, как можно было бы подшутить над Куном, или Шварцем, или Дешармом по поводу его элементарных интерпретаций. На самом деле классические писатели знали гораздо меньше, чем мы, о происхождении многих своих религиозных особенностей.

В связи с овцами, опять же, Аполлону поклонялись как барану Аполлону. * На празднике Карнейи его жертвой был баран. ** Эти факты обычно интерпретируются как свидетельство заботы бога о пастухах и пастушеской жизни, память о днях, когда Аполлон держал овец смертных и был лань Адмета Фессалийского. У него были названия животных, производные от овец и коз, такие как *Maloeis Tragios*.*** История, сделавшая Аполлона крепостным и пастухом смертных, так же стара, как *Илиада*, **** и ее нелегко интерпретировать, будь то природный миф или местная легенда. Лаомедонт, один из наставников Аполлона, не только отказал ему в жалованье, но и пригрозил заковать его в цепи и продать чужеземцам за морем, а также отрезать ему уши бронзовым лезвием. Эти легенды, возможно, приносили некоторое утешение

в сердца поработанных свободных людей. Бог перенес подобные бедствия и мог сочувствовать их страданиям.

* Карнейос, из (Хейшиус, С.В.), баран.

** Феокрит, Идиллия, v. 8a

*** Преллер, i. 215, примечание 1.

**** ii. 766. xxi. 448.

Возвращаясь к зверям Аполлона, в дополнение к дельфинам, мышам, баранам и волкам, он постоянно ассоциировался с ящерицами (могущественными тотемами Австралии), цикадами, ястребами, лебедями, воронами, воронами-стервятниками, которые мифологи рассматривают как символы бога солнца в том или ином качестве или функции. В "Илиаде" Аполлон надевает снаряжение ястреба и летит на ястребиных крыльях по Иде, как Тлинкит Йель на перьях журавля или ворона.

* xv. 287.

Любовь Аполлона составляет длинную и романтическую главу в его легенде. Не все они могут быть так легко объяснены, как многие любовные связи Зевса, желанием проследить генеалогические родословные до бога. Однако именно по этому принципу следует интерпретировать, например, рождение Иона. Идеальный одноименный герой ионийской расы, естественно, выдавался за сына божества, благодаря отцовству которого все ионийцы стали "братьями по Аполлону". Опять же, когда такая профессия, как медицина, находилась в руках клана, считавшего себя одной крови, и когда их общее дело находилось под защитой Аполлона, они неизбежно вели свою генеалогию к богу. Таким образом, медицинский клан Асклепиад, членом которого был Аристотель, вел свое происхождение от Асклепия или (как называли его римляне) Эскулапа.

Пока что все в этом мифе кажется естественным и рациональным, подтверждающим веру в любовные похождения антропоморфного бога. Но детали истории полны того *иррационального* элемента, который, как говорят, "делает мифологию мифологической". В третьей пифийской оде Пиндар поет о том, как Аполлон был любовником Корониды; как она изменила ему с незнакомцем. Пиндар не рассказывает, как ворон прилетел к Аполлону с этой новостью и как бог проклял ворону, которая раньше была белой, чтобы она навсегда стала черной. Затем он призвал свою сестру Артемиду, чтобы убить фальшивую нимфу, но выхватил из ее погребального костра младенца Асклепия, своего собственного ребенка. Этот миф, объясняющий цвет вороны как результат события и божественного проклятия, является примером стадии мышления, уже проиллюстрированной в мифе Намакуа о Хейтси Эйбике, и особенностей, которые его проклятие придавало различным животным. Существует также бушменский миф, согласно которому у некоторых черных дроздов белая грудь, потому что некоторые женщины когда-то повязывали им на шею кусочки белого жира.* Поучительно заметить, что Схолиаст о Пиндаре цитирует Артемона, что Пиндар опускает случай с вороной как глупый и недостойный. Аполлон, согласно оде, в своем всеведении сам сознавал хрупкость

Корониды. Но Гесиод, поэт гораздо более раннего периода, рассказывает эту историю обычным способом, с проклятием ворона и последующим изменением его цвета. ** Вся история в ее самой древней форме и с пропусками, вызванными благочестием более поздней эпохи, является прекрасным примером иррационального элемента в греческом мифе, его сходства с мифами дикарей и тенденции более продвинутой мысли скрывать или опускать черты, противоречащие чистой религии. ***

Блик, *Фольклор бушменов*; Пиндар, *Пифия.*, iii, с примечаниями схолиаста.

** Пиндар, Эстьен, Женева, 1599, стр. 219.

*** О различных генеалогиях Асклепия и обсуждении подлинности фрагментов из Гесиода см. Рошер, *Лексикон*, стр. 615, 616.

Связь Асклепия со змеем была настолько тесной, что он был принят в римскую религию в виде живой змеи, в то время как собаки были настолько тесно связаны с его поклонением, что Панофка верил, что изначально он был богом-собакой (Рошер, стр. 629, *Археологическое обозрение*). В другом мифе Аполлон унаследовал отцовские почести тотема. Тельмиссианцы в Ликийи утверждали, что происходят от Тельмесса, который был ребенком от любви, в которой Аполлон принял облик собаки. "В этом обличье он возлежал с дочерью Антенора". Вероятно, ликийцы Телмисса первоначально вели свою родословную от собаки, без слов, а позже выяснили, что собака была превращенным Аполлоном. Этот процесс сокрытия тотема и объяснения его как святого с тем же именем распространен в современной Индии.*

* Суидас, Его авторитетом является Дионисий Халкидский 200 г. до н.э., см. "Первобытный брак в Бенгалии", Азиатский ежеквартальный журнал, июнь 1886 г.

Других любовей Аполлона множество, но, возможно, будет достаточно подробно рассмотреть одну из таких историй. Там, где история любви не была необходимым следствием генеалогической тенденции связывать кланы с богами, она, вероятно, была, как замечает Рошер в случае с Дафной, этиологическим мифом. Многие цветы и деревья, например, были тесно связаны с поклонением и ритуалами Аполлона; среди них особенно выделялись лавр, кипарис и гиацинт. Уже невозможно сделать что-либо большее, чем догадываться, почему каждое из этих растений пользовалось таким благосклонным вниманием, хотя вполне правдоподобно предположить, что бог привлек к своему служению различных местных почитателей деревьев и растений. Люди спрашивали, почему божество ассоциировалось с цветами и ветвями, и ответ легко давался в рамках знакомого мифа о природе. Лавр дорог богу, потому что когда-то лавр был девушкой, которую он преследовал своей любовью и которая, чтобы вырваться из его объятий, превратилась в дерево. Гиацинт и кипарис были прекрасными юношами, дорогими Аполлону, и случайно убитыми им во время забавы. После их смерти они стали цветами. Подобные мифы о метаморфозах, как было показано, являются универсальным порождением дикой фантазии и проистекают из отсутствия чувства различия между людьми и вещами.*

Легенда об Аполлоне была лишь слегка набросана, но очевидно, что многие элементы из разных сфер входят в совокупность его мифов и обрядов. ** Если Аполлон изначально был богом

солнца, несомненно, что его влияние на жизнь человека и общество было таким же широким и благотворным, как влияние самого солнца. Он заботится о здоровье и медицине, а также о чистоте тела и души. Он — бог песни, и гекзаметр, впервые зазвучавший в его храмах, произнес свое последнее слово в меланхолической музыке последнего дельфийского оракула:

Скажи царю, что прекрасный храм распался на части,
У Феба больше нет ни кровли, ни священной кельи,
И священные лавры сломаны и опустошены, и умолкло чудо
воды, которая заговорила, вытекая из глубин дельфийского колодца.

* Смотри "Мифы о природе", Антея. Шварц, как обычно, считает, что Дафна связана не с рассветом, а с молнией. "Es ist der Gewitter-baum." Der Ursprung der Мифология, Берлин, 1860, стр. 160-162.

** За влияние поклонения Аполлону на греческий цивилизация, см. "Историю Греции" Курция, английский язык перев., том i. Теорию о том, что Аполлон отвечает Митре у "ариев Ирана", см. в "Истории Греции" Дункера. Греция, том, i. 173.

В своем оракуле он предстает как советник людей, между людьми и Зевсом он является своего рода посредником (подобно сыну Байаме в Австралии или Пулуги на Андаманских островах), смягчая суровость правосудия страстным желанием и добрым состраданием. Он освящает пастырскую жизнь своим примером, и, как человек, познавший рабство у смертного, его сочувствие облегчает бремя раба. Он - проводник колонистов, он знает все пути земли и все пути моря, и уводит странников далеко от Греции в безопасные гавани, и селит их на плодородных берегах. Но он также является богом, перед которым афиняне сначала выпороли, а затем сожгли своих человеческих козлов отпущения. * Его пример освятил аномальные постгомеровские пороки Греции. Он способен превращаться в различных зверей, и дворы его храма заполнены изображениями лягушек, мышей, волков, собак и воронов, на которых он возлагает свою защиту. Он - бог внезапной смерти; он влюбчив и мстителен. Честные гуманизаторы старой религии не могут похвастаться фигурой более прекрасной; и все же он тоже несет на себе родимые пятна древних вероучений, и есть тень, которая пятнает его легенду и затемняет сияние его славы.

* В Тергелии. Посмотрите на Меурсиуса, Грецию Ферияту.

АРТЕМИДА.

Если Аполлон вскоре отделяется от солнца и предстает как божество, замечательное главным образом своими моральными и пророческими качествами, то Артемида сохраняет столь же мало следов какой-либо связи с луной. "В развитии Артемиды можно наиболее отчетливо проследить, - говорит Клаус, - прогресс человеческого интеллекта от ранних, грубых и, так сказать, естественных идей до прекрасных фантазий поэтов и скульпторов".

* De Dianæ Antiquisssima apud Græcos Natura, Vratialaviæ, 1881.

В поэзии Греции нет богини более прекрасной, чистой и девственной. Там она сияет как сестра Аполлона; ее часовни находятся в диком лесу; она настоятельница лесных нимф, "целомудренная и прекрасная", дева точной жизни, подруга девственного Ипполита; всегда присутствует, даже если невидима, с чистым сердцем.* Она подобна мильтоновской леди в "Пути к упоению" Комуса, и среди буйства олимпийских влюбленных она одна, вместе с Афиной, удовлетворяет аскетическую тоску по гордой отстраненности и сдержанности. Но хотя именно такой ее видят в мечтах поэты, от автора "Одиссеи" до Еврипида, все же местные традиции и культы Артемиды во многих отдаленных друг от друга районах сочетают ее поклонение и легенды о ней с отвратительной жестокостью, с почти каннибальскими обрядами, с пережитками дикого поклонения зверям, которых в своем образе богини охоты она скорее "сохраняет", чем защищает. Ей приносились человеческие жертвы; ради нее медведи, олени, голуби, волки, все неукротимые стада холмов и лесов были прогнаны через огонь в Ахее. Аттические девушки обожают ее медвежьими танцами; в ее поклонении есть мрачный хтонический или могильный элемент, и в ритуале она даже сливается с чудовищным многогрудым божеством восточной религии. Возможно, сейчас едва ли возможно разделить все запутанные клубки в смешанном представлении об Артемиде или прикоснуться пальцем к зародышевому представлению о ее природе. "Темнота, - говорит Шрайбер, - это первоначальная концепция, затемняющая значение имени Артемиды".**

* Ипполит, Еврипп., 73-87.

** Roscher's Lexikon, s. v.

Несомненно, что в ее легенде смешаны многие племенные культы, и каждое из двух или трех совершенно разных представлений о ее природе можно с полным основанием считать самым примитивным. В попытке достичь первоначального представления об Артемиде филология предлагает свою отвлекающую помощь и конкурирующие этимологии. Каково радикальное значение ее имени? По этому поводу у Клауса * есть длинная диссертация. По его мнению, Артемиде изначально была (как Диона) женой, а не дочерью Зевса, и он исследует имена Диона, Диана, приходя к выводу, что Артемиде, Дионе и Диане по сути одно целое, и что Диана - женское начало Януса (Джануса), соответствующее греческому. Что касается этимологии Артемиды, Кертис мудро заявляет, что не уверен в ней. ** Более оптимистичные и менее осторожные этимологи выдвинули множество гипотез. Артемиде произошла от слов "безопасная", "невредимая", "безупречная дева". Гебель, 3 предполагает корень *arpar* или *par*, "трясти", и заставляет Артемиду означать метателя дротика или стрелка. Но это, по общему признанию, предположение. В персидском языке также искали корень Артемиды, который сравнивается с первыми слогами в Артаферне, Артаксерксе, Артаксате и так далее. Делается вывод, что Артемиде означала бы просто "великая богиня". Клаус снова, возвращаясь к своей теории об Артемиде как изначально жене Зевса, склоняется к тому, что изначально она была землей, "могущественной матерью".***

* Roscher's Lexikon, s. v., p. 7.

** Etym. Или, 5-е изд., стр. 556.

*** Лексикон, i. 554.

**** О многих других этимологиях Артемиды см. в Словаре Рошера, стр. 558. Среди них "та, кто рассекает воздух". Даже медведь приходил в голову изобретательным людям.

Как замечает Шрайбер, филологические догадки на самом деле не проливают света на природу Артемиды. Велкер, Преллер и Лауэр принимают ее за богиню полуночного неба и "свет ночи".* Клаус, как мы видели, полностью соответствует ночи, а не свету; ибо "Ночь идентична по концепции земле" — ночь - это тень земли, факт, вероятно, не известный самым ранним грекам. Клаус, однако, кажется вполне вдохновленным, когда отказывается выводить все многочисленные свойства, мифы и атрибуты Артемиды из лунных аспектов и атрибутов. Малейшей крупницы изобретательности всегда будет достаточно в качестве существенного элемента в этой мифологической алхимии, в этом "превращении" фактов из легенд во множество предполагаемых утверждений о любой данной природной силе или явлении.

От всех этих общих теорий и расплывчатых гипотез пора перейти к фактам и различным местным или племенным культам и мифам об Артемиде. Затем будет рассмотрено ее место в художественной поэзии, которая повлияла на эти рассказы и очистила их. Этот процесс противоположен методу, например, М. Дешарма. Сначала он принимает образ "королевы и охотницы, целомудренной и прекрасной" поэзии, а затем объясняет ее местные мифы и ритуалы как случайное искажение и иностранное дополнение к этому идеалу.

Аттическая и аркадская легенды об Артемиде, по общему признанию, одни из древнейших.**

* Welcker, Oriechische Gotterlehre, i. 561, Gottingen, 1867; Preller, i. 239.

** Roscher, Lexikon, 580.

Как в Аркадии, так и в Аттике богиня странным образом связана с поклонением животным и рассказами о превращениях в животных, которые являются характерными элементами мифов и верований самых отсталых рас.

Аркадский миф об Артемиде и медведице излагается по-разному. Согласно Павсанию, у Ликаона, царя Аркадии, была дочь Каллисто, которую любил Зевс. Гера, охваченная ревнивым гневом, превратила Каллисто в медведицу, а Артемиде, чтобы доставить удовольствие Гере, застрелила зверя. В это время медведица была беременна ребенком от Зевса, который послал Гермеса спасти младенца, точно так же, как Дионис был спасен при сожжении Семелы, а Асклепий - при смерти своей матери, которую убил Аполлон. Затем Зевс превратил Каллисто в созвездие медведицы. * Ни Кароки, ни Камиларои никогда не рассказывали более откровенного мифа о происхождении от зверя (поскольку аркадийцы утверждали, что произошли от Ареала, сына медведицы) и о звездном или зверином превращении. Другая история гласила, что сама Артемиде, разгневанная нецеломудрием Каллисто, заставила ее

превратиться в медведицу. Такова легенда, изложенная в поэме Гесиода, согласно отрывку из книги Эратосфена. **

* Paus., viii. 3, 5.

** O. Müller, Engl. пер., с. 15; Катастрофа., i.; Аполлодор., iii. 82; Гигин, 176, 177. Ряд менее важных ссылок приведен в книге Бахофена "Der Bar в религиозных традициях".

Таков древний миф, который Отфрид Мюллер пытается объяснить в свете своего ясного здравого смысла, без помощи, которую мы теперь можем извлечь из антропологических исследований. Нимфа Каллисто, по его мнению, является простым преломлением самой Артемиды под ее аркадским и поэтическим именем Каллиста, "прекраснейшая". Рядом с курганом, известным как могила Каллисто, по словам Павсания, находилось святилище Артемиды *Каллист.* * Памфос, добавляет он, был первым известным ему поэтом, который восхвалял Артемиду этим титулом, и он узнал его от аркадцев. Далее Мюллер говорит об атрибутах Артемиды в Афинах, Артемиды, известной как Браурония. "Итак, - говорит он, - мы исходим из того, что тот факт, что богиня, которой служат в Брауроне медведицы, превратила друга и компаньона в медведицу, никак не может быть случайностью, но что эта метаморфоза основана на том факте, что животное было посвящено богине".

Станет вероятным, что животное действительно мифически отождествлялось с богиней в чрезвычайно отдаленный период, или, во всяком случае, что богиня унаследовала древнее поклонение животному и наложила свою защиту на него.

Переходя затем из Аркадии, где подруга богини становится медведицей, в Браурон и Мунихию в Аттике, мы обнаруживаем, что местной Артемиде там, Артемиде, связанной легендой со свирепой таврической богиней, служат молодые девушки, которые в танцах имитируют походку медведей, которых называют медвежатами, *arktoi*, и чье служение называется *aptcreia*, то есть "играющая медведицу". Некоторые утверждали, что девушки когда-то носили медвежьи шкуры. **

Паус., viii. 3.

** Клаус, указ. соч., стр. 76. [Сушь, Де Диан Бророн, стр. 33.] Позже медвежью шкуру, по-видимому, обменивали на одежду шафранового цвета. Сравните Гарпократия, Аристофана, *Лисистрату*, 646. Схолиаст собирает легендарные объяснения этого отрывка, утверждая, что обряды были предназначены для умиловивления богини за убийство ручного медведя [ср. Апостолий, vii. 10]. Мистер Парнелл собрал все знания в своей работе о культах греческих государств.

Известными примерами в древние и классические времена этого религиозного служения, совершаемого людьми в зверином обличье, являются волчьи танцы хирпи, или "волков", и использование бараньей шкуры в Египте и Греции.* Эти браурон-ские обряды указывают на период, когда богиня сама была медведицей, или когда миф о медведице стал частью легенды о ней, и этот вывод подтверждается уникальной традицией, согласно которой она была не просто медведицей, но медведицей, жаждавшей человеческой крови. **

Сервий. Ин. i. xi. 785. Особую параллель танцу хирпи в современном французском фольклоре можно найти в книге Маннхардта "Вальд и поле культуры", ii 824, 825. Об овне см. Геродот, ii. 42. В

Фивах на ежегодном празднике с бараньей шкуры сдирали кожу и клали на статую бога. Сравните, в случае с канюком, Бэнкрофт, iii. 168. Большое внимание уделяется сохранению кожи принесенного в жертву тотема, канюка, поскольку она является частью священного наряда.

* Апостолий, viii. 19, vii. 10, цитируется О. Мюллером (ср. Велкер, i. 573).

Связь между аркадской Артемидой, Артемидой Браурона и обычными ритуалами и верованиями тотемистического культа теперь, пожалуй, бесспорно очевидна. Возможно, во всей легенде и во всем культе богини нет более архаичного элемента, чем этот. Речь женщин в "*Лисистрате*", напоминающая о днях их детства, когда они "были медведицами", возвращает нас в далекое прошлое, когда племена, поселившиеся в Брауроне, поклонялись медведям и, по всей вероятности, утверждали, что принадлежат к медвежьему роду. Их далекие потомки до сих пор подражали движениям этого существа в священном танце; и девушки Афин Перикла вели себя в тот момент подобно юношам манданов или нутка в их танце волка или буйвола. Два вопроса остаются без ответа: как богине по имени Артемида с ее широкими и благотворными функциями удалось добиться успеха в столь варварском культе? или, с другой стороны, как культ хищной медведицы превратился в гуманную и чистую религию Артемиды?

Вот момент в мифической и религиозной эволюции, который почти ускользает от нашего исследования. В реальных исторических процессах мы не находим ничего более сходного с этим, чем отношение самоанских богов к различным животным, в которых они, как предполагается, проявляются. Как возникла сложная теория природы Артемиды? каков был ее рост? в какой именно момент она в целом освободилась от низших верований дикарей? или как она была создана из их неперспективных материалов? Наука о мифологии, возможно, никогда не найдет ключ к этим неясным проблемам. *

Символическое объяснение Бахофена, Клауса и других сводится к тому, что медведица (в данном случае) - это животное, у которого очень силен материнский инстинкт, и, по-видимому, медведица, лишенная своих детенышей, является подходящим символом богини, печально известной своей девственностью и отсутствием потомства.

Богиня Браурона, вероятно, сменившая культ медведицы, требовала человеческой крови. Человеческой кровью была умиловлена Артемида Ортия из Спарты. Об этой богине и ее правах Павсаний рассказывает очень примечательную историю. Изображение богини, заявляет он, варварское; что, вероятно, означает, что даже среди архаичных деревянных идолов Греции оно казалось особенно диким по стилю. Говорят, что Астрбак и Алопек (осел и лисица), сыновья Агиса, нашли идола в кустах и сошли с ума при виде его. Те, кто приносил жертвы богине, падали от ударов и убивали друг друга; последовал мор, и стало ясно, что богиня требовала человеческих жертв. "Ее алтарь должен быть залит кровью мужчин", - говорится в том, что жертва выбирается по жребию. Ликургу принадлежит заслуга в том, что он заменил обряд, в ходе которого мальчиков пороли перед богиней, излиянием крови вместо старых человеческих жертвоприношений.* Таврическая Артемида, обожествляемая человеческими жертвоприношениями, и ее жрица Ифигения, возможно, одна из форм богини, являются известными примерами этого кровавого ритуала. ** Сушье, вероятно, прав, отрицая, что эти жертвоприношения иностранного происхождения. Они тесно переплетены с древнейшими идолами и мифами районов, наименее открытых иностранному влиянию.

Павсаний приводит ахейский пример. *** Артемиде поклонялись, поднося в жертву прекрасных девочку и мальчика. Недалеко от Брауруна, в Галае, находился очень древний храм Артемиды Таврополос, в котором кровь брали из горла мужчины острием меча, что явно являлось видоизмененным пережитком человеческого жертвоприношения. Вся связь Артемиды с таврическими обрядами была исследована Мюллером **** в его "*Орхоменосе*"(v). Рога растут из плеч Артемиды Таврополос на монетах Амфиполя, а на македонских монетах она ездит верхом на быке. Согласно Дешарму, (v) * Таврическая Артемида с ее отвратительными обрядами была перепутана случайным сходством имен с этой Артемидой Таврополос, чьим "символом" был бык, и которая (что бы мы ни думали о символической гипотезе) использовала быков в качестве своего "транспортного средства" и носила бычьи рога.

* Paus., iii. 8,16. Cf. Müller, Dorians, book ii. глава 9, 6. Павсаний, viii. 23, 1, упоминает аналогичный обычай, установленный дельфийским оракулом, - порку женщин на празднике Диониса в Алее Аркадийской.

** Ср. Мюллер, "Дорианс", 9, 6, и Клаус, соч. цит. по, глава v.

*** Пауз., vii. 19.

**** Указ. соч., ii. 9, 6.

(v) Там же, стр. 311. Qf. Еврипид, *Iph. Taur.*, 1424, and Roscher, *Lexikon*, p. 568.

(v)* *Mythol. de la Grece*, p. 137.

Мюллер, с другой стороны, * считает, что греки нашли в Таврии (то есть на Лемносе) богиню с кровавыми "обрядами, которую они отождествили по причине тех самых человеческих жертвоприношений с их собственной Артемидой Ифигенией". Их собственное поклонение этому божеству носило на себе так много следов древнего варварства, что они были готовы считать северных варваров его авторами. Тем не менее, возможно, что таврическая Артемида произошла от тавров не больше, чем Артемида Этиопия от эфиопов.

Природа знаменитой Эфесской Дианы, или Артемиды Эфесской, вероятно, совершенно отличается по происхождению либо от Артемиды Аркадии и Аттики, либо от божества литературных символов веры. Еще во времена Тацита ** эфесяне утверждали, что близнецы Лето родились на их территории. "Первыми, кто проявил себя в сенате, были эфесяне, заявившие, что Диана и Аполлон родились не на острове Делос, как верили простые люди; и в их стране была река, называемая Кенхриус, и лес, называемый Ортегия, где Латона, будучи беременной и прислонившись к оливковому дереву, которое все еще растет в том месте, родила этих двух богов, и что по повелению богов лес был сделан священным".***

* Мифол. де ла Грес, ii. 9, 7.

** *Анналы*, iii. 61.

*** *Тацит* Гринви, 1622.

Это была простая адаптация делийской легенды, согласно которой олива (в Афинах посвященная Афине) заняла место делосской пальмы. Настоящая Артемида Эфесская, "образ, упавший с небес", была восточным пережитком. Ничто не может быть менее греческим по

вкусу, чем ее многогрудый кумир, которого можно сравнить с многогрудой богиней завода *maguey* по производству пива в Мексике.*

Более дикие элементы в местных обрядах и мифах о Диане мало связаны, если вообще связаны, с богиней в ее олимпийском аспекте как дочери Лето и сестры Аполлона. Именно с этого высокого ранга она нисходит в национальном эпосе, чтобы сразиться на Илионской равнине среди враждующих богов и людей. Клаус попытался на основе сравнения эпитетов, применяемых к Артемиде, показать, что поэты "Илиады" и "Одиссеи" по-разному оценивают ее характер. В "Илиаде" она - богиня смятения и страсти; в "Одиссее" - святая дева с "нежными стрелами", которые наносят внезапную и безболезненную смерть. Но в обеих поэмах она охотница, и смертоносные стрелы принадлежат ей как в "Илиаде", так и в "Одиссее". Возможно, кажущаяся разница объясняется не чем иным, как необходимостью выделить ей роль в битве олимпийцев, которая разыгрывается в "Илиаде". Так, Гера в "Илиаде" обращается к ней так: ** "Как же так? ты что, сошла с ума, дерзкая лисица, чтобы померяться силами со мной? Трудно было бы тебе сравниться с моей мощью, хоть ты и лучник, поскольку против женщин Зевс создал тебя львом и дает тебе убивать, кого из них ты пожелаешь. Воистину, в горах лучше убивать диких зверей и оленей, чем сражаться с тем, кто сильнее тебя".

* Алебастровую статуэтку богини см. В Словаре Рошера, стр. 588

** Илиада, xxi. 481.

Эти насмешки в адрес Геры, которая всегда с отвращением относилась к незаконнорожденным детям Зевса, несомненно, относятся к характеру Артемиды как богини деторождения. Здесь ее путают с Илитией и Гекатой; но нет необходимости углубляться в изучение этих деталей.*

Как и большинство олимпийцев, Артемиды была связана не только с поклонением животным, но и с поклонением растениям. Она была известна под именами Дафния и Седреатида; в Эфесе не только олива, но и дуб были посвящены ей; на Делосе у нее была своя пальма. Ее идол был помещен в ветви этих деревьев или подвешен к ним, и не исключено, что она унаследовала почести либо дерева, которому поклонялись само по себе, либо духа или гения, который, как предполагалось, обитал в нем и вдохновлял его. Подобные примеры того, что одно вероучение наследует святыни своего предшественника, достаточно распространены, когда либо миссионеры, как в Мексике и Китае, либо ранние проповедники Евангелия в Бретани или Скандинавии, приписывали Христу святые дни языческих божеств и освященные камни-фетиши со знаком креста. К несчастью, у нас нет исторических свидетельств относительно того момента, когда древние племенные тотемы, фетиши и жертвоприношения были переданы под защиту различных Олимпийцев, в культе которых они выживают, как мухи в янтаре. Но то, что этот процесс действительно имел место, является наиболее очевидным объяснением грубых факторов в религии Артемиды, как и в религии Аполлона, Зевса или Диониса.

* Ср. Преллер, i. 256, 257. Вакхилиды делают Гекату дочерью "Ночи с глубоким сердцем". (40). Схолиаст о второй идиллии Феокрита, в которой волшебница взывает к магии луны, делает ее дочерью Зевса и Деметры и отождествляет с Артемидой. Здесь более отчетливо, чем где бы то ни было, Артемиды предстает *sub luce maligna* в тусклом неуверенном свете луны.

Греческая мысль всегда была склонна отказываться от созерцания темных и непостижимых черт в характере богов и наделять их самыми прекрасными качествами. Примитивные

бесформенные *зоаны* уступают место идеальным статуям из золота и слоновой кости. Артемида, которой приносят в жертву олененка в девичьем наряде, не преследует память Еврипида; его Артемида прекрасна и благородна, чиста и девичья, богиня, блуждающая в уединенных местах, недоступных человеку. Именно так, если можно зарифмовать речь Ипполита, обращается к ней ее почитатель:

Для тебя мягкие венцы в твоём нетронутом медовухе
Я ткуу, моя госпожа, и приношу тебе;
Туда ни один пастух не гонит свои стада пастись,
И стальная коса никогда не работала там;
Нет, всю весну среди прекрасных цветов
Коричневая пчела прилетает и улетает, и с хорошим вниманием
Твоя дева, Почтение, сладкие ручьи ведут
О травянистом клозете - это её забота!
Только те души, которые милостивы и безмятежны
По дару Божьему, в человеческих знаниях непрочитанные,
Могут срывать эти святыя цветы и зелёные травы
Что теперь я вяжу венок для твоей бессмертной головы,
Я, кто могу ходить с тобой, оставаясь невидимым,
И утешаться твоим шепотом.

В отрывках, подобных этому, мы находим истинно *естественную* религию, к которой стремится природа человека, "стонущую и мучающуюся", пока цель не достигнута, Но до победы ещё далеко; пути тернисты; человечество "ведут путем, которого оно не знало".

ДИОНИС.

Среди божеств, происхождение которых искали в олицетворении если не явлений, то, по крайней мере, сил Природы, Дионис занимает видное место.* Многие мифологи рассматривают Его ** как "духовную форму" новой весенней жизни, сока и пульса растительности и новорожденного года, особенно в том виде, в каком они проявляются в виноградной лозе и виноградном соке. Таким образом, Преллер *** смотрит на свою мать, Семелу, как на олицетворение плодородной почвы весной. **** Имя Семелы объясняется знакомым разнообразием догадок. Был ли человеческий интеллект во времена первого развития мифа способен к такому абстрактному мышлению, которое используется для признания божества, руководящего "возрождением земной жизни", или нет, и стали ли бы люди, достигнув этой абстракции, облекать ее во всевозможные животные и другие символы, - это вопросы, которые мифологи, по-видимому, принимают как должное. Популярная история о рождении Диониса хорошо известна.

* Нет необходимости занимать место этимологическими догадками о значении имени "Дионис".
Филологи пытались греческий, санскрит и ассирийский, но они отказываются выдать свою тайну, а Кертис даже не выдвигает гипотезы (Or. Etym., 609).

** Преллер, i. 544.

*** i. 546.

**** Рождение Диониса записано (Илиада, xiv. 323; Гесиод, Теог., 940) без рассказа о смерти Семелы, который встречается в "Эсхиле", ФРГ, 217-218; Еврипид, Вакхи, i. 3.

Его мать, Семела, желала увидеть Зевса во всей его красе, каким он предстал, когда занимался любовью с Герой. Пообещав исполнить все просьбы нимфы, Зевс был вынужден приблизиться к ней с громом и молнией. Она сгорела заживо, но бог спас ее нерожденного ребенка и посадил его себе на бедро. В этом сумасбродном повествовании Преллер обнаруживает союз неба и земли, "первый день, когда гремит гром в марте". Бедро Зевса следует интерпретировать как "прохладные влажные облака". Если, с другой стороны, мы можем принять самого Диониса за дождь, как это делает Кун, и объяснить бедро Зевса сравнением с некоторыми деталями жертвоприношения сомы и правым бедром Индры, как описано в одном из Брахманов, то тогда, конечно, объяснение Преллера не может быть принято.*

* Кун, Herabkunft, стр. 166, 167, где говорится, что боги покупают сому и кладут ее на правое бедро Индры.

Эти примеры показывают трудность или, скорее, указывают на ошибку попытки интерпретировать все детали любого мифа как множество утверждений о природных явлениях и природных силах. Такие интерпретации неизбежно носят предположительный характер. Несомненно, Дионис, бог оргий, вина, поэзии, стал в позднейшей греческой мысли чем-то очень похожим на "духовную форму" виноградной лозы и покровителем природных настроений разгула. Но то, что он изначально был задуман таким образом или что эта концепция может быть детально прослежена в каждом эпизоде его легенды, не может быть научно установлено. Каждый мифолог, как уже говорилось ранее, на самом деле спрашивает себя: "Какой смысл я имел бы, если бы рассказал ту или иную историю о божестве виноградной лозы или о божестве обновления года?" Воображение, в котором возникла история о двойном рождении Диониса, было настолько непохоже на воображение современного эрудированного немца, что эти догадки абсолютно беспочвенны. Более того, когда нам говорят, что ребенок был укрыт в теле своего отца и на самом деле был рожден отцом, нам, подобно Бахофену, можно напомнить о широко распространенном дикарском обычае *куваде*.

От Бразилии до страны Басков было обычным делом, когда отец притворялся, что лежит, пока мать рождает; муж проходит курс лечения, и во многих случаях его укладывают в постель на несколько дней.* Этот обычай, "общемировой", как называет его мистер Тайлор, был использован Бахофеном как источник мифа о двойном рождении Диониса. Хотя были даны и другие объяснения *кувады*, наиболее правдоподобная теория представляет это как признание отцовства отцом. Бахофен сравнивает церемонию, посредством которой, когда Гера примирилась с Гераклом, она усыновила его как своего собственного через юридическую фикцию его второго рождения. Обычай, по которому в старофранцузских брачных обрядах незаконнорожденных детей узаконивали, принося к алтарю под вуалью невесты, также имеет

значение. ** Диодор говорит, что варвары до сих пор практикуют обряд усыновления путем фиктивного рождения. Мужчины, которые благополучно возвращались домой после того, как считались мертвыми, должны были пройти аналогичную церемонию. *** Таким образом, Бахофен объясняет имена и мифы о "Дионисе с двойной матерью" как пережитки обычая *кувады* юридического признания детей отцом после периода родства только через женщин.

*** Тайлор, Прим. Oult., I 94; Ранняя история человечества, стр. 293.

** Bachofen, Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861, p. 254.

*** Плутарх, Квестор. Рим., 5.

Эту теорию Люциан излагает в своей обычной шутливой манере. Посейдон хочет войти в покои Зевса, но Гермес отказывает ему во входе.

"Is Zeus *en bonne fortune*?" - спрашивает он.

- Нет, наоборот. У Зевса только что родился ребенок.

- Младенец! почему в его фигуре ничего не было...! Может быть, ребенок родился из его головы, как Афина?"

— Вовсе нет - его *бедро*; ребенок принадлежит Семеле.

"Чудесный Бог! какие разнообразные достижения! Но кто такая Семела?"

- Фиванская девушка, дочь Кадма, очень понравившаяся Зевсу.

-И поэтому его любезно посадили за решетку ради нее?

-Совершенно верно!

- Значит, Зевс одновременно и отец, и мать ребенка?

- Естественно! А теперь я должна пойти и устроить его поудобнее.*

* Циферблат. Deor., xi.

Нам необязательно принимать точку зрения Бахофена. Этот ученый автор действительно широко использовал сравнительный метод, но он видел все с точки зрения определенных собственных мистических спекуляций. Можно, однако, предположить, что авторы мифа о двойном рождении Диониса скорее находились в положении людей, практикующих *куваду*, чем были способны к таким обширным абстрактным идеям и такому сложному символизму, которые требуются в системе Преллера. Вполне вероятно, что борьба между двумя системами родства — материнской и отцовской — оставила свой след в греческой мифологии. Бесспорно, это присутствует в *Эвменидах* Эсхила, и, возможно, это вдохновляет рассказы, в которых Гера и Зевс изображаются как искусно производящие потомство (Афина и Гефест) без помощи противоположного пола.*

В любом случае, Дионис, сын Семелы, покровитель виноградной лозы, завоеватель Индии, - загадочная фигура сомнительного происхождения, но менее отталкивающая, чем Дионис Загрей.

Даже среди приключений Зевса бросалась в глаза любовь, в результате которой родился Дионис Загрей. "Юпитер ипсе филиам инцеставит, натум хинк Загреум".** Персефона, спасаясь от своего ненавистного возлюбленного, приняла облик змеи, а Зевс стал мужчиной-драконом. Эта история перекликается с брахманическим мифом о Праджапати и его дочери в образах оленя и лани. Платонисты, как обычно, объясняли эту легенду своим "абсурдным символизмом".***

Дитя двух змей, Загрей, родился, как это ни странно, с рогами на голове. Зевс воспитал его тайно, но Гера послала Титанов убить его. Согласно Клеменсу Александринусу **** и другим авторитетам, Титаны покорили его сердце игрушками, в том числе ревущим быком или поворотным кругом австралийцев. **** Его враги, также на австралийский манер, обмазывали себя пипеклеем.(v)* Эти отвратительные враги разорвали ребенка на куски, хотя, по словам Ноннуса, он превратился в такое же количество зверей, как Протей у Нила или Тамлейн у Эттрика.

* Roscher's Lexikon, p. 1046.

** Лобек, Аглаоф., стр. 547, цитируя Каллимаха и Эйфорика

*** Там же, стр. 550.

**** Увещевание, стр. 11; Ноннус, xxiv. 43; ап. Аглаоф., стр. 555.

(v) Обычай и миф, стр. 39.

(v) * Ср. Демосфен, Pro. Or., 313; Лобек, стр. 556, 646, 700.

В облике быка Загрей, наконец, был мелко нарезан, приготовлен (за исключением сердца) и съеден Титанами.* Здесь нам, естественно, вспоминается расчленение Осириса, Имира, Пуруши, Чоканипока и многих других богов и зверей в Египте, Индии, Скандинавии и Америке. Этот момент не следует упускать из виду в споре о происхождении и дате повествования о Дионисе Загрее. Для гения, например, Гомера, не может быть ничего более отталкивающего, чем эти отвратительные происшествя. Он редко рассказывает о богах что-то худшее, чем история о заточении Ареса в большой бронзовый горшок, событие, действительно, недостойное, но не в том свирепом вкусе, как в легенде о Загрее. Но поэтому нет необходимости утверждать, что история о Дионисе и титанах написана позже Гомера, потому что она не соответствует тону гомеровской мифологии и потому что ее можно найти в более поздних источниках. Такие детали, как использование "turn-dun" в дионисийских мистериях и тела празднующих, вымазанные глиной, имеют примитивный или, по крайней мере, дикий вид. Лобек придерживался мнения, что орфические поэмы, в которых легенда впервые появляется в литературе, были работой Ономакрита.**

С другой стороны, Мюллер утверждал, что миф действительно архаичен, хотя и прошел через руки ономакрита. Основываясь на хвастовстве дельфийских жрецов о том, что они владели могилой, в которой были захоронены останки бога, Мюллер полагал, что Ономакрит получил эту историю из Дельф.***

* Прокл в крат., стр. 115.

** Аглаоф., стр. 616. "Onomacritum architectum istius mythi."

*** Пролог Мюллера, английский перевод, стр. 319.

Мюллер пишет: "Способ, которым эти орфики работали с древними мифами, можно наиболее отчетливо увидеть в мифе о *растерзании Вакха*, который, во всяком случае, прошел через руки Ономакрита, организатора дионисийских оргий, согласно Павсанию, также автора орфей-ских поэм и, следовательно, по всей вероятности, орфика".

Слова Павсания таковы (viii. 37, 3): "Ономакрит, взяв у Гомера название Титанов, учредил дионисийские оргии и представил титанов виновниками страданий бога".

Сейчас, пожалуй, невозможно с уверенностью решить, действительно ли, как утверждал Лобек, Ономакрит "адаптировал" миф, и дельфийцы приняли его в свою религию с обрядами, намеренно призванными напоминать обряды Осириса в Египте, или Мюллер более правильно утверждает, что Ономакрит, с другой стороны, вынес на свет литературы древнюю храмовую мистерию и "священную главу". Но можно с большим основанием утверждать, что миф, столь дикий и столь аналогичный в своих самых жестоких деталях мифам многих широко рассеянных рас, скорее всего, древний, чем свежее изобретение поэта шестого века. Гораздо более вероятно, что в Греции, будь то в Дельфах или где-либо еще, существовала легенда, общая для рас на далеких континентах, чем то, что Ономакрит либо придумал эту историю, либо позаимствовал ее из Египта и поселил в Дельфах. О. Мюллер не мог апеллировать к множеству историй о божественном расчленении в диких и цивилизованных странах, потому что с некоторыми он был не знаком, а другие (например, жертвоприношение Пуруши, расчленение Оморки, растерзание Имира), похоже, не приходили ему на память. Хотя большинство этих легенд о божественном расчленении связано с сотворением мира, все же по сути они напоминают сказку о Дионисе и титанах. Таким образом, соотношение вероятностей в пользу теории о том, что миф действительно древний и был заимствован, а не выдуман Ономой-критом.* Этот очень изворотливый человек, возможно, внес свои собственные изменения в повествование, но не будет опрометчивым сказать вместе с О. Мюллером: "Если предполагалось, что он был изобретателем всей басни, чего Павсаний ни в коем случае не утверждает, я должен признаться, что не могу заставить себя так думать. Согласно представлениям древних, это должен был быть нечестивый, проклятый человек, который мог из простого собственного каприза представить вечно юного Диониса, бога радости, растерзанным Титанами". Ответ на это, без сомнения, можно было бы искать в отрывках, описывающих приток новых суеверий, которые приводит Лобек. ** Греческие поэты-комики особенно высмеивали эти религиозные новшества, которые очень близко соответствовали нашему "эзотерическому буддизму" и подобным обманам. Но эти новые мистерии и помпезные культы пришедшей в

упадок цивилизации сильно отличались от поклонения дионису Загрею и установленных им жертвоприношений быков в тайных убежищах Дельф.***

* Лобек, Аглаоф., стр. 671.

** Aglaoph., 625-630.

*** Ликофрон, 206, и Схолиаст.

Следовательно, можно определить, что сказка и мистерия о Дионисе и титанах, по сути, так же стары, как и дикое состояние религии, в котором их аналоги имеются в изобилии, независимо от того, были они иностранного происхождения в Дельфах или нет и появились в сравнительно недавние времена. Басни, где бы они ни встречались, сопровождаются дикарскими обрядами, в ходе которых (как в некоторых африканских племенах, когда вождь собирается объявить войну) живых животных разрывали на части и ели сырыми. Эти ужасы были своего рода представлением страданий бога. О. Мюллер вполне может заметить: * "Мы едва ли можем считать эти обряды новыми обычаями и порождением постгомеровской цивилизации". Эти замечания применимы к обычаю *небризма*, или разрывания оленят на куски и танцев вокруг, завернутых в оленьи шкуры. Такие обряды были частью вакхического богослужения и даже вспыхнули во время языческого возрождения во времена Валента, когда верующие разрывали собак в клочья.**

Независимо от того, признается древность загрейских ритуалов и легенд или нет, проблема их первоначального значения остается. Хотя большинство языческих обрядов такого рода были мистериями, излагавшими в действии какую-нибудь историю о божественном приключении или злосудии, Лобек все же воображает, что история о Загрее и Титанах была придумана или адаптирована из легенды об Осирисе как рассказ о самих мистических представлениях. Что означал этот миф или что подразумевали яростные действия празднующих, можно только догадываться.

* Ликофрония, стр. 322.

** Теодорит, ап. Лобек, стр. 653. Обратите внимание на количество примеров обмазывания глиной в "мистериях", приведенных Лобеком, и сравните племена мандан, описанные Кэтлином в "О-Ки-Па", Лондон, 1867, и Тилом в "Кафрском фольклоре".

*** Lactantius, v. 19,15; Ovid, Fasti, iv. 211.

Обычно утверждается, что страдания Диониса - это гибель летнего года от рук бури и зимы, в то время как возрождение ребенка символизирует весеннее воскресение; или, опять же, убитый Дионис - это урожай. В старой английской песне рассказывается о том, как "Джон Ячменное зерно должен умереть" и с каким могуществом он вернулся к жизни и победил своих угнетателей. Это представление также может лежать в основе "страстей Диониса", поскольку виноград подвергается по меньшей мере таким же пыткам, как и Ячменное зерно, прежде чем заявить о себе в виде крепкого напитка.* В то время как Преллер говорит о *тифсте Природы*, типичном для загрейского ритуала, Лобек замечает, что Платон был бы удивлен, если бы услышал, как эти "причуды пьяных мужчин" декоративно описываются как *ein erhabene Naturdienst*.

Дешарм, "Мифология Греции", стр. 437, Сравните Преллера, i. 572 о тифсте Натуршмерце и так далее.

Лобек смотрит на дикие выходки, растерзание оленят и собак, полуголые танцы, грызение сырой кровоточащей плоти как на естественное выражение свирепого необразованного народа, упивающегося свободой, прыгающего и кричащего. Но странно то, что самый цивилизованный из народов так долго сохранял нравы *ingenia inculta et indomita*. Каким бы ни было первоначальное значение дионисийских пирушек, это значение, безусловно, выражалось в свирепой и варварской манере, более достойной австралийцев, чем афинян.

При таком взгляде на дело, возможно, можно было бы утверждать, что зародышем мифа является всего лишь само жертвоприношение, варварское и жестокое расчленение жертвы животного, которое стало отождествляться с богом. Таким образом, страдания жертвы в конечном итоге превратились бы в легенду о страсти божества. Древнегреческое объяснение о том, что ритуал был разработан "в подражание тому, что выпало на долю бога", необходимо было бы изменить. Истина заключалась бы в том, что миф о том, что постигло бога, был заимствован из реальных пыток жертвы, с которыми отождествлялся бог. Примеры этого мистического образа мыслей, при котором убитый зверь, бог и даже совершающий обряд путались в мыслях друг с другом, достаточно распространены в ритуалах.*

Что касается танцев менад с факелами, сравните Roscher, Lexikon, стр. 1041, и Mannhardt Wald und Feki Kultits, i. 534, чтобы найти параллели в европейском фольклоре.

Жертвоприношения в ритуале Диониса носят очень выраженный характер, и здесь чаще, чем в других эллинских культах, бог и жертва признаются по существу одним и тем же. Жертвоприношение, по сути, является таинством, и, вкушая жертву, причастники вкушают своего бога. Эта деталь настолько заметна, что не ускользнула от внимания даже мифологов, которые предпочитают придерживаться идеального взгляда на мифы и обычаи, рассматривать их как символы изначально чистого поклонения природе. Thus M. Decharme says of the bull-feast in the Dionysiac cult, "Comme le taureau est un des formes de Dionysos, c'était le corps du dieu dont se repaissaient les inities, c'était son sang dont ils s'abreuyaient dans ce banquet mystique". Особенностью Бак-чики, которые соблюдали эти ритуалы, было то, что, как правило, они вообще воздерживались от мяса животных, или, по крайней мере, их поведение приняло такую форму, когда они были приняты в орфическую дисциплину.* Таким образом, этот ритуал имеет общие черты с обычаями, которые, по-видимому, также сохранились в культе бога-барана в Египте. ** Напрашивается вывод, что там, где Дионису поклонялись с помощью этого таинства мяса быка, он либо развился из поклонения тотему быка, либо унаследовал его характерный ритуал. Мистер Фрейзер, однако, предлагает совершенно иное решение. *** Наше решение становится правдоподобным благодаря знаменитому элеанскому песнопению, в котором к богу обращались таким образом: "Приди, герой Дионис, приди с Милостями в твой святой дом на берегу моря; поспеши своей бычьей поступью". Затем хор повторил: "Славный бык, славный бык". *** М. Дешарм публикует камею (v), в которой бог представлен в виде быка с тремя Грациями, стоящими у него на шее, и семью звездами в поле. М. Дешарм решает, что звезды - это Плеяды, Грации - лучи весеннего солнца, а Дионис в виде быка - символ самого весеннего солнца. Но все подобные символические объяснения склонны быть просто частными

домыслами, и они бесполезны перед лицом ритуала, который, согласно другой гипотезе, следует ожидать и который действительно обнаруживается в связи с быком Диониса. Там, где Диониса не совсем называют быком, к нему обращаются как к "рогатому божееству", "рогатому быку", "рогатому ребенку".(v)*

Лобек, Аглаоф., i 244; Платон, Законы, vi. 782; Геродот, ii. 81. Порфирий говорит, что это также было правилом Пифагора (Vita Pyth., 1630, стр. 22).

** Геродот., ii. 42.

*** Золотая ветвь, том ii.

**** Плутарх, Ку. Ор., 3d.

(v) Указ. соч., стр. 431.

(v) * Клеменс Алекс., Адхорт, ii. 15-18; Ноннус, vi. 264; Диодор, iv. 4. 3. 64.

Еще более любопытным эпизодом дионисийского культа было принесение в жертву теленка в сапогах, теленка с котурнами на ногах.* Жители Тенедоса, говорит Элиан, обычно с большой заботой ухаживали за своей самой хорошей коровой, обращались с ней, когда она отелилась, как с роженицей, надевали теленку сапоги и приносили в жертву, а затем забрасывали камнями приносящего жертву и бросали его в море, чтобы искупить его преступление. В этой церемонии, как и в Дииполии в Афинах, закланный бык является, так сказать, кровным родственником человека, который приносит его в жертву, и который должен искупить содеянное, как если бы это было убийство. ** В этой связи стоит отметить, что Дионис Загрей, когда, согласно мифу, на него напали Титаны, пытался спастись от своих врагов, принимая различные формы. В конце концов он был схвачен в обличье быка и разорван на части. Обычай растерзания живых жертв его культа зашел так далеко, что, когда Пенфей нарушил его таинства, царь был разорван на части женщинами из его собственной семьи. *** Благочестивое согласие автора так называемой феокрытовской идиллии с этой бойней является любопытным примером консерватизма религиозных чувств. Связь Диониса с быком, в частности, подтверждается различными ритуальными эпитетами, такими как "бык", "рожденный быком", **** "с бычьими рогами" и "с бычьими бровями".(v) Ему также поклонялись, принося в жертву козлов; согласно популярному объяснению, потому что козел грызет виноградную лозу и, следовательно, ненавистен богу.

Элиан., X. А.т. xii. 34.

** О. Мюллер, Пролог, англ., перев., 322, приписывает обряды Диониса Тенедоса "беотийским ахейским эмигрантам". Г.Ф., Аглаоф., 674-677.

*** Феокрит, Идиллия, ххvi.

**** Поллукс, iv. 86.

(v) Афинай, xi. 466, н. э.

Правда в том, что животные, как замечает старый комментатор Вергилия, приносились в жертву различным богам, "по сходству и наоборот" либо потому, что между божеством и зверем существовала общность природы, либо потому, что зверь когда-то был священным во враждебном клане или племени.* Бог получил некоторые из своих ритуальных имен от козла, а также от быка. Согласно одному мифу, Зевс превратил Диониса в козленка, чтобы тот мог избежать ревности Геры. ** "Особенностью ритуала Диониса является то, - говорит Фойгт, - что бог является одним из его подношений". Но хотя идентичность бога и жертвы очевидна, это явление слишком распространено в религии, чтобы его можно было назвать необычным. *** Плутарх **** особо упоминает, что "многие греки делают статуи Диониса в виде быка".

Дионис был не только богом-животным или богом, который вобрал в свои права и титулы различные древние формы поклонения животным. Деревья тоже стояли по отношению к нему в таком же положении. Как *дендрит*, он, подобно Артемиде, бог-дерево и, вероятно, унаследовал культ определенных священных деревьев; точно так же, как, например, святая Бриджит в Ирландии унаследовала культ богини огня и ее церемониал.(v)

* Ср. Рошер, Лексикон, стр. 1059; Робертсон Смит о "Жертвоприношении", Энцикл. Брит.

** Appolodorus, iii. 4, 9.

*** "Dionysos selber. Stier Zicklein ist, und als Zagreus-kind selber, den Opfertod erleidet." Ap. Roscher, p. 1059.

**** De Is. et Os.

(v) Элтон, "Истоки английской истории", стр. 280, и цитируемые там авторитеты.

Диониса даже называли "богом на дереве", * напоминая нам об Артемиде Дендритис и деревенских богинях, которые в Индии обитают на дереве пипул или бо. ** Так, Павсаний*** рассказывает нам, что, когда Пенфей отправился шпионить за дионисийскими мистериями, женщины нашли его спрятанным на дереве и тут же разорвали на части. Согласно коринфской легенде, дельфийский оракул повелел им искать это дерево и поклоняться ему с не меньшим почетом, чем самому богу (Дионису). Следовательно, деревянные изображения Диониса были сделаны из этого дерева, смоковницы, *non ex quovis ligno*, и у бога было ритуальное имя "Дионис смоковницы". В идолах выражалась и увековечивалась общность природы между богом и смоковницей. Необтесанный обрубок дерева был идолом Диониса у деревенских жителей. ****

* Hesychius.

** Ср. Рошер, стр. 1062.

*** ii. 2,5.

**** Макс. Тыр., 8, 1.

Теперь мы в общих чертах обрисовали некоторые античные элементы культа Диониса; мы увидели бога в необычайно тесных отношениях с культом животных и растений и отметили очень архаичный характер некоторых черт его мистерий. Несомненно, эти вещи старше, чем яркий антропоморфный Дионис поэтов — прекрасное юное божество, увенчанное виноградной лозой, которое поднимается из моря, чтобы утешить Ариадну на бессмертной картине Тинторетто. В своем высшем проявлении, в своих лучших проявлениях Дионис — это дух не только вакхического разгула и драматической поэзии, но и молодости, здоровья и веселья. Даже в этой форме он сохраняет что-то хитрое и загадочное, возможно, пережиток более ранних идей; или, опять же, это может быть результатом более или менее сознательного символизма. Бог виноградной лозы и виноградного сока радует сердце человека; но он также вдохновляет на такого рода метаморфозы, на которые ссылается народная речь, когда говорят, что человек "переодет в питье". Возможно, по этой причине он теперь представлен в искусстве как серьезный бородатый мужчина, теперь как мужественный юноша и снова как женственный юноша девичьей красоты. Бородатый тип бога, по-видимому, является более ранним; девичий тип, возможно, является результатом просто декадентского искусства и его тенденции к бесполой или бисексуальной привлекательности.*

Отвлекаясь от ритуалов и местных культов бога, которые, как было показано, вероятно, сохраняют более ранние элементы в его сложной природе, и рассматривая легенду о нем в национальной литературе Греции, мы не находим ничего, что пролило бы свет на происхождение и изначальную концепцию его характера. В *Илиаде* Дионис не является одним из великих богов, политика которых правит Олимпом, и чье дипломатическое или военное вмешательство осуществляется в ахейской лиге или в цитадели Илиоса. Самый длинный отрывок, в котором он упоминается, — это "*Илиада*", vi. 130, отрывок, который достаточно ясно заявляет, что поклонение Дионису или, по крайней мере, что некоторые из его обрядов были принесены извне и что его почитатели подвергались преследованиям. Диомед, столкнувшись с Главком в битве, отказывается сражаться с ним, если он переодетый бог. "Нет, более того, даже сын Дриаса, могучий Ликург, недолго боролся с небесными богами; тот, кто прежде преследовал по прекрасной стране Ниса кормящих матерей безумного Диониса; и все они побросали свои жезлы на землю, сраженные свирепым бычьим жезлом Ликурга. Тогда Дионис убежал и нырнул под соленую морскую волну, и Фетида в ужасе прижала его к своей груди, ибо сильный трепет охватил его при упреке его врага. Но на Ликурга разгневались боги, живущие в покое, и сын Кроноса ослепил его, и это длилось недолго, потому что его ненавидели все бессмертные боги".

* См. Тремера в "Рошере", стр. 1090-1143.

Хотя о Дионисе здесь прямо не говорится как о боге вина, все же снаряжение его слуг и его собственный титул "неистовый", по-видимому, отождествляют его с божеством оргиастического исступления. Что касается Нисы, то можно было бы написать тома, посвященные изучению этого малоизвестного топонима, столь популярного в легенде о Дионисе, практически без всякой цели. Он был идентифицирован как гора во Фракии, Беотии, Аравии, Индии, Ливии и Наксосе, как город в Карию или на Кавказе и как остров в Ниле. Полет Диониса в море, возможно, напоминает аналогичный полет Агни в индийском мифе.

В *Одиссее* Дионис упоминается только в связи с Ариадной, которую Артемида, как говорят, убила "по свидетельству Диониса" **, и где, как говорят, большая золотая урна Фетиды была подарком бога. Знаменитый и прекрасный гимн доказывает, как это действительно можно почерпнуть у Гесиода, *** что на бога уже смотрели как на покровителя виноградной лозы.

* xi.325.

** xxiv. 74.

*** Труды и дни, 614.

Когда пираты схватили прекрасного юношу с темно-синими глазами и заперли его на своем корабле, он "показал им чудеса", приняв облик медведя и превратив своих похитителей в дельфинов, в то время как обшивка судна была вином, а виноградные лозы и плющ обвилились вокруг мачты и такелажа. Оставляя в стороне орфические поэмы, которые содержат большинство фактов из легенды о Дионисе Загрее, *Вакхи* Еврипида являются главным классическим изложением представлений о боге. Дионис был покровителем драмы, которая сама по себе была художественным развитием старинных сельских песен и танцев его афинского фестиваля. Таким образом, в "*Вакханках*" Еврипиду пришлось почитать самого покровителя своего искусства. Надо сказать, что его похвала носит лишь половинчатый характер. Определенный иронический дух, прорывающийся то тут, то там (как, например, когда старый Кадм танцует, покачивая седой головой и негнувшись коленом) в настоящий бурлеск, пронизывает пьесу. Традиция и миф, несомненно, сохраняли некоторую историческую истину, когда утверждали, что оргии бога были с неохотой приняты в государственную религию. Рассказы о Ликурге и Пенфее, которые преследовали вакхов в Фивах и были расчленены собственной матерью в божественном безумии, являются пережитками этого старого недоверия к Дионису. Еврипид, скептик, даже в эпоху скептицизма не мог искренне одобрить бога, которого он был обязан прославлять. Он прибегает к странным этимологическим объяснениям рождения Диониса из бедра Зевса. Этот миф, как очень учено излагает Кадм, был результатом забвения значения слов, родился из *народной этимологии*. Зевс отдал Гере заложницу, говорит Кадм, и "со временем" (на очень короткое время) люди забыли, что они имели в виду, когда говорили это, и предположили, что Дионис был зашит в бедро своего отца.* Объяснение абсурдное, но оно показывает, как Еврипид мог перенести сомнения и недоверие своей эпохи и ее попытки филологической интерпретации мифа на отдаленные героические мелодии. На протяжении всей пьесы характер и поведение бога, а также его отвратительная месть людям, которые отвергают его дикие и жестокие обряды, могут быть оправданы только потому, что они являются символами веры. Хор может петь: "Ах! благословен тот, кто пребывает в счастье, сведущ в обрядах богов, и так освящает свою жизнь, наполняя свою душу духом Диониса, наслаждаясь на холмах чарами святой чистоты".** Это было толкование, которое религиозный разум навязывал обрядам, которые сами по себе были настолько варварски непристойными, что считалось, что они были принесены Дионисом с варварского Востока, *** и что они были изобретением Реи, инопланетной оргиастической богини. *** бог с бычьими рогами, обвитый змеями, (v) бог, который, будучи связанным, превращается в быка (618); который являет себя Пенфею как бык (920), и хор умоляет его предстать "как бык, или пылающий лев, или многоголовая змея" (1017-19), этот бог является древним варварским божеством из

мифов, что явно контрастирует с художественным греческим представлением о нем как о "юноше с копной золотых волос и в его темных глазах грация Афродиты" (235, 236).

Вакхи, 291, 296.

** Там же., 73, 76.

*** Там же., 10-20.

**** Там же, i. 59.

(v) Там же, 100, 101.

The *Вакха*, таким образом, выражает чувства момента, которые, должно быть, часто происходили в греческой религии. Греческое благоговение принимает, освящает и украшает более древнюю веру, которую оно считает отвратительной и даже чуждой, но, тем не менее, признает человеческой и неизбежной. В природе современного человека древний оргиастический импульс дикого разгула почти угас. В Греции оно умирало, но прежде чем умереть, оно освятилось и увековечило себя, приняв религиозную форму, облекая свои обнаженные конечности в оленью или бычью шкуру Диониса. В точно таком же духе христианство среди негров Южных Штатов было вынуждено набрасывать свой покров на то, что раса не может отбросить. Оргии превратились в лагерные собрания; танец вуду освящен как "прыжок в Иерусалим". В Англии примитивный импульс лишь изредка проявляется на "пробуждениях". Этот оргиастический импульс, импульс фетишистских танцев австралийских корробори и чероки, а также самих "танцующих дервишей", иногда овладевает девушками в современной Греции. Они танцуют до смерти на холмах, и крестьяне говорят, что они стали жертвами Нереид. В старом классическом мире их приветствовали бы как кормилиц и спутниц Диониса, а их болезнь была бы освящена религией. Божеством этой религии был "быкорогий", "поедающий быков", "каннибал" Дионис; и он был утончен до юноши с желтыми кудрями, сонными глазами и улыбающимися губами, девического юноши из творчества Праксителя. Итак, мы видим его на сохранившихся статуях и, увидев его, забываем о его ужасных обрядах и о его преемственности обрядам коз, оленей и быков.

АФИНА.

Среди божеств, происхождение которых искали в олицетворении стихийных явлений, Афина примечательна. Пожалуй, ни одна божественная фигура не вызвала более разнообразных спекуляций. Изучение ее легенды ценно скорее из-за разнообразия мнений, которые она иллюстрирует, чем из-за какого-либо реального вклада в реальные знания, которые она дает. Мы мало что можем узнать, если вообще что-либо можем, о возникновении и развитии концепции Афины. Ее местные мифы и *таинства* кажутся в целом менее варварскими, чем мифы многих других олимпийцев. Но при сравнении догадок ученых один урок вырисовывается

с поразительной ясностью. Как показывает это сравнение, наиболее опасно догадываться о происхождении какого-либо бога в природных явлениях, а затем объяснять детали легенды о боге исключительно ссылкой на это воображаемое стихийное происхождение.

Как обычно, древнейшие литературные упоминания об Афине встречаются в *Илиаде* и *Одиссее*. Было бы излишним собирать и сравнивать тексты, столь многочисленные и столь знакомые. Афина появляется в *"Илиаде"* как воинственная дева, дочь Зевса и, по-видимому, одного Зевса без пары женского пола.*

* *"Илиада"*, ст. 875, 880. Об этом прямо говорится в гомеровском гимне Аполлону, где говорится, что Афина родилась из головы Зевса (Пиндар, Олимпийские оды, vii.).

Она покровительница доблести и вдохновительница советов; она останавливает руку Ахилла, когда его меч наполовину вынимается из ножен в ссоре с Агамемноном; она постоянный спутник и защитник Одиссея; и хотя ей поклоняются в цитадели Трои, она верна делу ахейцев. Иногда о ней сообщается, что она принимала облик различных птиц; морская птица и ласточка входят в число ее метаморфоз; и она могла принимать облик любого мужчины, какого ей заблагорассудится; например, Деифоба.* Часто наблюдалось, что среди низших рас боги обычно являются в образе животных. "Entre ces facultes qui possèdent les immortels, l'une des plus frappantes est celle de se metamorphoser, de prendre des apparences non seulement animales, mais encore de se transformer en objects inanimés".** Этой способности, унаследованной от дикой стадии мышления, Афина уделяет должное внимание даже у Гомера. Но почти во всех других отношениях она свободна от наследия варварства и вполне может рассматриваться как идеальный представитель мудрости, доблести и мужественности в мужчине, чистоты, отваги и благородства в женщине, как в феакийской деве Навсике.

* *Илиада*, xxii. 227, xvii. 351, Од. iii. 372. v. 353; *Илиада*, vii. 59.

** Мори, *Греческая религия*, i. 256.

У Гесиода, как уже было показано, миф о рождении Афины сохраняет старую варварскую печать. Особенностью поэмы Гесиода является сохранение тех самых черт религиозного повествования, которыми пренебрегает Гомер. Согласно Гесиоду, Зевс, младший ребенок пожирающего детей Крона, женился на Метиде после того, как победил и изгнал своего отца. Теперь Метис, как и другие боги и богини, обладала способностью принимать любой облик, какой ей заблагорассудится. Ее муж узнал, что ее ребенок — поскольку она была беременна — будет более великим, чем его отец, как в случае с ребенком Фетиды. Поэтому Зевс убедил Метиду превратиться в муху. Как только метаморфоза завершилась, он проглотил муху и сам произвел на свет дитя Метиды из своей головы.* Более поздние философы объясняли этот миф различными метафизическими интерпретациями, в которых говорится, что бог содержит все в себе и, опять же, воспроизводит это. Любые подобные идеи, должно быть, были чужды создателям сказки, которая, как мы показали, имеет множество аналогов среди низших и наименее платонических рас. *** К. О. Мюллер правдоподобно замечает, что "фигура глотания используется в подражание еще более древним легендам", таким как легенды Африки и Австралии. Это оставляет ему свободу выдумывать философское объяснение мифа, основанное на слове Metis. **** Мы можем согласиться с Мюллером в том, что "миф о ласточке"

чрезвычайно архаичен по своему характеру, поскольку он так распространен среди отсталых рас. Однако что касается точного объема философских размышлений и аллегорий, которые присутствовали в сознании поэта-космогоника, когда он использовал Метиду как имя существа, способного превращаться в муху и таким образом быть проглоченной своим мужем, то об этом невозможно говорить с уверенностью. Весьма вероятно, поэт хотел вложить моральный и умозрительный смысл в варварский язык, сохранившийся в религиозной традиции.

К рождению Афины из головы ее отца нет недостатка в диких параллелях. В легендах Южной части Тихого океана, особенно Мангайи, говорится, что Тангароа родился из головы Папы.(v)

* Гесиод, Theog., 886, и Схолиаст

** Лобек, i. 613, примечание 2.

*** См. миф о Кроносе.

**** Продолжение. Англ. пер., стр. 308.

(v) Джилл, Мифы и песни, стр. 10.

В "*Вафтрудизме*" (31) девушка и ребенок мужского пола рождаются из подмышек первобытного гигантского существа. Замечания Лукиана о чудесном рождении уже цитировались.*

Взяв это мифическое рождение за отправную точку и полагаясь на свои частные интерпретации имени богини, ее таинства и ее действий в других частях легенды, современные мифологи построили свои различные теории. Афина то олицетворяет мудрость, то рассвет, то воздух или эфир, то молнию, вылетающую из грозовой тучи; и если в ней не признали луну, то это не из-за отсутствия возможности. ** Эти объяснения основаны на привычке приводить каждую деталь божественной легенды в соответствие с аспектами определенных природных и элементарных сил, или они опираются на этимологическую гипотезу. Например, Велкер*** утверждает, что Афина - "женское олицетворение верхнего мира, дочь Зевса, обитателя эфира". Ее имя Тритогефия происходит **** от древнего слова, обозначающего воду, которая, как и огонь, берет свое начало в эфире.(v) Велкер использует в богослужении титул богини "Главкопис", "серо-зеленоглазая". The heaven in Attica oft ebenfalls wunderbar grun ist.(v)*

* Ср. Дионис.

** Велкер, i. 305.

*** Griechische Gotterlehre, Gottingen, 1857, i. 303.

**** Указ. соч., 311.

(v) Сами древние сомневались, является ли Трито

было ли это название реки или просто так, или же предназначалось ли критское для головы. См. "Одиссею", "Мясника и Ланга", примечание 10, стр. 415.

(v)* Указ. соч., i. 303.

Более того, в Метоне был храм Афины Ветров (Анемотиды), что было бы лучшим аргументом, если бы не было также храмов Афины Тропинки, Афины Плюща, Афины Скалы, Афины Рыночной площади, Афины Трубы и так далее. Более того, оливковое дерево является одним из священных растений Афины. Почему это должно быть так? Очевидно, думает Велкер, потому что оливковое масло дает свет от лампы, а свет также исходит от эфира. * Афина также дарует Телемаху попутный ветер в *"Одиссее"*, и хотя любая лапландская ведьма могла бы сделать то же самое, это относится к ней как к богине воздуха. **

* Указ. соч., i. 318.

** *"Королева воздуха" мистера Раскина* полна подобной изобретательности.

Оставив Велкера, у которого есть множество столь же правдоподобных доказательств, и обратившись к мистеру Макс Мюллеру, мы узнаем, что Афина была рассветом. Эта теория основана на вере в то, что Афина = Ахана, что г-н Макс Мюллер считает санскритским словом, обозначающим рассвет. "Фонетически нельзя сказать ни слова против Ахана = Афина, и то, что утренний свет предлагает наилучшую отправную точку для последующего роста Афины, было доказано, я полагаю, вне всяких сомнений или даже придилок". Г-н Мюллер добавляет, что "ничего действительно важного нельзя было выдвинуть против моего уравнения Ахана = Афина".

В нашу компетенцию не входит выбирать между предположениями соперничающих этимологов или высказываться об их относительных достоинствах. Но нельзя ожидать, что ученые-филологи убедят мир до того, как они убедят друг друга. Г-н Макс Мюллер не убедил Бенфи, который предложил другую этимологию Афины, как женского рода зендского *Thrætana athwyana*, этимологию, о которой г-н Мюллер замечает, что "тот, кто возьмет на себя труд изучить ее фонетическую основу, будет вынужден со всей честностью признать, что она несостоятельна".* Между тем Куртиус ** не за Ахану, Санскрит и мистера Макса Мюллера, равно как и за Бенфея и Зенда. Он производит *Athene* от корня *aio*, откуда, возможно, происходит *Athene*, "цветущая" = дева. Преллер, опять же,*** находит источник имени Афина в *aio*, откуда *aion*, "воздух" или "цветок". Он не считает этимологии достоверными, хотя и соглашается с Велкером в том, что Афина - это явная вершина эфира.

Очевидно, что ни от кого нельзя ожидать принятия на веру этимологического решения, которое отвергается филологами. Более модной теорией на данный момент является теория, поддерживаемая некоторое время назад Лауэром и Шварцем, а теперь Фуртвенглером в "Словаре Рошера", согласно которой Афина - это "богиня облаков" или богиня молнии, исходящей из облаков. *** Поскольку молния в мифологии часто является змеей, и поскольку у Афины был свой священный змей, "которым мог быть Эрхтоний", (v)

Деятнадцатый век, октябрь 1885 г., стр. 636, 639.

** Гр. И др., англ., пер., i. 300.

*** Преллер, i. 161.

**** Cf. Lauer, *System der Oriesch. Myth.*, Berlin, 1853, p. 220; Schwartz *Ursprung der Mythol.*, Berlin, 1863, p. 38.

(v) Paus., xxiv. 7.

Шварц предполагает, что змей - это молния, а Афина - облако. Фуртвенглер составил длинный список не менее убедительных причин для отождествления Афины с молнией и грозовой тучей, и он заслуживает некоторого внимания. Этот отрывок превосходно иллюстрирует ошибку принятия поэтических деталей у таких поздних авторов, как Пиндар, за пережитки абсолютной первоначальной формы элементарного мифа.

Фуртвенглер находит подтверждение своего мнения о том, что Афина изначально была богиней грозовой тучи и бьющей из нее молнии в олимпийской оде. * "Благодаря искусству Гефеста под бронзовым топором, торчащим из макушки ее отца, Афина устремилась к свету и громко издала пронзительный крик, и небеса содрогнулись при ее появлении, а земля - мать". "Крик", который она издала, - это раскат грома; копье, которое она несла, - это молния; эгис, или козлиная шкура, которую она носила, снова является облаком, хотя облако только что было головой Зевса.** Еще одним доказательством связи Афины со штормом является чудо, которое она творит, когда зажигает пламя, вылетающее из головы Диомеда или Ахиллеса, *** или срывающееся с неба подобно метеору. **** Еще одним аргументом является то, что на некоторых монетах изображены молнии Зевса. Опять же, как Афина-Трубач, она связана с раскатом грома, хотя кажется более рациональным объяснить ее предполагаемое изобретение военного инструмента простым фактом, что она воинственная богиня. Но Фуртвенглер объясняет ее боевые качества качествами богини грома, в то время как Преллеру так же легко объяснить ее моральный облик как богини мудрости ее стихийным характером как богини вовсе не облака, а ясного неба.(v)

* Ода, vii. 35, Майерс.

** Ср. Шварц. Уршпрунг и др., стр. 68, 83.

*** Илиада, ст. 7,18,203.

**** Там же, iv. 74.

(v) Преллер, i. 183.

"Наконец, как богиня небесной ясности, она также является богиней духовной ясности". Опять же, "Как богиня безоблачного неба, она также является богиней здоровья"*, не могло быть более поучительных примеров легкомысленности предположений, чем эти, в которых два ученых интерпретируют миф с одинаковой легкостью и свободой, хотя и исходят из диаметрально противоположных концепций. Пусть Афина будет молнией и тучей, и Фуртвенглеру все ясно. Пусть Афина будет безоблачным небом, и Преллер не столкнется с

трудностями. Образ Афины как богини женского труда, так и мужского, Афины Эргане, становится понятен Фуртвенглеру, когда он думает о *ворсистых* облаках. Вероятно, считается, что богиня бури, когда она не гремит, ткет шерсть в верхних слоях воздуха. Отсюда и миф о том, что Арахна когда-то была женщиной, превращенной Афиной в паука, потому что та соревновалась с ней в прядении. **

Преллер, i. 179.

** Овидий, *Метаморф.*, vi. 5-146.

Метаморфоза Арахны - всего лишь один из полушутливых этиологических мифов, примеры которых мы видели по всему миру. Паук, как и ласточка, соловей, дельфин, лягушка, когда-то был человеком, превращенным разгневанным божеством. Как Преллер делает Афины богиней мудрости, потому что она богиня ясности неба, так и Фуртвенглер черпает свои интеллектуальные качества из своего умения плести облака. Изучать эти и подобные упражнения на легкую изобретательность утомительно и невыгодно. Нет никаких доказательств того, что Афина вообще когда-либо была богиней природы, а если и была, то нет ничего, что указывало бы на то, каков был ее отдел природы. Когда мы встречаем ее у Гомера, она является покровительницей морального и физического совершенства мужчины и женщины. Мужскую добродетель она олицетворяет в своем воинственном облике, вооруженной и воинственной служанки Зевса; женское совершенство она защищает в качестве *Эргане*, труженицы. Она спутница и хранительница Персея не меньше, чем Одиссея.*

Священными животными Афины были сова, змея (которая сопровождает ее изображение в Афинах и является формой ее приемного ребенка Эрехтея), петух ** и ворона. *** Вероятно, она имела какое-то отношение к козлу, которого, возможно, не приносили в жертву в ее храме на Акрополе, где ее поселил Эгей ("человек-козел"?). В искусстве она носит козью шкуру, *эгис*, но обычно это рассматривается как другой тип грозовой тучи.****

* Пиндар, *Олимп.*, х в. н. э., Джин.

** Паус., vi. 262.

*** Там же, iv. 34, 6.

**** Рошер в своем "Лексиконе", С.В. *эгис*, со своими аргументами там. Сравните, по этому поводу Афины как богиню козьего стада. Робертсон Смит о "Жертвоприношении" в Энциклопедии. Брит. Афродита.

Первый персонаж Афины безупречен в сюжете, несмотря на жестокую любовь Гефеста. Эта характеристика, возможно, является еще одним доказательством того, что она не была по своему происхождению и не стала в умах мужчин одним из любовных божеств природных явлений. В любом случае, полезно сохранять скептическое отношение к объяснениям ее мифа, которые сходятся только в стремлении любой ценой сделать Афины "силой природы" и которые разрушительно отличаются друг от друга в том, была ли она рассветом, бурей или ясным небом. Там, где мнения так радикально разделены и так слабо поддерживаются, прекращение веры естественно и необходимо.

Ни один политеизм, вероятно, не обходится без богини любви, а любовь - главная, если не изначальная, сфера деятельности Афродиты на греческом Олимпе. В *"Илиаде"* и *"Одиссее"*, а также в Гомеровском гимне она уже является королевой желаний, обладающей красотой и мягкостью женщины, любящей смех. Ее цестус, или пояс, содержит в себе всю магию страсти, и им пользуется даже Гера, когда хочет завоевать своего непостоянного повелителя. Она возмущает общество богов своими знаменитыми любовными похождениями с Аресом, обманывая своего мужа, Гефеста, владыку огня; и она даже склоняется к объятиям смертных, как, например, Анхиза. В гомеровских поэмах очарование "Золотой Афродиты" не мешает певице намекать на тихое презрение к ее мягкости и роскоши. Но в этой древнейшей греческой литературе богиня уже полностью греческая, и более поздние эпохи не внесли каких-либо существенных изменений в ее характер. О ее рождении Гомер и Гесиод рассказывают по-разному; ибо, хотя Гомер называет ее дочерью Зевса, Гесиод предпочитает, как обычно, более отталкивающую и, вероятно, более старую историю, в которой рассказывается, как она возникла из морской пены и изуродованных частей тела Крона.*

* Илиада, т. 312; Теог., 188-206.

Но даже в мифе Гесиода примечательно, что рожденная из пены богиня впервые высадилась на Кифере, или снова "родилась на омываемом волнами Кипре". Ее древние названия — Кипрская и Кифереанская — с ее любимыми местами в Пафосе, Идалии и финикийском поселении Эрикс на Сицилии в сочетании с историческими традициями показывают, что греческая Афродита имела, в некоторой степени, восточный характер и происхождение. Вполне вероятно, или, скорее, несомненно, что даже без иностранного влияния политеизм Греции должен был развить божество любви, как это произошло с мексиканским и скандинавским политеизмами. Но столь же несомненно, что часть культа и элементы мифа об Афродите заимствованы из ритуалов и легенд о восточной царице небес, которой поклонялись от древнего Вавилона до Кипра и на многих других побережьях и островах греческих морей. Сами греки признавали азиатское влияние. Павсаний говорит о храме небесной Афродиты в Кифере как о самом святом и древнем из всех ее святилищ у эллинов.* Геродот, опять же, называет храм богини в филистимском Аскалоне "древнейшим из всех и местом, откуда поклонение ей перешло на Кипр", как говорят киприоты, а финикийцы установили его в Кифере, будучи сами эмигрантами из Сирии. Семитский элемент в этой греческой богине и ее культе в первую очередь требует внимания.

У семитских рас, с богиней любви которых Афродитой была связана такая связь, божество имело много имен. Она считалась одновременно покровительницей луны и плодородия растений, животных и женщин. У финикийцев ее титул Астарты, у ассирийцев она была Истар; у сирийцев - Ашера; в Вавилоне - Милитта. ** Обычными обычаями в ритуалах восточных и западных богинь были распущенность храмовых девушек, жертвоприношения животных, считавшихся особенно любовными (воробьев, голубей, козлов), и, прежде всего, праздники и посты в честь Адониса.

* Paus., Hi. 28, 1.

** So Roscher, *Ausfuhr. Lexik.*, pp. 391, 647. См. также Астарту, стр. 656.

Едва ли может быть сомнение в том, что Адонис — молодой охотник, возлюбленный Афродитой, убитый кабаном и оплакиваемый своей любовницей, — является символом молодого сезона, *ренуво*, и весенней растительности, погубленной сильной жарой и проводящей остаток года в подземном мире. Адонис уже был известен Гесиоду, который назвал его, с очевидным смыслом, сыном *Феникса* и *Алфесибеи*, в то время как *Павсаний* с таким же значением приписывал ему *ассирийское* происхождение.* Имя Адонис, очевидно, является формой финикийского *Adon*, "Господь". Природа поклонения ему у греков наиболее известна по пятнадцатой идиллии *Феокрита* с ее живым изображением мертвого Адониса, лежащего в гробу, плачем по нему *Афродиты*, маленькими "садами" быстрорастущих цветов, которые олицетворяли его, и прекрасным брачным гимном в честь его воскресения и воссоединения с *Афродитой*. Подобные обряды были обычными в *Афинах*.* *Маннхардт* излагает основные моменты ритуала праздника Адониса следующим образом: Свежая растительность олицетворяется в виде прекрасного молодого человека, который в ритуале представлен своего рода идолом, а также растениями "садов Адониса". Юноша приходит весной, жених к невесте, весенний год - это их медовый месяц. В разгар лета жених ненадолго погибает и проводит зиму в стране мертвых. Оплакивают Его погребение, радуются его воскресению. Время проведения ритуала - весна и середина лета. В конце концов идола и растения бросают в море или в колодезную воду.

* *Apollod.*, *Bibliothec*, iii. 14, 4.

** *Aristoph.*, *Lysistrata*, 389; *Mannhardt*, *Feld und Wold Kultus*, ii. 276.

Союз божественных влюбленных представлен соединением мужчины и девушки узами доброго сентиментального рода — цветочными узами *Валентина*.

Восточное влияние во всех этих обрядах теперь признано; это прекрасно подтверждается как финикийскими поселениями, откуда распространилось поклонение *Афродите*, так и самим именем ее возлюбленного - источник. Но все это, вероятно, можно рассматривать не более чем как семитскую окраску ритуала и верования, которые существуют у индоевропейских народов совершенно независимо от финикийского влияния. *Маннхардт* прослеживает различные аспекты культа *Афродиты*, уже перечисленные в фольклоре немецких крестьян. Молодой любовник, весна, - это *Майкони* или *Лаубманн*; его изображение - одетый и увенчанный короной идол, или марионетка, или *Майбаум*. Фигуру бросают в воду и оплакивают в *России*, или хоронят, или сжигают с причитаниями.* Его будит и целует девушка, которая выступает в роли невесты. ** Наконец, у нас есть "майские пары", своего рода *валентинки*, объединенные в именной трот.

* i. 418; ii. 287.

** i 436.

Вероятный вывод, по-видимому, состоит в том, что ритуал Адониса выражает определенные естественные человеческие представления о весеннем году. Не исключено, что предки греков владели этими формами фольклора до их контакта с семитскими расами и заимствования ими очень заметных семитских черт в праздниках.

В остальном, озабоченность Афродиты страстью любви в мужчинах и общей продуктивностью в природе - обычное место греческой литературы.

Было бы пустой тратой места пересказывать многочисленные и знакомые басни, в которых она вызывает счастливую или злополучную привязанность у богов или смертных. Как и большинство других мифических персонажей, г-н Макс Мюллер признал Афродиту за зарю, но это предположение не было общепринятым.* Если Афродита и сохраняет какие-либо следы стихийного происхождения, то они проявляются главным образом в той части ее легенды, которая имеет ярко выраженный семитский оттенок. В остальном, хотя она, как и Гермес, в целом приносит удачу, она является признанным олицетворением страсти и королевой любви.

* Roscher, Lexikon, p. 406.

ГЕРМЕС.

Еще одно дитя Зевса, элементарное происхождение и характер которого вызывают много споров, - Гермес. Значение этого названия, по общему признанию, неясно.

Таким образом, мнения относительно стихийного происхождения Гермеса и значения его имени разделились. Его характер следует искать, как обычно, в древнем поэтическом мифе, а также в ритуале и религии. Геродот признавал свои обряды чрезвычайно древними, ибо в этом смысл его замечания *** о том, что афиняне позаимствовали их у пеласгов, которые обычно считаются доисторическими греками.

** Преллер, i. 307. Имя Гермеса связано с Велькером (Griesch. Got., i. 342) с (---), и он приводит другие примеры золического использования о для е. Сравните "Греческую этимологию" Курциуса, английский перевод, 1886, том i, стр. 420. С другой стороны, г-н Макс Мюллер (Лекции, ii. 468) считает Гермеса сыном Зари. Курциус придерживается свое мнение. Мистер Макс Мюллер признает Сарамеджаса и Гермеса божествами сумерек. Преллер (i. 309) принимает его за бога тьмы.

*** Ирод., ii. 61.

В упомянутых обрядах изображения бога были в одном примечательном моменте похожи на хорошо известные божественные изображения бушменов и острова Адмиралтейства, а также на изображения Приапа.* В Киллене, где Гермес был великим местным богом, Артемидор ** видел изображение Гермеса, которое представляло собой просто большой фаллос, а Павсаний видел тот же священный предмет, которому поклонялись с особым благоговением. *** Таким был Гермес в Элеанской области, откуда он получил свое имя Киллен. **** Он был богом "либеральных пастухов", которого представляли в самом грубом виде, возможно, как покровителя плодородия в их стадах. Очевидно, он был совсем не похож на грациозного,

стремительного посланника богов и проводника духов измученных людей, подателя удачи, повелителя многолюдной рыночной площади, учителя красноречия и поэзии, который фигурирует в литературной мифологии Греции. В его пеласгийском или киллинском облике также мало что указывает на элементарное божество мрака, сумерек или бури.(v)

* Может ли непристойная история Цицерона (De Nat. Deor., iii. 22, 56) является повторением священной главы, в которой, по словам Геродота, пеласги объясняли атрибут изображения?

** Артем., i. 45.

*** Пaus., vi. 26, 3.

**** Гомеровские гимны, iii. 2.

(v) Но смотрите Велкера, i. 343, чтобы найти связь между его именем и его пастырскими функциями.

Но был ли пастушеский Гермес пеласгов преобразован в бога-посланника Гомера, или имя и почести этого бога были даны грубому приапейскому покровителю пастухов путем введения его в олимпийский круг, кажется невозможным установить. Эти сочетания лежат далеко позади эпох Греции, известных нам по поэзии и истории. О роли бога как божества стад, как полагают, свидетельствует его любимое животное-компаньон баран, которое часто стояло рядом с ним в произведениях искусства. * В одном случае, где он изображен с бараном на плече, легенда объясняет, что, неся барана вокруг стен, он спас город Танагра от эпидемии. ** Аркадийцы также изображали его с бараном подмышкой. *** Что касается фаллической Гермы, то можно только с уверенностью сказать, что вкус афинян совпал со вкусом жителей островов Адмиралтейства в выборе такого украшения. непристойные изображения, которые будут стоять у каждой двери. Но связь Гермеса с музыкой (он был изобретателем лиры, как утверждается в гомеровском гимне) может быть объяснена музыкальным и поэтическим характером жизни древнегреческих пастухов.

Если бы мы могли отложить в сторону различные элементарные теории Гермеса, такие как штормовой ветер, сумерки, дитя зари и остальные, было бы нетрудно показать, что одна моральная концепция является общей для его характера во многих его разнообразных аспектах. Он - бог удачи, процветания, преуспевания, удачных приключений. Эта сторона его деятельности известна уже у Гомера. Он дарует удачу. **** Он - "Гермес, дарующий благодать и славу всем делам человеческим". Отсюда и происходит его гомеровское имя "Приносящий удачу". Последнюю чашу на пиру пьют в его честь "на счастье".

Павсаний, ii. 8, 4.

** О Гермесе, боге стад, см. Преллер, i. 322-325.

*** Pausanias, v. 27, 5.

**** Iliad, xiv. 491; Od. 15, 319.

Там, где мы кричим "Акции!" при удачной находке, грек воскликнул "Гермес общий!" Это была находка (---). Таким образом, среди грубых пастухов бог, приносящий удачу, проявлял свою активность главным образом в том, чтобы делать стада плодородными, но среди горожан он руководил ярмаркой и общественным собранием, где даровал удачу, а также музыкальными

состязаниями.* Именно как бог удачи Гермес держит свой "прекрасный жезл богатства, трехлистый и золотой, который отгоняет все зло" ** Таким образом, среди своих разнообразных отделов Гермес не выделял ничего лучше, чем отдел удачи, очень обширную и важную область в ранней мысли. Но пока он находится в таком отношении к людям, для богов он является вестником и посланником, а в некоторых недостойных мифах даже потворствующим и сообщником. В гомеровском гимне это дитя Зевса и Майи демонстрирует свой разносторонний характер, крадя быков Аполлона и изготавливая лиру в день своего рождения. Кражу иногда объясняют как солярный миф; сумерки крадут яркие дни бога солнца. Но он мог красть их только день за днем, в то время как Гермес забирает скот за час. ***
Фамилия Гермеса обычно связана с убийством Аргуса, сверхъестественного существа со множеством глаз, приставленного Героем следить за Ио, любовницей Зевса.***

* См. также Преллер, i. 326, примечание 3.

** Гимн, 529. Смотрите Обычай и миф "Жезл прорицания".

*** Преллер, i. 316, примечание 2; Велкер, Gr. Got, i. 338 и примечание 11.

**** Щ., пром. Победа, 568.

Гермес усыпил это существо своей музыкой и отрубил ему голову. Этот миф дает очень естественное объяснение, если Гермес - предрассветный сумрак, а Аргус - многоглазое полночное небо звезд, наблюдающее за Ио, луной. Если Гермес - это штормовой ветер, то, кажется, так же легко сказать, что он убивает Аргуса, нагоняя тучу на лик небес. В качестве быстрокрылого вестника, который в "Одиссее" пересекает огромный морской залив и едва касается перьями морской воды, Гермес может быть объяснен любым человеком с таким складом ума либо как молния, либо как ветер. Ни одна из гипотез не очень подходит к его обязанностям проводника призраков, которых он ведет по темным тропам своим золотым жезлом.* В этом качестве он и призраки были удостоены чести на афинском дне поминовения усопших в феврале.**

Таковы главные мифические аспекты Гермеса. У него много функций; общей для всех них является способность приводить все к счастливому концу. Это сходство с сумерками, "которые приносят всем благо", как пела Сафо, может понравиться толкователям, которые видят в Гермесе олицетворение сумерек. О том, как изобретательно и даже красиво можно разработать эту теорию сумерек и использовать ее для объяснения всей деятельности Гермеса, можно прочитать в эссе Поля де Сен-Виктора. *** Что такое рассвет? Переход из ночи в день. Следовательно, Гермес - бог всех таких быстрых переходов, сочетаний, изменений. Посланник богов, он порхает перед ними, небесный посол к смертным. Два легких крыла трепещут на его округлой шапочке, *небесный свод в малом....*

* Одиссея, xxiv. 1-14.

** Преллер, i. 330, и посмотрите примечания к отрывку. Церемонии также напоминали Всемирный потоп.

Дороги пересекаются, сходятся и увеличивают количество встреч людей; поэтому Гермес, непрерывный путешественник, является их защитным гением.... Кто должен вести призраков по темным путям, как не божество сумерек; иногда он занимался любовью с прекрасными призрачными девушками, которых сопровождал. Так легко интерпретировать все функции бога как отражения стихийных явлений. Происхождение Гермеса остается неясным, но в своем поэтическом облике он является одним из самых красивых и человеческих божеств. Он мало общается с животными; мы не находим его со многими животными-компаньонами, как у Аполлона, и не обожяемого, как Дионис, с ритуалом, в котором присутствуют остатки поклонения животным. Темные стороны его древнейших фаллических форм остаются неясными в его легендах, скрытые прекрасными фантазиями, как старая деревянная фаллическая фигура, дар Кекропса, которую Павсаний видел в Афинах, была покрыта миртовыми ветвями. Хотя иногда в искусстве его изображают с бородой, он остается в воображении таким, каким встретил его Одиссей, "Гермесом с золотым жезлом, похожим на юношу, с первым пушком на щеках, когда юность прекраснее всего".

ДЕМЕТРА.

Фигура Деметры, *mater dolorosa* язычества, скорбящей матери, сидящей на камне плача, является самой трогательной в греческой мифологии. Прекрасная мраморная статуя, найденная мистером Ньютоном в Книдосе, а ныне находящаяся в Британском музее, обладает чувствами и выражением Мадонны. Нигде в древней религии человеческая любовь, сожаление, надежда и *желание*, или тоскливое томление, не были представлены так ясно, как в мифе и ритуале Деметры. Она разлучена со своей дочерью Персефоной, которая уходит к мертвым, но они возвращаются друг к другу в радости весеннего обновления. Мистерии Элевсина, которые представляли эти события в виде спектакля чудес, несомненно, понимались Платоном, Пиндаром и Эсхилом как имеющие мистическое и патетическое значение. Они затмевали утешения, которые душа воображала для себя, и давали обещание обновленного и безмятежного существования в обществе всех, кто был дорог на земле. И все же Аристофан в "*Лягушках*" отваживается даже здесь вставить свою шутку и заставляет Ксантия намекнуть, что мист, посвященный, "пахнет жареным поросенком". Несомненно, они торжественно приносили в жертву и, вероятно, вкушали мясо свиньи, священного животного Деметры, чьи кости вместе с глиняными или мраморными *статуэтками*, его изображающими, найдены в священной земле ее храмов. Таким образом, даже в мистерии Деметры гротескной проявляется элемент варварства, и он часто заявляет о себе в ее легенде и в ее ритуале.

Научное изучение Деметры должно быть направлено на то, чтобы разделить два основных фактора в ее мифе и культе и отделить их друг от друга. Для этой цели необходимо изучить развитие культа, насколько это возможно проследить.

Что касается имени богини, то на этот раз есть согласие и даже определенность. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что Деметра греческого происхождения и означает *мать-земля или земля-мать*.*

* Велкер, Орич. QML, i. 385-387; Преллер, i. 618, примечание 2; Мори, Рел. де Грд, Л. 69. Очевидно, "А" по-албански все еще означает землю; Макс Мюллер, Избранные очерки, ii. 428.

Вот его мифологическая панацея. Маннхардт полностью поддерживает "Кукурузу-мать", поскольку в кукурузе нет ничего специфически эллинского или арийского в поклонении земле. Сравнительное изучение культа земли доказало бы, что он был очень широко распространен даже среди неевропейских племен. Культ Деметры, однако, достаточно отличается от мифа о Геи, Земле, рассматриваемой в сочетании с Небом как прародительница богов. Деметра - это скорее плодородная почва, рассматриваемая как личность, чем древняя Титаническая бесформенная земля, олицетворяемая как Гея. Понимаемая таким образом как приемная мать жизни, земля почитается в Америке шауни и потаватоми как *Ме-мек-кум-мик-о-кви*, "мать земли". Будет показано, что эта богиня случайно появляется в легенде Потаватоми, которая является всего лишь дикой версией священной истории Элевсина. * Тацит обнаружил, что в Германии матери Герте поклонялись с помощью обрядов, настолько таинственных, что принимавшие в них участие рабы были утоплены. "От чего возникает тайный ужас и святое неведение, что это такое, что видят только те, кто погибает". ** Любопытно, что в фольклоре Европы вплоть до нынешнего столетия приношения пищи в землю *закапывались* в Германии и цыганами; ибо тот же обряд практикуется потаватоми.***

* Сравните Мори, "Религии Греции", i. 72.

** Германия, 40, перевод 1622 года.

*** Сравните Тайлора, Prim. Cult, ii. 273, с отцом Де Сметом, Oregon Missions, Нью-Йорк, 1847, стр. 351.

Мексиканская Деметра Сентеотль хорошо известна, и рассказ Акосты о религиозных церемониях, связанных со сбором урожая в Мексике и Перу, можно почти принять за описание греческой *Эрезиионе*. Бог земледелия у жителей островов Тонга имеет одно очень любопытное сходство с Деметрой. В "Илиаде" (ст. 505) мы читаем, что Деметра руководит обмахиванием зерна. "Подобно тому, как ветер разносит мякину по священным гумнам, когда люди веют, в это время золотая Деметра в порыве ветра отделяет зерно от мякины"..... Теперь имя "бога ветра и погоды, дождя, урожая и растительности в целом" на островах Тонга - Ало-Ало, буквально "обмахивать".* Это напоминает стихотворение Исааха Дю Белле "Веялкам кукурузы". Таким образом, из всех этих широко распространенных примеров становится очевидным, что идея божественности земли, считающейся матерью плодов и способной

приносить добро или вред во время сбора урожая, отнюдь не является чем-то особенным для Греции или арийских народов. Из-за своего могущества в этой области сельского хозяйства греческую богиню называли "богиней богатых гумнов", "ворохами кукурузы", "колосьями кукурузы в колосе", "домом урожая", "снопами", "прекрасными плодами", "прекрасными дарами" и так далее. **

* Морские *острова Тонга*, 1827, ii. 107. Аттические обряды могут быть изучены в Mannhardt, Wald und Feld Qultus, it 312, а также в ацтекских и перуанских обрядах сбора урожая аналогичного характера в обычаях и мифах, стр. 17-20. Смотрите также Prim. Quit., ii. 306, для других примеров.

** Велкер, ii, 468-470, сборник таких названий.

Таким образом, в популярной греческой религии Деметра в основном считалась божеством земли во время посева и сбора урожая. Возможно, ни одному из богов не поклонялись в стольких разных городах и деревнях и не было такого большого количества святилищ и деревенских часовен. В "*Золотом осле*" Апулея есть приятная картина такой часовни с ее сельским беспорядком. Психея в своих поисках Купидона "пришла в храм и вошла внутрь, и вот, она увидела снопы кукурузы, лежащие на куче, стебли с увядшими гирляндами и стебли ячменя. Более того, она увидела крюки, косы, серпы и другие орудия для жатвы, но каждая вещь лежала не в порядке и как бы была отлита руками рабочих; когда Психея увидела это, она собрала и привела все в порядок". Короче говоря, часовня Деметры представляла собой склад инструментов, украшенный, возможно, какой-нибудь грубой статуей и маленьким алтарем. В каждой деревне, возможно, на каждой вилле, было бы какое-нибудь подобное святилище.

За этими обрядами, а также за домами для сбора урожая и обрядами - наполовину ритуалами, наполовину народными преданиями, — которые, как ожидалось, обеспечивали плодородие посеянных семян, в умах жрецов и в тайниках святилищ таились определенные мистические и тайные практики поклонения. В этих мистериях Деметре, несомненно, поклонялись в ее *хтоническом* облике богини земли, могущественной над теми, кто похоронен у нее на груди, над смертью и мертвыми. Более того, в этих скрытых тайнах ее культа сохранились древние легенды обычного уродливого толка, рассказы об амурах богини в зверином обличье. Среди таких обрядов Павсаний упоминает в "*Гермионе из Дриопийской Арголиды*" *праздник* хтонической Деметры, летний праздник. Процессия мужчин, женщин, мальчиков и священников подтащила сопротивляющуюся телку к дверям храма и швырнула ее внутрь не связанной. Внутри храма ее зарезали четыре старухи, вооруженные серпами. Затем двери открылись, и старухи загнали внутрь вторую и третью телку, которых зарезали. "Это чудо сопровождает жертвоприношение, когда все телки падают с той же стороны, что и первая, которая была заклана". Остается несколько нераскрытых. "Ни я, ни какой-либо другой мужчина, ни туземец, ни иностранец, не знаю, чему они особенно поклоняются, но только древние женщины, участвовавшие в обряде". * В Аркадии находился храм Деметры, жрецы которого хвастались связью с Элевсисом и утверждали, что совершают мистерии в элевсинской манере. Здесь стояли два больших камня, а над ними еще один, вероятно (если мы можем догадаться), доисторический дольмен. Внутри дольмена, который был настолько почитаем, что соседи приносили на нем свою главную клятву, хранились определенные священные писания. Раз в год их читал вслух посвященным жрец, который закрывал свое лицо маской Деметры. В то же время он бил по земле жезлами и призывал народ под землей. Точно такая же практика - удары палками по земле - используется теми, кто консультируется с прорицателями среди зулусов.**

Зулусская женщина, обладающая духом прорицания, говорит: "Ударь по земле для них" (духов). "Видишь, они говорят, что ты пришел спросить о чем-то". Обычай носить маску божества, которому поклоняются, распространен в религиях поклонения животным в Египте, Мексике, странах Южных морей и в других местах. Мы видели, что ацтекский священнослужитель носил маску, сделанную из кожи бедра человеческой жертвы. Была ли эта аркадская Деметра изображена с головой зверя, неизвестно; в Фигалии у нее была голова кобылы. Одним из общих моментов между этой Деметрой Фенеатской и элевсинской является ее *табу* на бобы, которые являются столь странно мистическим овощем в греческих и римских ритуалах.***

* Paus., li. 86.

** Каллауэй, Изиньянга Зоквбула, стр. 362

*** Подборку отрывков смотрите в Aglaophamus, 251-254.

Черная Деметра фигалийцев в Аркадии была еще одной наиболее архаичной формой богини. В Фигалии миф о гневе и примирении богини приобрел жестокий и непривычный аспект. Общеизвестная легенда гласит, что Деметра опечалилась из-за того, что Аид *просветил* ее дочь Персефону. Фигалийцы добавили еще одну причину: странствующая Деметра приняла облик кобылы, и Посейдон яростно добивался ее расположения в облике жеребца.*

Та же история была рассказана о Кроносе и Филуре, об Агни и корове в "*Сатапатха Брахмане*" (английский перевод, i. 326), о Саранью, дочери Тваштри, которая "сбежала в облике кобылы". Вишвасват подобным же образом принял облик лошади и последовал за ней. Из их общения выскочили два Ашвина. См. Муир, санскритские тексты, ст. 227, или *Ригведа*, х. 17, 1. Здесь мы касаемся очень любопытного момента. Эриннис была аркадским прозвищем Деметры, на которой женились как на кобыле (Paus., viii. 25). Итак, мистер Макс Мюллер говорит, что "Эриннис - это ведическая Саранью, Заря", и мы видели, что за Деметрой Эриннис и Саранью ухаживали и завоевали в образе кобыл (Избранные очерки, i. 401, 492-622). Любопытно, что, имея в руках такое ценное доказательство, как обычная скотская любовь Саранью и Эриннис Деметер, мистер Макс Мюллер не приводит его. Скандинавская любовь Локи к лошадям также всплывает в памяти. Любовь Праджапати к оленю известна среди брахманов. Если Саранью= Эриннис, а обе= Заря, то миф о рассвете был перенесен в легенду о Деметре, которую, возможно, никто не назовет богиней рассвета. Шварц, как обычно, превращает миф в миф о грозе, а Деметру - в богиню бурь (Ursprung der Myth., стр. 164).

Богиня, разгневанная этим безобразием, облачилась в черные траурные одежды и, по словам фигалийцев, удалилась в пещеру, и плоды земли погибли. Зевс узнал от Пана место убежища Деметры и послал к ней Моэров, или Судеб, которые убедили ее умерить свой гнев. Пещера стала ее святым местом, и там был установлен древний деревянный *хоанон*, или идол, изображающий богиню в виде женщины с головой и гривой кобылы, в память о ее невольном увлечении этим обликом. Змеи и другие существа обвивались вокруг ее головы, а в одной руке, по непонятной мистической причине, она держала дельфина, в другой - голубя. Деревянное изваяние было уничтожено огнем, и на фигалийцев обрушились бедствия. Затем Онатаса наняли для изготовления бронзовой статуи, подобной древнему идолу, устройство которой

было открыто ему во сне. Эта реставрация была произведена примерно во время Персидской войны. Жертвами, приносимыми этой Деметре, были фрукты, виноград, мед и необработанная шерсть; отсюда ясно, что черная богиня была истинной матерью-землей и получала плоды земли и стадо. Изображение Онатаса таинственным образом исчезло еще до правления Павсания.*

* Паус., viii. 42. Сравните viii. 25, 4, о коне Арионе, которого Деметра родила Посейдону.

Даже в своем грубом аркадском облике Деметра - богиня земных плодов. Вполне вероятно, что ее наиболее архаичная форма сохранилась из "пеласгийских" глин в отдаленных горных районах. Действительно, Геродот, отмечая сходство между осиринскими мистериями в Египте и тесмофориями Деметры в Греции, смело утверждает, что тесмофории были египетскими и были привезены пеласгам из Египта (ii. 171). Пеласги были изгнаны с Пелопоннеса дорийцами, а аркадийцы, которые не были изгнаны, сохранили обряды. Поскольку пеласги также надолго задержались в Аттике, Геродот признал тесмофорию египетской по происхождению. На современном языке эта теория означает, что Тесмофория считалась ритуалом доисторической древности, более древним, чем вторжение дорийцев. Геродот, естественно, объяснял сходство в мифах и ритуалах далеких народов результатом заимствования, обычно из Египта, идеи, возрожденной М. Фукартом. Однако эти аналогии чаще всего возникают в результате выработки сходных мыслей, которые представляются умам, находящимся в сходном положении. "Мистерии Деметры" предлагают превосходный образец этого процесса. В то время как греки, еще не объединенные в города, жили в деревенских поселениях, в каждой деревне были свои праздники, мистерии и "лечебные танцы", как говорят краснокожие индейцы, соответствующие времени посева и сбора урожая. По разным причинам некоторые из этих местных обрядов приобрели большое значение в развитии греческой цивилизации. Элевсинские представления, например, были приняты в государственный ритуал знаменитого города Афин и, наконец, приобрели национальный статус, будучи открытыми для всех эллинов, не лишенных квалификации. При таком развитии событий старый местный ритуал умилоствления Деметры, для обеспечения плодородия посеянного семени и для ублажения умерших предков был включен в государственную религию и видоизменен за счет продвижения идей религии и морали. Но местная афинская мистерия Тесмофории, вероятно, сохранила больше своей примитивной формы и назначения.

Тесмофория была праздником посева семян, и женщины поклонялись Деметре как покровительнице человеческого, а также вселенского плодородия. Таким образом, в обряды был внесен определенный элемент веселья и распушенности, свидетелями которых не должны были быть мужчины.

Деметрой Тесмофории была та, кто ввела и покровительствовала (---) браку, как Гомер говорит об Одиссее и Пенелопе. * Что делалось в Тесмофории, Геродот не счел нужным рассказывать. Схолиаст, изучавший "*Диалоги куртизанок*" Лукиана, раскрыл этот секрет гораздо позже. Он повторяет историю о свинопасе Эвбулее, чьи свиньи были поглощены землей, когда она разверзлась, чтобы принять Аида и Персефону. В честь и в память об Эвбулее свиньи были брошены в пещеру Деметры. Затем несколько женщин принесли разлагающееся мясо мертвых свиней и положили его на алтарь. Считалось, что смешивание этой мякоти с семенами кукурузы обеспечивало обильный урожай. Хотя обряд носит магический характер, возможно,

разлагающаяся плоть могла бы действовать как навоз и принести реальную пользу фермеру. Впоследствии изображения свиней, подобные тем, которые мистер Ньютон нашел в яме на священном участке Деметры в Книдосе, были восстановлены на том месте, откуда было взято мясо. Считалось, что эта практика делает брак плодотворным; ее достоинства были как для мужа, так и для земледельца. ** Однако афиняне получили этот обряд, независимо от того, развили ли они его или адаптировали у какого-нибудь "пеласга" или другого доисторического народа, аналогичные обычаи встречаются у кхондов в Индии и пауни в Америке. Кхонды приносят в жертву свинью и человека, пауни - девушку из чужеземного племени.

* Odyssey, xxiii. 295.

* Ньютон, Хьюликарн., лист iv. стр. 331, 371-391.

Кусочки мякоти не смешивают с семенами кукурузы, а закапывают на границах полей.* Таким образом, древний, возможно, "пеласгийский" ритуал Деметры имел свои дикие черты и свои дикарские аналоги. Еще более примечательной является пауни-версия, как мы можем ее назвать, "Элевсинии". Любопытно, что в красноиндийском мифе, который напоминает миф о Деметре и Персефоне, не рассказывается о Ме-сук-кум-мик-о-кви, красноиндийской Матери-Земле, которой делаются подношения, ценные предметы закапываются для нее в медные котлы.** Американская сказка связана с легендой о Манабожо и его брате Чибиабосе, а не с легендой о Матери-Земле и ее дочери, если в Америке у нее была дочь.

Рассказ о тайнах пауни и их происхождении стоит процитировать полностью, поскольку это одно из самых замечательных мифических совпадений. Если мы отказываемся верить, что отец Де Смет придумал эту историю просто для того, чтобы ввести в заблуждение мифологов, мы должны, по-видимому, предположить, что совпадения обусловлены сходной работой человеческого разума в Прериях, как и в Элевсине. Сначала мы приведем версию краснокожих индейцев. Она была доверена Де Смету, как часть общей традиции пауни, старым вождем, и впервые была опубликована Де Сметом в его *Орегонской миссии**** Таннер говорит об этой легенде как о легенде, которую индейцы распевают в своих "врачевательных песнях", в которых записаны священные верования расы.***

Де Смет, Миссии штата Орегон, стр. 359; "Отчет" мистера Рассела в личном повествовании майора Кэмпбелла, 1864, стр. 55, 113.

** Рассказ Таннера, 1830, стр. 115.

*** Нью-Йорк, 1847.

**** Там же., Нью-Йорк, 1830, стр. 192, 193.

Он добавляет, что многие из этих песен записаны методом, вероятно, характерным для индейцев, на бересте или небольших плоских кусочках дерева, идеи которых передаются эмблематическими фигурами. Если вспомнить, что от этих песен и обрядов зависит *удача* племени, то можно допустить, что они, вероятно, имеют значительную древность и что

индейцы, вероятно, не заимствовали историю о происхождении своего ритуала у какого-нибудь европейца, знакомого с гомеровским гимном Деметре.

Далее следует миф, заимствованный (без подтверждения) Скулкрафтом у Де Смета: —*

"Манитос (силы или духи) завидовали Манабоджо и Чибиабосу. Манабоджо предупреждал своего брата, чтобы тот никогда не оставался один, но однажды он рискнул отправиться на замерзшее озеро и был утоплен манитосами. Манабоджо плакал на берегу. Он вел войну против всех манито.... Он призвал к себе мертвое тело своего брата. Он поверг в ужас всю страну своими причитаниями. Затем он вымазал свое лицо сажей и шесть лет предавался скорби, произнося имя Чибиабоса. Манитос посоветовался, что ему сделать, чтобы унять свою меланхолию и гнев. Самый старый и мудрый из них, непричастный к смерти Чибиабоса, вызвался взять на себя задачу примирения. Они построили священный вигвам рядом с вигвамом Манабоджо и приготовили роскошный пир. Затем они собрались по порядку, один за другим, каждый нес под мышкой мешок из шкуры какого-нибудь любимого животного, например бобра, выдры или рыси, наполненный драгоценными и любопытными лекарствами, получаемыми из всех растений. Они показали это и пригласили его на пир с приятными словами и церемониями. Он немедленно поднял голову, снял покрывало и смыл с себя грязь и траурные цвета, а затем последовал за ними. Они предложили ему чашку напитка, приготовленного из отборных лекарств, одновременно в качестве умиловливания и ритуала посвящения. Он выпил его одним глотком и обнаружил, что его меланхолия прошла. Затем они начали свои танцы и песни, объединенные различными церемониями. Все танцевали, все пели, все действовали с предельной серьезностью, с точностью времени, движений и голоса. Манабоджо вылечился; он ел, танцевал, пел и курил священную трубку.

* Скулкрафт, Л. 318.

Таким образом были представлены тайны великого врачевательного танца.

Теперь Манитос объединили свои силы, чтобы вернуть Чибиабоса к жизни. Они сделали это и вернули его к жизни, но входить в вигвам было запрещено. Они дали ему через щель горящий уголь и велели ему идти и править страной душ и царствовать над страной мертвых.

"Манабоджо, ныне ушедший от людей, поручает заботу о лекарственных растениях Мисукумигакве, или Матери Земли, которой он делает подношения".

Во всем этом неоспоримо сходство с легендой о гомеровском гимне Деметре. Гимн слишком знаком, чтобы требовать длительного анализа. Мы читаем, что у Деметры была прекрасная дочь Персефона; как Повелитель Мертвых похитил ее, когда она собирала цветы; как Деметра искала ее с горящими факелами; и как богиня пришла в Элевсин и дом Целея в облике старой жены. Там она пребывала в печали, не ела и не пила, пока не попробовала смесь ячменя с водой (*цикеон*) и не улыбнулась веселью Ямбе. И все же она в гневе по-прежнему держалась в стороне от общества богов, и земля по-прежнему не приносила ее плодов, пока боги не повелели Гермесу вернуть Персефону. Но Персефона отведала одно зернышко граната в Аиде, и поэтому, согласно распространенному во всем мире поверью, она была связана узами с Аидом. Только на полгода она возвращается на землю; но этим Деметра утешилась; почва снова принесла плоды, и Деметра показала вождям Элевсина свои священные мистерии и ритуал их совершения.*

Мифа о Персефоне нет у Гомера, хотя у Гомера Персефона - Повелительница Мертвых. Гесиод упоминает об этом в *"Теогонии"* (912-914); но главным авторитетом является гомеровский гимн, который Матфей нашел (1777) во дворе фермы в Москве. *"Inter pullos et porcos latuerat"* — свиньи Деметры охраняли поэму о ее мистериях.** Что касается даты и авторства гимна, ученые расходятся во мнениях. Вероятно, большинство читателей воспримут это как поэтическое произведение, подобное гимну Афродите, а не как "мистическую цепочку стихов", предназначенную исключительно для иератических целей. Невозможно с уверенностью утверждать, что элевсинские мистерии и легенды возникли позже Гомера, потому что Гомер на них не ссылается.

* Суеверия о пище мертвых распространены в Новой Зеландии, Меланезии, Шотландии, Финляндии и среди оджибвеев. Сравните сказку "Странствующий Вилли" в *Редгонте*.

** Ruhnken, ap. Hignard, *Les Hymnes Homeriques*, p. 292, Paris, 1864.

У него нет повода говорить о них. Возможно, в его время мистерии были всего лишь обрядами деревни или маленького городка; они приобрели известность благодаря тому, что их переняли Афины, и в конце концов превратились в самый знаменитый национальный праздник. Значение легенды по своему происхождению, вероятно, заключалось не более чем в умиловании земли и церемонии, имитирующей возвращение весны и растительности и таким образом обеспечивающей их возвращение. Эта ранняя концепция, которую мы нашли в Америке, легко сочеталась с доктринами смерти и возрождения, зависящими не от года, не от посеянного семени, а от человеческой души. Священники могли бесконечно иллюстрировать и расширять эти идеи; и мистерии во времена Платона и даже Пиндара, несомненно, понимались как оказывающие очищающее влияние на поведение и благоприятно влияющие на судьбу души в загробном мире.

"Счастливы всякий из смертных, кто смотрел на эти вещи; но тот, кто не имел ни участия, ни жребия в этом таинстве, не имеет равной участи, когда однажды погибает и проходит под покровом тьмы". * Мы можем поверить, что о таких обрядах думал Платон, когда говорил о "созерцании явлений, невинных и простых, спокойных и счастливых, как в мистерии" ** И нет ничего странного в том, что, когда греки искали знамение, и особенно какое-нибудь вероучение, которое могло бы противостоять новому поклонению Христу, Плутарх и философы-неоплатоники пытались цепляться за обещание мистерий Деметры.

* Гомеровский гимн, 480-482.

** Федр, 260.

Они считали ее тайные вещи "призрачной тенью того зрелища и того обряда", зрелища и обряда гармоничного порядка вселенной, которые когда-нибудь откроются душам благословенных.* Возможно, утешение скрытых богослужений не было недостатком в том, что они не взывали к усталому и блуждающему разуму позднейших язычников. Утомленные бесконечными рассуждениями о судьбе и свободной воле, богах и демонах, аллегориях и объяснениях, они могли ограничиться простыми зрелищами, церемониями и благочестивыми восклицаниями, "без каких-либо доказательств, приводимых в подтверждение утверждений". Действительно, такие писатели, как Плутарх, демонстрируют почти нрав Паскаля, пытаясь

обеспечить покой своей душе мудрой пассивностью, благочестивым созерцанием и участием в непостижимых таинствах.

Что касается происхождения этих таинств, мы можем согласиться с Лобеком, что это не была жреческая система мистического и эзотерического учения, морального или физического. Это был всего лишь "медицинский танец" очень древнего греческого племенного поселения, возможно, с самого начала содержащий этический элемент. Но из этого, благодаря гению Эллады, проистекала вся красота элевсинского ритуала и все утешение, которое он предлагал скорбящим, все утешение, которое он давал усталым и обремененным. ** То, что народное религиозное возбуждение, вызванное мистериями и поддерживаемое темнотой, часто приводило к сценам похотливого разгула, может быть достаточно вероятным. "Пробуждения" повсюду приводят к этому среди прочих последствий. Но мы можем разделить скептицизм Лобека относительно массовых обвинений в беззаконии, выдвигаемых Отцами Церкви.

* Плутарх, Def Def. Орак. xxii

** Лобек, Аглаоф., 133.

Несмотря на пережитки и клевету, религия Деметры была одной из самых естественных, красивых и трогательных греческих верований. Не было недостатка в дикой стихии; но благочестивый современник Платона, когда он купался в море со своей свиньей перед тем, как посмотреть мистерию, вероятно, решил не обращать внимания на варварскую и распущенную часть представлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Этот краткий обзор греческих божественных мифов, конечно, не ставит своей целью исчерпать тему. Мы не претендуем на изучение легенд обо всех олимпийцах. Но было сказано достаточно, чтобы проиллюстрировать метод интерпретации и привести примеры применения этого метода в действии. Было замечено, что среди филологов существует лишь согласие относительно происхождения и значения двух из почти дюжины божественных имен. Считается, что Зевс связан с *Дьяусом* первоначально означал "небо". Деметра считается греческой, что означает "Мать-Земля". Но значение и корни Афины, Аполлона, Артемиды, Гермеса, Крона, Афродиты, Диониса — мы могли бы добавить Посейдона и Гефеста — очень далеки от того, чтобы быть известными. Нет также гораздо более общего согласия относительно изначальных элементарных явлений или элементарной области, принадлежащей всем этим богам и богиням. Сведущие исследователи мифов перетасовывали луну, ветер, сумерки, солнце, рост и силу растительности, темноту, ночь, атмосферу и самым различным образом относили их к

различным божествам. Это полное разнообразие мнений должно быть принято как часть исследования.

Ученые, как правило, соглашались только в том, что (1) имена хранят тайну первоначального значения богов; и (2) что боги обычно являются персонификациями элементов или явлений или развились из таких персонификаций. За пределами этого почти все - замешательство, сомнение, "сумерки богов".

В этой темноте нечему удивляться. Мы блуждаем не в волшебном тумане, рассеянном вокруг нас богами, а в тумане, который имеет естественные причины. Во-первых, ненадежность попыток анализа имен собственных. "С каждым именем собственным этимологическая операция на одну ступень сложнее, чем с апеллятивом.... Мы имеем дело с двумя неизвестными величинами: "происхождение и значение"; тогда как в апеллятивах мы знаем значение и должны только искать происхождение. И из всех имен собственных мифологические имена наиболее трудно интерпретировать. Курциус показал, сколько путей может быть использовано при анализе имени Ахилл. Вторая часть может относиться к основе: люди, или к основе: камень. Означает ли первая часть слова "вода" (ср. aqua), или это эквивалентно: ("оплот" или "народ")? Или это сродни: "тот, кто причиняет боль"? Или: "протетический"? и является ли (это) корнем, и означает ли это "ясно сияющий"? Или это слово связано с (---), и означает ли оно "темный"?

Все эти и другие объяснения предлагаются учеными и выбраны Курциусом, чтобы показать неопределенность и сложность этимологического процесса применительно к именам в мифе. Корнут давным-давно заметил, что великая древность имени Афина затрудняет его этимологию. Оно остается сложным.* Чего бы наука о языке ни добилась в будущем, в настоящее время она сбита с толку божественными именами Греции или большинством из них, и эти самые важные.

* Ср. Курций, греческий этимолог, английский, перев., i. 137-139.

*** Gruppe, Griech. Culte und Mythtis, стр. 169, выбирает Япета, Кадмоса, Кабейроса, Адониса, Байтлос, Тифона, Нисоса (в Дионисе), Ахерона, киммерийцев и грифов, и, безусловно, финикийцев. Но это не имена высших богов.

Есть еще одна причина неясности темы, помимо темноты, в которую время окутало происхождение названий. Мифы были в ходу очень долго, прежде чем мы впервые встретили их у Гомера и Гесиода. Мы не знаем, откуда пришли боги. Возможно, некоторые из них были главными божественными представлениями различных эллинских кланов до объединения кланов в государства. Как бы то ни было, когда мы впервые сталкиваемся с богами у Гомера и Гесиода, они были организованы в семью с регулярными генеалогиями и взаимоотношениями. За ними были закреплены функции и отделы. Всегда ли Гермес был вестником? Всегда ли Гефест был ремесленником? Была ли Афина с самого начала любимой дочерью Зевса? Был ли Аполлон с самого начала посредником с людьми через оракулов? Кто может ответить? Мы знаем только, что божественное служение было тщательно организовано, и отделы распределены, как в кабинете министров, еще до того, как мы встретились с богами на Олимпе. Какими они были за века до этой организации, мы можем только догадываться. Некоторые, возможно, были заимствованы из кланов, главным божеством которых они были. Если бы кто-нибудь взял всех богов Самоа, он мог бы объединить их в семью с надлежащими функциями и

градациями. Мы можем полагать, что ни один человек не сделал этого для Греции, хотя Геродот считал, что это сделали Гомер и Гесиод. Этот процесс продолжался на протяжении веков, о которых мы не знаем; еще меньше мы знаем, кем или где были боги до начала этого процесса.

Таким образом, темнота, в которой скрыто божественное происхождение, естественна и неизбежна. Наша попытка состояла в том, чтобы исследовать определенные родимые знаки, которые боги носят с той скрытой древности, остатки меха, плавников и перьев, унаследованные от животных-предков, подобных тем, которые правили египетскими, американскими и австралийскими религиями. Мы также отметили блистательную божественность прекрасных форм, которых боги в конце концов достигли в мраморе, золоте, слоновой кости и в фантазиях поэтов и скульпторов. Вот истинно эллинский элемент, вот идеал — Афина в доспехах, Гера в поясе Афродиты, Гермес со своим жезлом, Аполлон с серебряным луком — этого достиг эллинский интеллект; этот идеал он сделал более нетленным, чем бронза. Наконец, прекрасные формы богов "испражняются до чистой прозрачности" в религии Аристотеля и Плутарха. Но боги остаются прекрасными в своих статуях, прекрасными в гимнах Пиндара и пьесах Софокла; часто отвратительными в храмовых мифах, древнем *иоанонеи* тайных обрядах, пока все они, добрые и злые, не будут изгнаны христианством. Самая блестящая цивилизация мира никогда не изгоняла старого дикаря из своего мифа и своего ритуала. Самая низкая дикость едва ли когда-либо, если вообще когда-либо, полностью теряет из виду Небесного Отца.

В заключение, мы можем отказаться от обвинения в *эксклюзивизме*. Элемент дикости - это нечто, нет, многое в греческих мифах и ритуалах, но это не все. Правдивость, изящество и красота мифов даны "чистым духом" Эллады. Не обязательно все, что вызывает сожаление, является местным. Мы вполне можем верить в заимствование у финикийцев, которые, в свою очередь, могли заимствовать у Вавилонян. Иногда отмечались примеры этого процесса. Некоторые исследователи будут настаивать на том, что дикая стихия была заимствована из религии доисторических рас, во владении которых оказались греки, когда впервые захватили берега страны. В определенных случаях это может быть правдой, но исторических свидетельств получить невозможно. Мы теряемся в теориях пеласгов и допеласгов, а также в "греческом авангарде греков". В любом случае, аргумент о том, что более загадочная часть греческого мифа - это "пережиток", не будет затронут. Заимствованные, унаследованные или имитированные, некоторые истории и обряды имеют дикарское происхождение, и аргумент не настаивает на большем в отношении этой части греческой мифологии.

ГЛАВА XIX. ГЕРОИЧЕСКИЕ И РОМАНТИЧЕСКИЕ МИФЫ.

Новый класс мифов—Не объясняющих—Популярные сказки—Героические и романтические мифы—(1) Сказки дикарей—(2) Европейские истории—(3) Героические мифы—Их происхождение—Распространение-История их изучения—Теория Гримма—Арийская теория-

Теория Бенфея— Рассмотренные древнеегипетские истории—Теория Вандерунга— Заключение.

Мифы, которые до сих пор рассматривались, обладают по большей части одной общей чертой. Все или почти все они, очевидно, направлены на удовлетворение любопытства к причинам явлений, на восполнение пробелов в человеческих знаниях. Мифы о природе описывают различные аспекты Природы, от тростника на берегу реки, который когда-то был прекрасной девушкой, преследуемой Паном, до самой далекой звезды, которая была любовницей Зевса; от причины, по которой ворон черный, до причины, по которой солнце затемняется во время затмения. Божественные мифы, опять же, по большей части представляют собой эссе в том же направлении. Они пытаются ответить на следующие вопросы: "Кто создал вещи?" "Как возник этот мир?" "Какие силы, которые кажутся более могущественными, чем мы сами, регулируют порядок событий и управляют судьбами людей?" Мифы отвечают на все эти вопросы, и ответы всегда соответствуют тому раннему туманному состоянию мышления и рассудка, когда наблюдение превращается в суеверие, религия - в науку, наука - в фантазию, знание - в басню. Точно так же мифы, которые мы здесь не рассматриваем, — мифы о происхождении смерти, о том, что человек впервые овладел огнем, и о природе его жилища среди мертвых, — все это предварительные вклады в познание. Все стремятся удовлетворить вечное человеческое желание *знать*. "Откуда пришла смерть?" - спрашивает человек, и мифы отвечают ему историей о Пандоре, о Мауи, о луне и зайце или о летучей мыши и дереве. - Как получилось, что фэйер стала нашей служанкой? Мифы повествуют о Прометее - похитителе огня, или о крапивнике, или о лягушке, или о койоте, или о каракатице. "Какой жизнью будут жить люди после смерти? в каком доме?" Миф отвечает рассказами о Похьоле, об Аиде, об Аменти, обо всем, что, по выражению австралийского чернокожего парня, "лежит за Раммутом", за прибоем Тихого океана, за "потокм Океана", за горизонтом смертности. К этим мифам и к более загадочной легенде о Всемирном потопе мы, возможно, вернемся как-нибудь в другой раз. На данный момент достаточно повторить, что все эти мифы (за исключением, возможно, преданий о Всемирном потопе) заполняют пробелы в ранних человеческих знаниях и передают информацию о вещах, выходящих за рамки практического опыта.

Но существуют классы сказок, или *мерченов*, или мифов, которые, насколько можно обнаружить, содержат лишь незначительный элемент объяснения. Хотя они интерпретировались как разбитые на части мифы о природе, разнообразие интерпретаций, которым они подвергались, доказывает, что, по крайней мере, их элементарный смысл смутен и неопределенен, и делает весьма сомнительным, имели ли они когда-либо вообще какое-либо подобное значение. Здесь не отрицается, что некоторые из этих мифов и сказок, возможно, были навеяны стихийными и метеорологическими явлениями. Например, когда мы почти повсюду встречаем у европейских крестьян, а также у самоедов и зулусов, как в греческих героических мифах Ясонова цикла, истории о детях, которые убегают от матери-людоедки, убийцы или мачехи, нам вспоминаются определенные природные мифы. Часто говорят, что звезды - дети солнца, которые убегают на рассвете, чтобы он или их мать, луна, не поглотили их. Это раннее наблюдение, возможно, положило начало истории о бегстве родителей-каннибалов, и легенда, возможно, была низведена с небес на землю. И все же это была, возможно, притянутая за уши гипотеза о происхождении сказки, которая вполне могла родиться везде, где люди склонны (как в Северной Америке и Южной Африке) возвращаться к каннибализму.

* Природа-мифы, том I, стр. 130. История называется "Астеринос и Пульха" в "Грихе" Фон Гана. und Alban. Марш. Сравните самоедские марши, Кастрен, Варьес и другие. Волк, стр. 164; Каллауэй, Узембени.

Таким образом, особенностью мифов, которые мы предлагаем назвать "Героическими и романтическими сказаниями" (*märchen contes populaires*), является отсутствие, как правило, какой-либо очевидной объяснительной цели. Это романы, и если они что-то и объясняют, то скорее происхождение или санкцию какого-то человеческого закона или обычая, чем причину любого природного явления, которое они излагают.

Традиционные художественные произведения, описываемые здесь как героические и романтические, можно разделить на три основные категории.

(1) Сначала у нас есть популярные рассказы о низших и более отсталых расах, к которым для нашей настоящей цели можно отнести более отдаленные и малоизвестные народы Америки. Мы находим популярные сказки у бушменов, кафров, зулусов, самоанцев, маори, гуронов, самоедов, эскимосов, кри, черноногих и других так называемых диких рас. Мы также находим рассказы, практически идентичные по характеру, а часто и по сюжету и происшествиям, у такого народа, как уарочирис, цивилизованной расы, попавшей под власть империи инков примерно за три поколения до испанского завоевания. Характерными чертами этих сказок являются присутствие говорящих и магически помогающих зверей; человеческие способности и личное существование даже неодушевленных предметов; чудесные достижения действующих лиц; появление существ другой расы, обычно враждебной; способность входить в Ад и возвращаться из Него — все это описывается почти в одной и той же образной манере. Личности иногда анонимны, иногда называются по имени, хотя само имя не прославляется; чаще всего герой племенной культуры, демиург или бог является главным действующим лицом в этих историях. В соответствии с привычками дикаря, главным персонажем часто является животное, такое как Ананзи, западноафриканский паук; Канн, кузнечик бушменов; или Мичабо, алгонкинский заяц-беляк. Животные часто играют роли, отведенные мужчинам и женщинам в европейском мире.

(2) Во-вторых, у нас есть *märchen*, или *contes*, или бытовые сказки современных европейских, азиатских и индийских крестьян, сказки, собранные Гриммами, Афанасьевым, Фон Ханом, мисс Фрер, мисс Мейв Стоукс, М. Себийо, Кэмпбеллом с Айлея и многими другими. Каждый читатель этих восхитительных сборников знает, что характеристики, механизм, все, что вызывает удивление, такие же, как в только что описанных героических сказках о дикарях, но особенностью популярных крестьянских сказок является то, что *места* редко называются; история не локализована, а персонажи анонимны. Время от времени появляются наш Господь и его святые, и сатана довольно часто присутствует, всегда для того, чтобы потерпеть поражение и опозориться; но, как правило, герой - "мальчик", "бедняк", "скрипач", "солдат" и так далее, имена не называются.

(3) В-третьих, в эпической поэзии и легендах мы имеем романтические и героические рассказы о великих цивилизованных расах или расах, доказавших свою способность к цивилизации. Это индийцы, греки, римляне, кельты, скандинавы и германцы. Они проложили себе путь в национальные литературы и область эпоса. Мы находим их в *Одиссее*, *Эдде* кельтских поэмах, *Рамаяне*, и они даже появляются в *Ведах*. Они встречаются в легендах и родословных

царственных героев Греции и Германии. Они связаны с туманными истоками реальной истории и с реальными персонажами, такими как Карл Великий. Они даже вторгаются в легенды о святых. Персонажи - национальные герои, такие как Персей, Ясон, Эдип и олимпийские боги, святые мужчины и женщины, дорогие Церкви, и первобытные герои Севера, Сигурд и Сигнун. Их пути и места лежат не в тусклой сказочной стране, а в полях и на берегах, которые мы знаем — на перевале Роланда в Пиренеях, на зачарованном побережье Колхиды, или среди безупречных эфиопов, или в Фессалии, или в Аргосе. Итак, во всех этих трех классах романтических произведений, баснях о дикарях, сельских сказках, греческих или немецких эпосах идеи и происшествия аналогичны, и само развитие сюжета иногда узнаваемо одно и то же. Моральные идеи, лежащие в основе многих сказаний, саг или эпических мифов, часто идентичны. Повсюду мы находим двери или сосуды, которые нельзя открывать, правила поведения мужа и жены, которые нельзя нарушать; повсюду мы находим услужливых зверей, птиц и рыб; повсюду мы находим легенды, доказывающие, что человек не может перехитрить свою судьбу или уклониться от предначертанного ему предназначения.

Главные проблемы, поднимаемые этими сагами и преданиями, заключаются в следующем: (1) Почему они так сильно напоминают друг друга во всех частях света? (2) Были ли они изобретены раз и навсегда и передавались по всему миру из какого-то центра? (3) Что это был за центр, и каков был период и процесс передачи?

Прежде чем приступить к рассмотрению решений этих проблем, можно высказать определенные соображения.

Сверхъестественный *материал* этих историй, нити ткани, вера в жизнь и индивидуальность всех вещей — в говорящих зверей и деревья, в магические силы, в возможность посещения диады — должны, согласно нашей теории, как она уже была изложена, обнаруживаться везде, где люди либо прошли через дикость и сохранили пережитки этого интеллектуального состояния, либо везде, где они позаимствовали или имитировали такие пережитки.

Таким образом, без дальнейших исследований, мы можем объяснить сходство материала героических мифов и *marchen*. Материал тот же, что и в мифах о природе и божественных мифах. Но как объяснить сходство расположения событий и идей в *сюжетах*? Саги, эпические мифы и предания, по-видимому, не везде похожи друг на друга (в отличие от мифов о природе), потому что это одни и те же идеи, применяемые для объяснения одного и того же набора природных фактов. Саги, эпосы и предания, по-видимому, ничего не объясняют, но рассказываются, в первую очередь, либо для иллюстрации и усиления морали, либо просто ради удовольствия от образного повествования.

Таким образом, мы остаемся, временно, с представлением о том, что иногда сходство сюжета и расположения может быть *случайным*. При встряхивании ментального калейдоскопа, который содержит заданный набор идей, вполне возможно, что аналогичные комбинации время от времени возникают повсюду. Или же история могла быть придумана раз и навсегда в одном центре, но в период столь неизмеримо отдаленный, что она просочилась в обменах и контактах доисторической жизни по всему миру, даже в Западную часть Тихого океана и на уединенные Океанические острова. Или, еще раз, эта история могла иметь центр в Старом Свете, скажем, в Индии; могла быть принесена в Европу устной традицией или литературными средствами, такими как *Пантшатантра* или *Хитопадеша*, или цыганами; могла дойти до моряков,

индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-
индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-индейцев-
самоанцев. Финны, японцы, арабы и суахили.

Братья Гриммы в приложении к своим *Домашним сказкам** приводят список историй, с которыми они были знакомы. За пределами Европы они в первую очередь обращают внимание на литературные сборники Востока "Тысяча и одна ночь" и "Хитопадеша", которые, наряду с "Книгой Синда-бада", "Пантшатантра" и "Катарит Сагара", содержат почти все восточные сказки, проникшие в западную литературу через письменные переводы. У Гриммов не было нашего запаса народных сказок, недавно собранных из уст арийских и неарийских уроженцев Индостана, таких как произведения мисс Мейв Стоукс, мисс Фрер, капитана Стила, мистера Лай Бехара Дэя и несколько рассказов Сантал. Но у Гриммов было несколько калмыцких историй. **

* Перевод миссис Хант, Лондон, 1884.

** "Отношения Ссиди Кур" в книге Бергмана "*Nomadische Stretfereien*", том і.

Один или два китайских и японских образца попали к ним в руки, и все это еще в 1822 году. В последующие годы они изучили малайскую историю, несколько сказок бечуана, рассказы Коэлле о канури или борну, североамериканские легенды Скулкрафта и Джеймса Атеарна Джонса, финские, эстонские и монгольские повествования, а также все большее количество европейских конкурсов. Таким образом, Гриммы не могли не знать, что *мерчены*, с их удивительным сходством сюжета и событий, получили распространение далеко за пределами айранских народов. Их особенно поразило, что было естественно, повторением инцидентов, аналогичных инцидентам с немецкими *соревнованиями* (такими как *Махандельбум* и *Поющая кость*, 47, 28) среди отдаленных бечуан Южной Африки. Они также обнаружили, что в Сьерра-Леоне звери и птицы играют главные роли в *мэрчене*. "У них гораздо более тесная связь с человечеством ... более того, у них есть даже священники", как у животных в Гвиане есть *пи* или свои собственные колдуны. "В *мерхене* появляются только местные звери". Среди этих легенд борну они нашли несколько историй, аналогичных *Верному Джону* (6), и одну в "*Пьячеволи нотти*" Страпаролы (Венеция, 1550), история, кстати, которая повторяется среди санталов, "аборигенного" племени Индии. Это история о мужчине, который знает язык животных и которого они предостерегают от того, чтобы он раскрывал секреты женщинам. Среди индейцев Северной Америки Гримм нашел аналог своей сказки (182) о *Дарах эльфов*, которая, кстати, также иллюстрирует японскую пословицу. Финские, татарские и индийские аналоги были обнаружены в изобилии.

Таковы были материалы Гримма; на самом деле, гораздо менее обильные, чем наши, но достаточные, чтобы показать ему, что "сходство, существующее между историями не только народов, далеко удаленных друг от друга по времени и расстоянию, но и между теми, которые лежат близко друг к другу, состоит частично в лежащей в основе идее и очертании конкретных персонажей, а частично в переплетении и распутывании происшествий". Как объяснить это сходство? Вот в чем вопрос. Ответ Гримма был, как и наш, всего лишь предположением. "Бывают ситуации настолько простые и естественные, что они появляются повсюду, точно так же, как отдельные слова, которые образуются в почти или полностью идентичной форме в

языках, не имеющих никакой связи друг с другом, путем простой имитации естественных звуков". Таким образом, в определенной степени, но, по мнению Гримма, в очень ограниченной степени, существование сходных ситуаций в жизни самых отдаленных друг от друга народов является результатом общих фактов человеческой мысли и чувств.

Повторим удобную иллюстрацию: если мы находим говорящих и разумных зверей и неодушевленные предметы, а также случаи превращений и магии, каннибалов и призраков (как это делаем мы) в мархене, как и в высших мифах всего мира, и если мы также находим определенные любопытные человеческие обычаи в конте, то это сходство может быть объяснено как порожденное тем же ранним состоянием человеческого воображения, которое рассматривает все известные вещи как личные и одушевленные, которое верит в призраков и магию, в то время как люди также ведут себя в соответствии с обычаями, ныне устаревшими и забытыми цивилизацией. Эти общеизвестные факты являются нитями (как мы уже говорили) в ткани мифа и истории. Они были обеспечены универсальными ранними условиями донаучного человеческого интеллекта; таким образом, материал мархена везде один и тот же. Но почему закономерности — ситуации, договоренности и последовательность инцидентов — также удивительно схожи в противостояниях неродственных племен и рас повсюду?

Здесь начинаются серьезные трудности.

Очевидно, недостаточно провести аналогию и ответить, что узоры на древних тканях и украшения на древнем оружии, керамике, следы татуировки и так далее Также являются вещами общечеловеческими.*

* См. Обычай и миф, "Искусство дикарей", стр. 288.

Близкое сходство неразвитых греческих, мексиканских и других ранних художественных работ интересно, но может быть объяснено сходством материалов, инструментов, заимствований из природных объектов и неопытностью в дизайне. Выбор похожих ситуаций и сходных паттернов, в которые они вплетены в *мэрченгреками*, уарочирис из Перу, самоанцами или эскимосами, гораздо более загадочен для объяснения.

Гримм приводит несколько примеров, в которых он считает, что идеи и их сочетания в рассказе могли изначально прийти в голову только одному человеку, раз и навсегда. Как объяснить широкое распространение такой истории? Сначала Гримм допускает *"в качестве редких исключений"* вероятность того, что история перейдет от одного народа к другому и прочно укоренится на чужой почве". Но такие случаи, по его словам, являются "одним или двумя единичными исключениями", тогда как распространение историй, которые, по его мнению, могли быть придуманы только раз и навсегда, является масштабным явлением. Далее он говорит: "Нас спросят, где начинаются самые внешние черты общей собственности в историях, и как распределяются линии родства". Его ответ не удовлетворил даже его самого, а дополнения к нашим знаниям лишили его какой-либо ценности. "Самые внешние линии совпадают с линиями великой расы, которая называется индогерманской". То есть за пределами индогерманской, или "арийской" расы, не обнаружено ни одного из *маркенов*, которые обнаружены в пределах этой расы. Но Гримм сам очень хорошо знал, что это было ошибочное мнение. "Мы с изумлением видим в таких историях о неграх борну и бечуанах (кочующее племя в Южной Африке), с которыми мы познакомились, *неоспоримую связь с*

германскими, в то время как в то же время их особый состав отличает их от них". Итак, Гримм, хотя и не нашел "явного сходства" в североамериканских историях, признал, что границы общей собственности в мархене действительно включали в себя нечто большее, чем "индогерманскую" расу. Бечуаны, и негры, и финны, как добавляет он, и как заметил сэр Джордж Дейсент, * безусловно, находятся в пределах досягаемости.

Популярные норвежские сказки, 1859, стр. liv., lv.

Там Уильям Гримм оставил этот вопрос в 1856 году. Его склонность, очевидно, заключалась в том, чтобы объяснять общность племени марчен на основе гипотезы о том, что они были первоначальным общим достоянием неразделенного арийского народа, перенесенным за границу в ходе долгих скитаний расы. Но он чувствовал, что присутствие марчен среди бечуанов, негров и финнов таким образом объяснить нельзя. В то же время он закрыл двери для теории заимствования, за исключением "единичных исключений", и для веры в частую, отдельную и независимую эволюцию одной и той же истории в различных несвязанных регионах. Таким образом, Гримм формулирует вопрос, но не претендует на то, что дал на него ответ.

Решения, предлагаемые на основе гипотезы о том, что марчены являются исключительно арийскими и что они являются *детритом* или самыми молодыми и поздними формами мифов, в то время как эти мифы связаны с элементарными явлениями природы и возникли в результате упадка языка, так часто подвергались критике, что они не должны надолго задерживать нас. * Самый последний обзор системы сделан М. Коскеном. ** Вместо повторяющихся возражений, на которые часто ссылался настоящий автор, краткое изложение причин М. Коскена, отличающих "арийскую" теорию Фон Гана, может привести к тому, что мы не будем долго задерживаться. быть отданным. Во Хан был собирателем и редактором новогреческих рассказов ***, и его работа является научной и законченной. Он составил сравнительные таблицы, показывающие соответствие между греческим и немецким *märchen*, с одной стороны, и греческим и тевтонским эпосами и более древними легендами или сагами - с другой. Он также попытался классифицировать истории по определенному количеству повторяющихся *формул* или сюжетов. По мнению Лин Фон Хан, эти истории изначально были мифами неразделенного арийского народа на его центральноазиатской родине. По мере того как различные ветви рассеивались и разделялись, они уносили с собой свой общий запас мифов, которые постепенно превратились в *обломки* популярных историй, "самую молодую форму мифа". Та же теория появилась (в 1859 году) в книге м—ра Макса Мюллера "*Чипсы из немецкой мастерской*"**** Неразделенный арийский народ обладал, согласно его мифологической фразеологии и пословицам, семенами или зародышами, более или менее развитыми, которые могли бы прорасти под любым небом в очень похожие растения - то есть в популярных историях.

* Смотрите наше введение к "Домашним сказкам братьев Гримм", переведенным миссис Хант.

** Contes Populaire de Lorraine, Paris, 1886, pp. i., xv.

*** Grieschische und Albanesische Marchen, 1864.

В противовес этим идеям М. Коскен утверждает, что если арийский народ до своего разделения сохранил мифы только в их *самой ранней зародышевой форме*, то невероятно, чтобы, когда отделившиеся ветви потеряли связь друг с другом, окончательная форма их мифов, *мерчены*, были так сильно похожи друг на друга, как они есть. Арийская теория (как ее можно назвать для краткости) отвергает, как правило, идею о том, что сказки, как правило, могли быть *заимствованы* даже одним арийским народом у другого. * "Детские сказки, как правило, — это последнее, что один народ заимствует у другого". ** Затем, говорит М. Коскен, поскольку у неразделенного арийского народа были только мифы в их наименее развитом состоянии, и поскольку у существующего крестьянства есть только *обломки* этих мифов — *märchen* - и поскольку вы говорите, что о заимствовании не может быть и речи, как вы объясняете подобное *совпадение*? В Пенджабе, среди бретонцев, албанцев, современных греков и русских, мы находим *конте*, в котором молодой человек становится обладателем волшебного кольца. Это кольцо украдено у него и возвращено с помощью неких благодарных зверей, которым молодой человек оказал услугу. Его враг держит кольцо во рту, но благодарная мышь засовывает свой хвост в нос вору, заставляя его чихнуть, и оттуда выходит волшебное кольцо!

* Кокс, Мифология. арийских народов, i. 109.

** Max Müller, Chips, ii. 216.

Здравый смысл настаивает, говорит М. Коскен, что эта деталь была изобретена раз и навсегда. Должно быть, впервые это произошло не в мифе, а в *конте* или *мерхене*, из которого исходят все остальные. Следовательно, если вы хотите, чтобы идея мыши, кольца и чихания была частью запаса неразделенных арийцев, вы должны признать, что у них были *конкурсы*, *торжества*, популярные истории, то, что вы называете *обломками* мифов, а также сами мифы, прежде чем они покинули свою колыбель в Центральной Азии. "Nos ancetres, les peres des nations europeennes, auraient, de cette facon, emporte dans leurs fourgons la collection complete de contes bleus actuels." Короче говоря, если бы не было заимствования, мифы были бы сведены (по арийской теории) к состоянию *обломков*, к алмазной пыли Марса, до того, как арийский народ разделился. Но это противоречит гипотезе.

Месье Коскен здесь не останавливается. *Märchen*— мышь, кольцо, чихание и все остальное — встречается у *неарийских* племен, "жителей Мардина в Месопотамии и карийцев Бирмании".* Хорошо, если не было никакого заимствования, то как неарийские народы получили эту историю?

* Коскин, i, xi., xii., с указанием его полномочий в примечании 1.

М. Коскен приходит к выводу, что теория, на которую он нападает, несостоятельна, и определяет, что, "будучи изобретенными в том или ином месте, которое мы должны открыть" [если сможем], "популярные сказки различных европейских народов (упомяну только их) распространились по всему миру от народа к народу путем заимствования". Придя к такому мнению, М. Коскен справедливо признает, что гриммы, не имея наших знаний о неарийском

языке (монгольский, сирийский, арабский, кабийский, суахили, аннамитский - он мог бы добавить еще очень много), не могли предвидеть всех возражений против теории запаса, общего только для арийцев.

Если бы мы создавали подробный трактат о *мерчене*, было бы неплохо в этом месте обсудить арийскую теорию более подробно. Эта теория основывается на вере в то, что популярные истории являются *обломками* арийских мифов. Тогда было бы необходимо обсудить филологическую гипотезу о происхождении и природе самих этих первоначальных арийских мифов; но это увело бы нас далеко от изучения простых популярных сказок. *

Оставив арийскую теорию, мы обратимся к той, которую поддерживает сам месье Коскен, — к теории, как он говорит, Бенфея.**

Вдохновленный Бенфи, М. Коскен говорит: "Метод должен заключаться в том, чтобы последовательно брать истории каждого типа и следовать им, если сможем, из века в век, от людей к людям и посмотреть, куда приведет нас это путешествие открытий. Теперь, путешествуя таким образом из пункта в пункт, часто разными маршрутами, мы всегда приходим в один и тот же центр, а именно в Индию, *не в Индию сказочных времен*, а в Индию реальной истории".

Таким образом, теория М. Коскена заключается в том, что популярные истории мира, или, скорее, подавляющее большинство из них, были *изобретены* в Индии и что в течение исторического периода они распространялись из Индии различными путями, пока не были рассеяны среди всех рас, среди которых они встречаются.

Это рискованная теория, и, по-видимому, она допускает свои исключения. Например, мы располагаем древнеегипетскими народными сказаниями, соответствующими сказаниям остального мира, но гораздо более древними, чем историческая Индия, из которой, по словам М. Коскуина, происходили истории, рассказанные во время их путешествий.***

* Это уже было покушение в наш обычай и миф; знакомство с госпожа Гримм Хант, Ла-сайт mythologie, и в другом месте.

** О концепциях М. Бенфея см. "Бюллетень Академии Санкт-Петербурга", 4-16 сентября 1859 г., и "Пантшатантра", Лейпциг, 1859.

*** See M. Maspero's collection, *Contes Populaires de l'Egypte Ancienne*, Paris, 1882.

Одна из этих египетских сказок, "Два брата", на самом деле была записана в существующей рукописи во времена Рамсеса II, примерно за 1400 лет до нашей эры, и за много веков до того, как у Индии появилась какая-либо известная история. Более того, никто не может сказать, как долго она существовала до того, как была переписана писцом Эннаной. Эта история, по словам самого М. Коскена, имеет общие черты с *мерхенами* из Гессена, Венгрии, России, современной Греции, Франции, Норвегии, Литвы, Венгрии, Сербии, Аннама, современной Индии, и, мы можем добавить, с самоедскими *мерхенами*, с готтентотскими *мархенами* и с *мерхенами* из "коренного" народа Индии санталов.

Мы не просим ничего большего, чем этот *мерчен* из древнего Египта, чтобы опровергнуть всю теорию о том, что Индия была первоначальной родиной контов, и что из исторической Индии они были разнесены устной передачей и литературными средствами по всему миру. Сначала

давайте вкратце расскажем историю, а затем рассмотрим каждый случай в отдельности и изложим последствия этого изучения.

Согласно истории о *Двух братьях*—

Жили-были два брата; Анапу был старшим, младшего звали Битиу. Анапу был женат, и Битиу жил с ним в качестве его слуги. Когда он гнал скот на корм, он слышал, что они говорили друг другу, и гнал их туда, где, по их словам, пастбище было лучшим. Однажды жена его брата увидела, что он несет очень тяжелую ношу зерна, и она влюбилась в его силу и сказала: "Иди и ляг со мной, и я сошью тебе хорошую одежду".

Но он ответил: "Разве ты не как моя мать, а мой брат не как отец мне? Не говори со мной больше так, и я никогда никому не расскажу, что ты сказал".

Затем она посыпала голову пылью и пошла к своему мужу, говоря: "Твой брат хотел переспать со мной; убей его, или я умру".

Тогда старший брат стал подобен южной пантере, наточил свой нож и затаился в засаде за дверью. И когда солнце село, Битиу пришел, пригоняя свой скот; но корова, которая шла впереди всех, сказала ему: "Там стоит твой старший брат с обнаженным ножом, чтобы убить тебя".

Затем он увидел ноги своего брата под дверью и убежал, его брат последовал за ним; и он воззвал к Ра, и Ра услышал его, и между ним и его братом образовался огромный поток воды, полный крокодилов.

И вот утром младший брат рассказал старшему всю правду, и он изуродовал себя, и бросил это в воду, и *кальмарская* рыба сожрала это. И он сказал: "Я иду в Долину Акаций" (возможно, мистическое название загробного мира), "и в дерево акации я положу свое сердце; и если люди срубят дерево, и мое сердце упадет, ты будешь искать его семь лет и положишь в сосуд с водой. Тогда я снова буду жить и воздам за зло, которое было причинено мне. И признаком того, что меня постигло зло, будет, когда кружка пива в твоей руке внезапно помутнеет и потревожится".

Тогда старший брат посыпал голову свою пылью и вымазал лицо свое, и пошел домой, и убил свою злую жену.

Теперь младший брат жил в Долине Акаций, и все боги проходили той дорогой, и они пожалели его одиночество, и Хнум сделал ему жену. * И семь Хатор пришли и пророчествовали, говоря: "*Она умрет мучительной смертью*". И Битиу полюбил ее и рассказал ей тайну своей жизни, и что он умрет, когда его сердце упадет с дерева акации.

* Хнум - искусник среди богов.

Так вот, прядь волос этой женщины упала в реку, и ее отнесло к тому месту, где работали прачки фараона. И душистый локон благоухал на всех одеждах фараона, и прачки не знали за что, и их упрекнули. Тогда главный мойщик фараона пошел к воде и нашел волосы жены Битиу; и маги фараона подошли к нему и сказали: "Наш господин, ты должен жениться на женщине, с головы которой сюда уплыла эта прядь волос". И фараон послушал их, и он послал гонцов даже в Долину Акаций, и они пришли к жене Битиу. И она сказала: "Сначала вы должны убить моего

мужа"; и она показала им акацию, и они сорвали цветок, в котором было сердце Битиу, и он умер.

Тогда случилось так, что брат Битиу держал в руке кружку пива, и, о чудо! пиво помутилось. И он сказал: "Увы, брат мой!" - и он искал сердце своего брата и нашел его в ягоде акации. Затем он положил его в чашу со свежей водой, и Битиу выпил ее, и его сердце вернулось на прежнее место и снова ожило.

Тогда сказал Битиу: "Вот! Я стану быком, даже Аписом" (Хапи); и они привели его к царю, и все люди возрадовались, что Апис был найден. Но бык вошел в комнату царских жен и заговорил с женщиной, которая была женой Битиу. И она испугалась и сказала фараону: "Клянешься ли ты исполнить желание моего сердца?" и он поклялся в этом клятвой. И она сказала: "Убей этого быка, чтобы я могла съесть его печень". Тогда фараону стало плохо от горя, но ради своей клятвы он позволил заколоть быка. И пролилось две кварты его крови по обе стороны от сына Фараонова, и оттуда выросли два дерева персея, большие и прекрасные, и деревьям были принесены жертвы, как богам.

Тогда жена фараона выехала на своей колеснице, и дерево заговорило с ней, сказав: "Я - Битиу". И она позволила срубить то дерево, и щепка попала ей в рот, и она зачала и родила сына. И этим ребенком был Битиу; и когда он достиг совершеннолетия и стал принцем той земли, он созвал советников короля и обвинил женщину, и они убили ее. И он послал за своим старшим братом и поставил его князем в земле Египетской.

Теперь мы предлагаем показать не только то, что эпизоды этой сказки — гораздо более древней, чем историческая Индия, какой она является, — распространены в *церквях* многих стран, но и то, что они неразрывно связаны с основными сюжетами популярных сказок. Есть несколько основных циклов популярных сказок, которые не содержат в качестве существенных частей своего механизма одну или несколько идей и ситуаций этой легенды. Таким образом, существует, по крайней мере, предположение, что эти циклы рассказов могли существовать во времена правления Рамсеса II и на неопределенный период раньше; в то время как, если это было не так и если они сделаны из заимствованных материалов, они могли быть адаптированы из Египта неизвестной древности, а не из гораздо более поздних индийских источников.

Теперь инциденты будут проанализированы и сопоставлены с инцидентами в *мерчене* в целом.

С этой целью давайте рассмотрим эпизоды из древнеегипетской сказки о *двух братьях*. К таким инцидентам относятся:—

(1) Форма *оскорбления* замужней женщины, которая, напрасно предложив себя мужчине, своему шурина, обвиняет его в том, что он напал на нее. Этот случай, конечно, происходит у Гомера, в "Сказании о Беллерофонте", еще до того, как мы что-либо узнали об исторической Индии. Более того, это, по-видимому, одно из понятий (М. Коскен признает вместе с Бенфи, что такие понятия существуют), которые являются "общечеловеческими" и *могут* быть изобретены где угодно.

(2) Египетского Ипполита предупреждает об опасности его корова, которая говорит человеческим голосом. Каждый узнает барана, который предупреждает Фрикса и Хелле в легенде о Ясоне.* В албанском *марчене*** об опасности предупреждает *собака*, а не корова или баран. Короче говоря, животные часто предупреждают об опасности устными сообщениями,

как это делает рыба в брахманическом мифе о всемирном потопе и собака в мифе о всемирном потопе из Северной Америки.

* Авторитетом, на который ссылается схолиаст (Apoll. Rhod., Argon., i. 256), является Гекацей. Схолиаст в "Илиаде", vii. 86, цитирует Филостефана.

** Von Hahn, i. 65.

(3) Обвиняемый брат преследуется своим родственником и вот-вот будет убит, когда Ра, по его молитве, проливает между ним и мстителем поток, полный крокодилов. Этот инцидент, по крайней мере, не очень отличается от одного из наиболее широко распространенных сюжетных эпизодов — *бегства*, в котором беглецы внезапно вызывают волшебные реки или озера, чтобы отрезать преследователя. Это повествование о бегстве и препятствиях встречается в шотландском, гэльском, японском (без водных препятствий), зулусском, русском, самоанском языках и в "Красной лошади делаваров", рассказе из Дакоты, а также в Индии и других местах.* Разница в том, что в египетском *конте*, дошедшем до нас в литературной форме, беглец обращается к Ра с просьбой помочь ему, вместо того, чтобы магическим образом создать реку, бросив за спину воду или бутылку, как это принято. Можно предположить, что замена божественного вмешательства в ответ на молитву магической самопомощью - это изменение, внесенное священническим писцом в традиционную версию. **

* Примеры магии, использованной при полете, см. в Folk-Lore Journal, апрель 1886 г., обзор популярных рассказов Хьюстона.

** Масперо, "Контес", стр. 13, примечание 1.

(4) На следующее утро братья ведут переговоры на другом берегу ручья. Младший сначала калечит себя (*Амис*), затем говорит, что отправляется в долину акаций, что, по словам М. Масперо, вероятно, является названием потустороннего мира. Тем временем младший брат поместит свое сердце в высокую акацию. Если дерево срублено, старший брат должен найти сердце и поместить его в сосуд с водой, когда младший брат придет в себя. Здесь мы сталкиваемся с идеей, которая повторяется в самоедском марчене, где мужчины отдают свои сердца, в которых заключены их отдельные жизни. Как мистер

Ралстон говорит: * "Этот душераздирающий эпизод встречается в "Сказаниях многих стран". В русском языке это история о Кошее бессмертном, чья "смерть" (или жизнь) заключена в яйце, в утке, на бревне, во льду. ** Как замечает мистер Ралстон Уэлл, весьма странной параллелью возрождению "Сердца египетских братьев в воде" является готтентотская сказка о девушке, съеденной львом. У льва извлекают сердце, кладут его в калebas с молоком, и девочка снова оживает. ***

(5) Младший брат подает старшему магический знак, по которому тот узнает, как обстоят дела с сердцем. Когда кружка пива внезапно мутнеет, значит, на сердце постигло зло. Это всего лишь один из старых *симпатических знаков* истории — темнеющий опал; гребень Лемминкайнена в "Калевале", с которого капает кровь, когда его владелец в опасности; палка, которую герой поднимает, покидая дом, и которая упадет, когда ему грозит опасность. В Австралии туземцы

практикуют это волшебство с палочкой, на которую они обвязывают волосы находящегося вдали человека, о состоянии которого они хотят получить информацию. **** Этот случай, основанный на вере в *сочувствие*, возможно, можно рассматривать как "общечеловеческий" и его можно выдумать где угодно.

* Русские народные сказки, 109.

** На норвежском, Асбьернсен и Мо, 36; Дасент, 9. Гэльский, Кэмпбелл, i. 4, стр. 81. Индийский, "Панчкин", Старые деканские дни, стр. 13-16. Самоедский, кастренский, этнол. Варьируется свобода алтайского волкера., стр. 174.

*** Блик, Рейнард Лис из Южной Африки, стр. 57.

**** Доусон, Австралийские аборигены, стр. 36, 1881. Используемая палка - это "метательная палка", с помощью которой метают копье. (6) Старший брат возвращается домой и убивает свою жену. Боги сжалились над младшим Битиу в Долине Акаций и взяли его в жены.

Месье Коскен обнаружил во Франции особенность крови, которая закипает в стакане, когда пострадавшему угрожает опасность.

(7) Три Хаторы приходят к ее творению и пророчествуют ей насильственную смерть. Для этого случая сравните "*Спящую красавицу*" Перро и работу Мори над "*Лесными сборами*". Духовные акушерки и пророчицы в час родов известны в *марчене* как Феи, Судьбы и Мэры.

(8) Река уносит прядь волос жены Битиу к ногам прачек фараона; благоуханием благоухает все царское белье. Фараон влюбляется в женщину, из локонов которой появился этот локон. Для примера этого случая сравните *Золушку*. В сантальском и индийском *марчене* хрустальную туфельку заменяет прядь волос, и влюбленный принц или принцесса женятся только на той, с головы которой слетела прядь. Здесь сам М. Коскен приводит сиамский, монгольский, бенгальский языки (Лай Бехар Дэй, стр. 86) и другие примеры того, как прядь волос заменяет туфельку, которой влюбленный сражен и по которой он узнает свою настоящую любовь.

(9) Жена Битиу открывает тайну его сердца. Люди фараона срубили акацию.

(10) Его брат читает в мутном пиве "Смерть Битиу". Он открывает сердце и жизнь в ягоде акации.

Излишне проводить современные параллели с различными трансформациями в жизни Битиу. Он становится быком Аписом, и его неверная жена желает его смерти и хочет съесть его печень, но его жизнь продолжается в других формах. Это всего лишь знакомая ситуация с ослом в *Peau d'Ane* (ослом, который явно был человеком до времен Перро).

Demandez lui la peau de ce rare animal!

В большинстве традиционных версий *Золушки* можно найти примеры чудовища, когда-то человека, убитого врагом, но все еще могущественного после смерти. Этот зверь играет роль, отведенную Перро фее-крестной. Идея также знакома по "*Махандельбому*" братьев Гримм (47) и была найдена Казалисом среди бечуанов.

(11) Злая жена добивается смерти быка Аписа благодаря *поспешной клятве* фараона (*Иеффая, Иродиада*).

(12) Из крови быка вырастают два дерева персея.

Здесь сам М. Коскен приводит параллели превращения крови в деревья из Гессена (Вольф, стр. 394) и из русского. Мы можем добавить древний лидийский миф. Когда боги убили Агдистиса, капля его крови превратилась в миндальное дерево, от плодов которого женщины беременели.*

* Pausanias, vii. 17.

(13) Дерево персея также срублено злой женой Битиу. Щепка с его ветвей проглатывается злой женой, которая зачинает, подобно Маргате из *Калевалы*, и рождает сына.

Только что процитированная история Агдистиса уместна, но тема имеет огромный диапазон, и любопытные могут обратиться к *"Сыновьям Вержа"* М. Х. Де Шаранси. Сравните также залив Сурья в *старые деканские времена* (6). Окончательное воскрешение Сурья-Бея в точности похоже на то, что описано в уже цитированной готтентотской сказке. Ревнивая соперница топит Сурью, она становится золотым цветком, ее сжигают, она становится манго; один из плодов падает в тыквенный сосуд с молоком, и из тыквенного сосуда, подобно девушке-готтентотке, выходит Сурья!

(14) Сыном дерева персея был Битиу, рожденный от его собственной неверной жены; и когда он вырос, он приказал предать ее смерти.

Даже беглый анализ этих происшествий из древнего Египта доказывает, что до того, как в истории появились упоминания об Индии, у народа фараонов был большой запас происшествий, прекрасно знакомых современному человечеству. Теперь, если одна-единственная египетская сказка дает такой богатый запас, очевидно, что собрание египетских сказок братьев Гримм могло бы и, вероятно, предоставило бы нам большинство ситуаций, распространенных в популярных сказках. Сам М. Коскен отмечает, что эти идеи не могут быть придуманы более одного раза (I. lxvii.). Другие египетские сюжеты, такие как *"принц Предопределенный"* (двадцатая династия) и известный *"Мастер-вор"* Геродота (ii. 121), являются просто знакомыми персонажами обычного типа и имеют множество хорошо известных персонажей. известные аналоги.

Из всех этих фактов М. Коскен не делает определенных выводов. Он спрашивает: Египет позаимствовал эти сказания из Индии или Индия из Египта? *А были ли арийцы в Индии во времена Рамзеса II?*

Эти вопросы не поддаются домыслам. Мы ничего не знаем об отношениях Египта с доисторической Индией. Мы не знаем, сколько эпох, возможно, существовало в Египте сказание о *двух братьях*, прежде чем Эннана, главный библиотекарь, записал его для казначея фараона Кагабу.

Что мы точно знаем, так это то, что если мы обнаружим, что большая часть всего запаса эпизодов популярной сказки полностью развита в одной-единственной истории задолго до того, как Индия стала исторической, совершенно напрасно утверждать, что все истории были импортированы из исторической Индии. Невозможно утверждать, что единственным центром распространения историй была не Индия басен, а Индия истории, когда мы обнаруживаем такое изобилие сюжетного материала в Египте еще до того, как, насколько известно, Индия даже стала Индией басен.

Эта тема в целом слишком туманна для удовлетворительного обсуждения. Несомненно, *мерчены* были в Египте как дома еще до того, как у нас появились основания полагать, что Египет и Индия знали о существовании друг друга.

Древность *мерчена* на берегу Нила связана с геологическим временем, если мы согласны с М. Масперо в том, что Битиу является формой Осириса, то есть что миф об Осирисе, возможно, развился из *мерчена*.

* Масперо, указ. соч., стр. 17, примечание 1.

Миф об Осирисе так же стар, как известный нам Египет, и история Битиу может быть либо *детритом*, либо зародышем мифа. Это придает ему неопишемую древность; и с помощью этого *мерчена* родственные и союзные *мерчены* заявляют о своей огромной древности. Но совершенно невозможно сказать, когда эти сказки были впервые придуманы. Мы не можем утверждать, что колыбелью истории является место, где она впервые получила литературную форму. Мы не знаем, откуда египтяне пришли на берег Нила; мы не знаем, принесли ли они эту историю с собой или нашли ее у какого-то безымянного древнего народа, возможно, беглецов из Кора или где-то еще. Мы не знаем, заимствовали ли отдаленные предки современных народов, африканских, европейских или азиатских, которые теперь владеют формами этой сказки, ее у народа более древнего, чем Египет, или у самого Египта. В настоящее время эти вопросы неразрешимы. Мы только знаем наверняка, что, когда мы где-либо находим какой-либо из многочисленных эпизодов истории о *Двух Братьях*, мы можем быть уверены, что их первоначальной родиной была не историческая Индия. Существует также предположение, что, если бы мы знали больше сказаний о Древнем Египте, мы могли бы с такой же уверенностью отказаться считать историческую Индию колыбелью многих других *стран*.

Таким образом, в противовес гипотезе о заимствовании из Индии мы приходим к некоторым четким и достоверным, хотя и негативным истинам.

1. Поскольку идеи "*Двух братьев*" характерны для *мэрчена* (и эти идеи неразрывно переплетены с некоторыми наиболее типичными легендами), *историческая* Индия, безусловно, не является колыбелью популярных сказок. Они встречаются гораздо раньше, уже в письменной литературе Египта.
2. Насколько эти идеи репрезентативны для *мерчена*, нет абсолютно никаких доказательств того, что *мерчен* произошел из Индии, будь то исторической или доисторической; также не доказана какая-либо связь между древним Египтом и доисторической Индией.
3. Насколько *мерчены* представлены идеями в "*Двух братьях*" и "*Предопределенном принце*", нет абсолютно никаких доказательств того, в каком регионе или где они были первоначально изобретены.

История Беллерофонта основана на *донни* в "*Двух братьях*"; *полет* - на другом; *Золушка* покоится на третьем; великан без сердца в его теле зависит от четвертого; *молочно-белый голубь* на том же самом; и эти инциденты происходят в готтентотском, бечуанском, самоедском, самоанский, а также в греческом, шотландском, немецком, гэльском языках, поскольку все эти инциденты существовали в египетском *марчене* четырнадцать за сто лет до Рождества Христова они *могли* быть рассеяны без вмешательства Индии. Один из белых налетчиков с

Северного моря, возможно, попал в плен, подобно Псевдоодиссею, в Египте; возможно, слышал рассказы; возможно, был выкуплен и привез эту историю в Грецию или Ливию, откуда ее получил грек. На юг он, возможно, прошел вверх по Нилу к Великим озерам, и вниз по Конго и Замбези, и дальше на юг вместе с ордами предков Т'Чаки. Все эти процессы возможны и даже вероятны, но абсолютно ничего не известно наверняка по этому вопросу. Насколько могут быть очевидны факты, все это могло бы произойти, если бы Индийского полуострова *не существовало*. Другим возражением против гипотезы распространения из исторической Индии является существование саг или эпических легенд, соответствующих марчену в до-гомеровской Греции. История Джейсона, например, в своих существенных чертах, пожалуй, самая широко распространенная из всех.* История о возвращении мужа и о том, как его с трудом узнала жена, центральная идея "*Одиссеи*", получила широкое распространение, и "*Одиссея*" (как Фенелон заставляет призрака Ахилла рассказывать Гомеру в Аиде) является *un amas de contes de vieilles*. Циклоп, Сирена, Сцилла и остальные ** Эти сказания дошли до Греции, по крайней мере, не из исторической Индии, и у нас нет оснований предполагать, что их источником была Индия на заре истории.

* Обычай и миф, "Повесть о далеких путешествиях".

** Gerland, Alt Griechische Marchen in der Odyssee.

Причины, по которым Индия считалась великим центром и истоком популярных историй, с другой стороны, превосходны, если теория достаточно ограничена. Причина в *истинной причине*. Марчен, безусловно, отправился из средневековой Индии и в изобилии достиг средневековой Европы и Азии. Не говоря уже об устных сообщениях в великих движениях, миссиях и переселениях, татарских, крестоносных, цыганских, коммерческих и буддийских — во всех из которых, должно быть, происходила "подмена историй", — несомненно, что западная литература фактически подверглась вторжению *соперников*, которые вторглись в литературу Индии.* Это факты, не вызывающие сомнений, но эти факты не должны быть положены в основу слишком широких умозаключений. Хотя так много историй явно было заимствовано из Индии в тот исторический период, не менее очевидно, что многие из них существовали в Европе до их появления. Опять же, как умело доказал автор в "*Атенеуме*" (23 апреля 1887 г.), литературные версии сказок, вероятно, оказали лишь ограниченное влияние на популярных рассказчиков, деревенских сплетниц и бабушек. Таким образом, ни один сборник опубликованных сказок никогда не был так популярен, как сборник Шарля Перро, который в течение многих лет издавался не только дешевыми книгами, но и более дешевыми брошюрами.

* Cosquin, op. cit., i. xv., xxiv.; Макс Мюллер, "Миграции басен", Избранные эссе, том ii., Приложение; Бенфи, Panchatantra; Компаретти, Введение в Книгу Синдибада, английский перевод Общества фольклора.

Однако Мсье Себийо и другие французские коллекционеры собирают, например, версии *Золушки* из уст крестьян, совершенно не затронутые версией Перро и богатые архаичными чертами, такими как присутствие чудотворного зверя вместо феи-крестной. Эта деталь встречается в кафрском, сантальском и финском, а также в кельтском, португальском и шотландском вариантах и сохранилась в популярных французских традициях, несмотря на

влияние Перро. Точно так же М. Карной находит лишь самые слабые следы влияния столь популярного сборника, как "*Арабские ночи*". Крестьяне рассматривают сказки, которые они читают в книгах, как нечто совершенно отличное от унаследованного ими запаса легенд. *

* Sebillot's popular Cendrillon is Le Taureau Bleu in Contes de la Haute Bretagne. См. также "Французские состязания" М. Карнуа, 1885, стр. 9.

Если печатная литература все еще имеет так мало власти над народной традицией, то рукописная литература средневековья, должно быть, имела гораздо меньшую власть, хотя иногда проповедники использовали *конкурсы* из Индии в качестве притч. Таким образом, мы должны остерегаться переоценки эффекта импорта из Индии, даже там, где он явно существовал. Даже версии, которые были принесены в Средние века устной традицией, должны были встречаться с версиями, давно устоявшимися в Европе, — версиями, которые, возможно, были актуальны до того, как какой-либо египетский писец увековечил легенду на папирусе.

Еще раз, индийская теория должна объяснить присутствие сказок в Африке и Америке среди народов, которые, как известно, вообще не имели никаких контактов с Индией. Там, где приводятся такие примеры, обычно говорят, что истории либо на самом деле не похожи на наш *мирчен*, либо совсем недавно завезены европейцами, голландцами, французами, англичанами и другими.* Здесь мы находимся на территории, где доказательства трудны, если не невозможны. Несомненно, французское влияние проявляется в определенных повествованиях, собранных у коренных племен Северной Америки. С другой стороны, когда *мерхен* переплетается с национальными традициями и поэзией отдаленного народа, а также с мифами, с помощью которых они объясняют себе природные особенности своей собственной страны, гипотеза о недавнем заимствовании у европейцев кажется недостаточной. Ярким примером является песня о сиати (форма мифа о Ясоне) у народа Самоа. ** Еще более примечательно присутствие толпы знакомых *людей* в национальных традициях уарочири, цивилизованной расы Южного Перу, жившей до инков. Они были опубликованы или, по крайней мере, собраны и записаны испанским священником Франсиско де Авиллой около 1608 года. Он отмечает, что "эти традиции глубоко укоренились в сердцах жителей этой провинции". *** Эти традиции относятся к определенным доисторическим инженерным сооружениям или почвенным авариям, в результате которых страна была осушена. Хуарочири объяснили их серией *стихов* о хутиакури, париаке (культурных героях) и о дружелюбных животных, которые помогали им привычным способом. Точно так же жители Марэ в Пуату должны отвечать за осушение страны - произведение двенадцатого века.

* Cosquin, op. cit, 1, xix.

** Самоа Тернера, стр. 102.

*** Обряды инков. Общество Хаклуит. Третий документ в книге. *Мерчен* были рассмотрены мной в "*Браке Купидона и Психеи*", стр. lxxii.

Они приписывают старые произведения местному герою Гаргантюа, который "выпил всю воду".* Никто не предполагает, что эта легенда заимствована у Рабле, и еще более невероятным кажется то, что хуарочири поспешно позаимствовали *слова* у испанцев и превратили их до 1600 года в национальные мифы.

* *Revue des Traditions Populaires*, April 25, 1887, p. 186.

У нас мало возможностей найти примеры отдаленных американских *языков*, записанных так рано, и в целом гипотеза о недавнем заимствовании у европейцев или у негров, находящихся под влиянием европейцев, по крайней мере, возможна, и было бы трудно доказать отрицательное. Но случай с хуарочири ставит под сомнение гипотезу о недавнем заимствовании как неизменной причине распространения *мерчена* в местах, недоступных исторической Индии.

Единственным способом (помимо прямых доказательств) доказать заимствование было бы показать, что идеи и обычаи, присущие исключительно индейцам (например), встречаются в *среде* людей, лишенных этих идей. Но было бы трудно требовать от верующих в индийскую теорию демонстрации таких пережитков. Во-первых, если *контес* были заимствованы, то создается впечатление, что новый "местный колорит" был придан им почти в момент переноса. Зулусский и кафрский *мирчен* пропитан зулусским и кафрским колоритом, а жизнь, которую они описывают, богата примерами довольно своеобразных местных обрядов и церемоний, которые редко, если вообще когда-либо, необходимы для развития сюжета рассказа. Таким образом, если рассказы "адаптируются" (подобно французским пьесам) в момент заимствования, было бы жестоко спрашивать сторонников индийской теории о следах индийских черт и идей в европейском *языке*. Опять же, за исключением особых, но несущественных вопросов этикета (таких как церемонии обращения с определенными родственниками или посвящение девочек в брачном возрасте), идеи и обычаи, встречающиеся в марчене, практически универсальны. Как было показано, сверхъестественные вещи - метаморфозы, равенство людей, зверей и вещей, магия и тому подобное - *is* универсальны. Таким образом, мало что остается такого, что можно было бы зафиксировать в качестве особого обычая или идеи какого-либо данного народа. Например, в некоторых вариантах *Кота в сапогах* на суахили, аварском, неаполитанском языках герой-зверь подчеркивает, что, когда он умирает, его следует *почетно похоронить*. Итак, какие народы устраивают животным почетные похороны? Мы знаем случаи с древними египтянами, самоанцами, арабами и афинянами (по крайней мере, в случае с волком), и, вероятно, их гораздо больше. Таким образом, нельзя доказать, что даже такая необычная идея или происшествие, как это, принадлежат определенному региону или исходят из какого-то одного первоначального центра. *

* См. Деулина, Гонта де ма Мир Л'Ойя и Рейнхольда Колера в "Сицилийском марше" Гонценбаха, № 65.

Таким образом, по самой природе дела М. Коскину и другим сторонникам индийской теории трудно доказать существование индийских идей в европейском обществе. Они также не устанавливают этот момент. Они настаивают на том, что *милосердие к животным* и

благодарность животных, в отличие от отсутствия благодарности у человека, являются индийскими и, возможно, буддийскими идеями. Так Будда отдал свое живое тело изголодавшейся тигрице. Но так, по словам Гарсиласо, обычно поступали подданные инков, а они не были буддистами. Звери в марчене, опять же, так же часто или даже чаще помогают людям без какого-либо мотива благодарности; и было бы справедливо утверждать, что понятие благодарности исчезло, потому что мы находим дружелюбных зверей по всему миру, тотемов и маниту, которым человек никогда не приносил пользы. Все благосклонности на стороне тотемов. Нет необходимости снова приводить доказательства по этой теме. М. Коскен добавляет, что вера в равенство и взаимозаменяемость атрибутов и аспектов между человеком и животным является "*une idee bien indienne*" и проистекает из доктрины метемпсихоза, "чтобы стереть различие между человеком и животным, и чтобы оставаться в живых навсегда". Но было продемонстрировано, что эта вера в равенство и родство не только всей живой, но и всей неодушевленной природы является самой основой философии австралийцев, зуни и всех других отсталых рас. Никакая идея не может быть менее характерной для Индии; она универсальна. Еще раз подчеркну, вера в то, что изменение формы (метаморфоза) может быть достигнуто путем смены кожи, путем надевания или снятия шкуры зверя, является не более "специфически индийской", чем другие концепции. Бенфи, безусловно, подчеркивал этот момент; * но легко привести примеры смены кожи и последующей метаморфозы из римских, североамериканских, древнескандинавских, тлинкитских, славянских и вогульских ритуалов и мифов. ** В европейском регионе сохранились лишь следы полигамии, чтобы говорить об особом индийском влиянии. *** Но полигамия не является чем-то особенным для Индии, и моногамия не является недавним институтом в Европе.

Пантшатантра, I 265.

** "Брак Купидона и Психеи", стр. lx., lxiv., где приведены примеры и авторитетные источники.

*** Коскен, соч. цит. по, i, xxx.

Таким образом, каждая "специфически индийская" идея, которую предполагается найти в марчене, оказывается практически универсальной. Таким образом, вся индийская гипотеза подвергается нападкам со всех сторон. *Конте* намного старше, чем *историческая* Индия. Ничто не вызывает даже предположения, что они впервые возникли в *доисторической* Индии. Их находят в местах, куда они вряд ли могли попасть из исторической Индии. Их идеи не являются сугубо индийскими, и хотя многие из них достигли Европы и Азии в литературной форме, заимствованной из Индии в средние века, и даже использовались в качестве притч в проповедях, все же в большинстве европейских народных сказок мало следов индийского влияния. Некоторые примеры этого влияния, например, когда "обрамление" восточной коллекции приобрело широкое распространение, можно найти в интересной книге профессора Крейна "*Итальянские народные сказки*", стр. 168, 359. Но признать это - совсем не то же самое, что утверждать, что все немецкие *Hausmarchen* произошли от "индийских и арабских оригиналов с необходимыми изменениями костюма и манер", как, по-видимому, считают некоторые студенты.

Что остается сделать, так это признать в незнании изначального центра *истории* и неспособности догматически решить, какие истории должны были быть придуманы только раз

и навсегда, а какие, возможно, возникли в результате простого смешения универсальных элементов воображения. Несомненно только, что нельзя ставить никаких ограничений силе распространения истории *per ora virum*. Оно может бродить везде, где бродят торговцы, куда тащат пленников, куда продают рабынь, где обычай экзогамии предписывает выбирать женщин инопланетянок. Таким образом, история распространяется по всему миру. Везде, где возможно человеческое общение, может развиваться история, и промежуток времени, в течение которого морские течения и сухопутные пути были открыты для истории, не имеет даты и неизвестен. Здесь история может сузиться до рассказа у домашнего очага; там она может стать эпосом в устах Гомера или романом в руках мадам Д'Олуа или мисс Теккерей. Дикарь превращает персонажей в зверей или птиц; эпический поэт или сагист сделал их героическими королями или прекрасными, зловещими волшебницами, дочерьми Солнца; французская графиня делает их принцессами и графинюшками. Подобно своим собственным героям, популярная история может принимать любую форму; подобно некоторым из них, она испила воды бессмертия.*

* Любопытное эссе мистера Х. Э. Уорнера о "Волшебном полете" настаивает на том, что в нем нет сюжета, а есть только случайное нагромождение атомов сюжета (Scribner's Magazine, июнь 1887 г.). В данном случае можно многое сказать в пользу выводов мистера Уорнера.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Забытый здравый смысл Фонтенеля

По мнению Аристотеля, большинство открытий и изобретений делались раз за разом и снова забывались. Возможно, Аристотель был не совсем прав в этой точке зрения; и его замечания, возможно, в основном относились к политике, в которой, несомненно, были предприняты все мыслимые и немыслимые эксперименты. В области, представляющей меньший общий интерес, а именно в объяснении абсурдности мифологии, истинная причина была открыта более ста лет назад человеком с большой репутацией, а затем тихо забыта. Почему древние народы — прежде всего, греки — рассказывали такие чрезвычайно грубые и иррациональные истории о своих Богах и героях? В этом загадка мифологического Сфинкса. Фонтенель ответил на этот вопрос кратко, остроумно и корректно; но ответом пренебрегли, и с тех пор полдюжины заученных, но невозможных теорий то входили, то выходили из моды. Только за последние десять лет идея Фонтенеля была не реанимирована, а открыта заново. Последователи мистера Э. Б. Тейлора, Маннхардта, Гайдоза и остальных, похоже, не осознают, что они всего лишь повторяют идеи племянника Корнеля.

Теория академика изложена в коротком эссе "Происхождение басен" (Сочинения: Париж, 1758, т. iii. стр.270). Мы с детства так привыкли, говорит он, к абсурдности греческих мифов, что перестали осознавать их абсурдность. Почему легенды о людях, зверях и Богах такие невероятные и отвратительные? Почему мы перестали рассказывать подобные истории? Ответ заключается в том, что древние люди находились в "состоянии почти непостижимой дикости и невежества" и что греческие мифы унаследованы от людей, находившихся в таком состоянии. "Посмотрите на кафров и ирокезов, - говорит Фонтенель, - если вы хотите знать, какими были

древние люди; и помните, что даже ирокезы и кафры - это люди с долгим прошлым, обладающие знаниями и культурой (*politesse*), которыми не обладали первые люди". Итак, чем более невежественен человек, тем больше чудес он воображает, что видит. Таким образом, первые повествования о первых людях были полны чудовищных вещей, "о свершившихся фактах рода, о судьбах человека, который выбирает, не останавливаясь на достигнутом". В системе мистера Тайлора это состояние соответствует путанице, которую дикарь вносит между снами и фактами, и галлюцинациям, которые преследуют его, когда он не получает своей обычной пищи. Таким образом, здесь у нас есть основа для безответственной фантазии.

Следующий шаг таков: даже самые грубые люди проявляют любопытство и спрашивают о "причине" явлений. "Я - член европейского философского сообщества, посвященного истории великих людей", и эта грубая философия "в значительной степени способствовала возникновению мифов". Люди искали причины вещей. "Откуда берется эта река?" — спросил размышляющий человек тех веков - странный философ, но тот, кто мог бы быть Декартом, живи он в наши дни. После долгих размышлений он пришел к выводу, что кто-то всегда должен наполнять источник, из которого вытекает ручей. А откуда берется вода? Наш философ не думал так любопытно. Он развил миф о водяной нимфе или наяде и на этом остановился. Характерной чертой этих мифических объяснений - как и всех философий прошлого, настоящего и грядущего — было то, что они были ограничены человеческим опытом. Опыт древнего человека показал ему, что следствия вызывались сознательными, чувствующими личными причинами, подобными ему самому. Он пришел к выводу, что все скрытые причины также были личностями. Эти люди являются *драматическими персонажами* мифа. Это был человек, вызвавший гром молотком или булавой; или это была птица, чьи крылья производили грохот.

"Из этой грубой философии, господствовавшей в ранние века, родились боги и богини" — божества, созданные не только по подобию человека, но и дикаря, каким он в своем невежестве и суеверии считал себя. Фонтенель мог бы добавить, что те воображаемые личностные причины, которые стали богами, также были созданы по подобию животных, которых древний человек считал равными себе или превосходящими. Но он пренебрегает этим моментом. Он правильно замечает, что мифические боги кажутся нам безнравственными, потому что они были придуманы людьми, чья мораль совершенно не походила на нашу — которые ценили справедливость меньше, чем власть, особенно (он мог бы добавить) магическую силу. По мере того как мораль перерастала в самосознание, боги совершенствовались вместе с совершенствованием людей; и "боги, известные Цицерону, намного лучше тех, что известны Гомеру, потому что к их созданию приложили руку лучшие философы". Более того, в самых ранних рассуждениях философия с богатым воображением объясняла все, что казалось необычным в природе; в то время как сфера философии была заполнена причудливыми повествованиями о фактах. Созвездия, называемые Медведями, считались метаморфозами мужчин и женщин. Действительно, "все метаморфозы - это физическая философия этих ранних времен", которая объясняла каждый факт тем, что мы теперь называем мифами об этиологической природе. Таким образом объяснялись даже особенности птиц и зверей. Куропатка летает низко, потому что Дедал (который видел, как его сын Икар погиб во время высокого полета) превратился в куропатку. Эта привычка ума, который находит историю для решения любой проблемы, сохраняется, замечает Фонтенель, в том, что мы сейчас называем фольклором - популярной традицией. Таким образом, говорят, что бузина приносила такие же хорошие ягоды, как и виноградная лоза, пока Иуда Искарот не повесился на ее ветвях. Эта история, должно быть, возникла позже христианства, но она в точности

идентична по характеру тем древним метаморфозам, которые собрал Овидий. Фонтенель утверждает, что фантазия, породившая эти и другие потрясающие мифы, не свойственна восточным народам. "Это свойственно всем людям", на определенной стадии развития ума - "в тропиках или в регионах вечных льдов". Таким образом, общемировое сходство мифов в целом является следствием общемирового единообразия интеллектуального развития.

Фонтенель намекает на свое доказательство этой теории. Он сравнивает мифы Америки с мифами Греции и показывает, что расстояние в пространстве и расовая разница не мешают перуанцам и афинянам быть "героями одной и той же сказки". "Ибо греки, при всем их интеллекте, изначально мыслили не более рационально, чем дикари Америки, которые также, по-видимому, были довольно примитивным народом (*assez nouveau*)". Он приходит к выводу, что американцы могли бы стать такими же разумными, как греки, если бы им предоставили досуг.

За исключением израильтян, Фонтенель решает, что все народы составляли поразительную часть своих мифов, когда были дикарями, и сохранили их от обычаев и религиозного консерватизма. Но мифы также заимствовались и обменивались ими между Финикией, Египтом и Грецией. Кроме того, неправильное понимание греками значений финикийских и других иностранных слов породило мифы. Наконец, предполагалось, что мифы содержат сокровища древней таинственной мудрости; и мифология объяснялась системами, которые сами по себе являются всего лишь мифами, историями, рассказанными учеными самим себе и публике.

"Забивать себе голову глупостями финикийцев и греков - это не наука, но это наука для того, чтобы понять, что заставило греков и финикийцев вообразить эти глупости". Лучшей и более краткой системы мифологии придумать было невозможно; но мистеры Кейсобоны этого мира пренебрегли ею, и даже сейчас она находится за пределами их понимания.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Ответ на возражения

В работе, которая, возможно, неизбежно содержит много спорных вопросов, казалось лучшим поместить в Приложении ответы на возражения против отстаиваемого метода. Это означает, что внимание меньше отвлекается от рассматриваемого вопроса, от изложения самого метода. Мы объявили о нашем убеждении, что определенный элемент мифологии происходит от ментального состояния дикарей. На это совершенно справедливо отвечают, что есть дикари и дикарщины, что среди рас, к которым обычно применяется термин "дикарь", существует огромное количество оттенков культуры и зарождающейся или уходящей в прошлое цивилизации. Это не только верно, но и является частью самой сути нашей теории. Мы утверждаем, что на миф ощутимо влияют многообразия культуры, преобладающие среди так называемых диких племен по мере того, как они приближаются к высшей стадии варварства

или сходят с нее. Антрополог является или должен был бы быть последним человеком, который свалил бы всех дикарей в одну кучу, как если бы все они находились на одном уровне культуры.

Когда мы говорим о "первобытном ментальном состоянии", мы имеем в виду ментальное состояние всех некультурных рас, которые все еще не в состоянии провести какую-либо четкую грань между человеком и одушевленными или неодушевленными вещами в мире, и которые объясняют физические явления на основе смутной теории, более или менее осознанно поддерживаемой, что вся природа одушевлена и наделена человеческими свойствами. Это состояние ума нигде не исчезло полностью; оно преобладает, в ограниченной степени, среди необразованного европейского крестьянства и среди детей образованных классов. Но это интеллектуальное состояние наиболее заметно и наиболее сильно среди рас, восходящих от состояния австралийских мурри и бушменов до сравнительно развитых маори Новой Зеландии и алгонкинов или зунийцев Северной Америки. Это те люди, которые для нашей настоящей цели должны быть кратко описаны как все еще находящиеся в диком состоянии воображения.

Опять же, против нашего метода постоянно возражают, что у нас нет знаний о прошлом рас, находящихся в настоящее время в состоянии дикости. "Дикари так же стары, как и цивилизованные расы, и их так же мало можно назвать примитивными", - пишет доктор Фэйрберн. * М-р Макс Мюллер справедливо жалуется на авторов, которые "говорят о сегодняшнем дикаре так, как будто он только что появился на свет, забывая, что как живой вид он, вероятно, ни на день не моложе нас".** Но г-н Макс Мюллер сам признал все, что мы хотим, а именно, *что дикари или кочевники представляют более раннюю стадию культуры, чем даже древние арии, говорившие на санскрите*. Это следует из утверждения ученого писателя, что языки дикарей, кафрский и так далее, все еще находятся в детстве, которое иврит и древнейший санскрит давно оставили позади. *** "Мы видим в них" (языках дикарей) "то, чего мы больше не можем ожидать увидеть даже в самом древнем санскрите или иврите. Мы наблюдаем за детством языка со всеми его детскими шалостями". Эти "шалости" являются результатом тех самых привычек дикарского мышления, которые мы считаем более древними, чем "самый древний санскрит".

* Академия, 20 июля 1878 года. а

** Гибб. Лект., стр. 66.

*** Лекции по языкознанию, 2-я серия, стр. 41.

Таким образом, мистер Макс Мюллер признал все, что нам нужно, — признал, что язык дикарей (и, следовательно, по его мнению, мысль дикарей) относится к более раннему слою, чем, например, язык Вед. Более ценной уступки опытный оппонент сделать не мог.

Однако выдвигаются возражения противоположного характера, а также утверждение, что мы ничего не знаем о прошлом дикарей. Дикари не всегда были такими, как сейчас; возможно, они выродились из более высокого состояния; их нынешние мифы могут быть искажением чего-то более чистого и лучшего; прежде всего, дикари не *примитивны*.

Все это утверждение, каким бы весомым оно ни было, не влияет на тезис настоящего рассуждения. Совершенно верно, что мы ничего не знаем непосредственно о состоянии,

скажем, австралийских племен тысячу лет назад, за исключением того, что они не оставили абсолютно никаких материальных следов более высокой культуры. Но мы также ничего не знаем непосредственно о состоянии индоевропейских народов за пятьсот лет до того, как филология вообразила, что она получила о них самое раннее представление. Мы должны принимать людей такими, какими мы их находим, и не должны слишком доверять нашим попыткам реконструировать их "темную отсталость". Что касается прошлого дикарей, то большинство антропологов признают, что некоторые племена, вероятно, знавали лучшие дни. Жители Огненного огня, бушмены и индейцы-диггеры, вероятно, были вытеснены более сильными расами со сравнительно счастливых мест и привычек, сравнительно укоренившихся в их нынешних домах и их нынешней временной нищете. *

* Огненные острова не такие уж черные (морально и социально), какими их иногда рисуют. Но вполне вероятно, что они "знавали лучшие дни". Если владение языком с, по-видимому, очень избыточным количеством слов является доказательством высокой цивилизации в прошлом, то огнеземельцы действительно деградировали. Но находка одного предмета местной керамики в австралийском кургане доказала бы нечто большее, чем просто изобилие неправильных глаголов.

Но хотя дегенерация признается как элемент истории, кажется, нет никаких осязаемых оснований полагать, что высшее состояние, которого когда-либо достигли бушмены, жители Огненного Огня или диггеры и от которого, как можно думать, они пали, было выше, чем более комфортная дикость. Как в дикой, так и в цивилизованной жизни бывают взлеты и падения, и, возможно, "коронованные расы могут деградировать", но у нас нет доказательств того, что предки диггеров или огнеземельцев были "коронованной расой". Их спуск был сравнительно не очень глубоким; их предполагаемая прежняя высота была не очень высокой. Как замечает г-н Тайлор, "Поскольку история должна быть нашим критерием, прогресс первичен, а деградация вторична; культура должна быть приобретена до того, как ее можно будет потерять". Одну вещь о прошлом дикарей мы точно знаем: это, должно быть, было давнее прошлое, и в нем, должно быть, был период, когда у дикаря было еще меньше того, что Аристотель называет (---), еще меньше оборудования и провизии, необходимых для благородной жизни, чем у него есть в настоящее время. Его прошлое, должно быть, было долгим, потому что много времени потребовалось для развития его чрезвычайно сложных обычаев, таких как законы о браке и строгий этикет. Мистер Герберт Спенсер вывел из многообразия, разработанности и широкого распространения австралийских законов о браке вывод о том, что когда-то австралийцы были более цивилизованными, чем сейчас, и когда-то у них было своего рода центральное правительство и полиция. Но рассуждать таким образом - значит отступать от древнегреческой теории, которая для каждого традиционного обычая представляла древнего законодательного героя, наделенного талантом придумывать законы и властью обеспечивать их соблюдение. Более общепринятый взгляд современной науки состоит в том, что закон и обычай - это вещи, которые медленно эволюционировали под давлением человеческих обстоятельств. Несомненно, что обычный процесс - это переход от крайней сложности дикаря к ясной простоте цивилизованных правил запретных степеней. Везде, где мы видим развивающуюся цивилизацию, мы видим, что она не устанавливает новых, сложных и непостижимых правил, а скорее избавляется от старых, сложных и непостижимых правил, завещанных ей дикостью.

Этот процесс особенно ярко проявляется в законах о запретных степенях брака — законах, сложность которых у австралийцев или североамериканских индейцев "может озадачить

математика", а простота которых в цивилизованной стране кажется понятной даже ребенку. Но хотя изощренность и строгость дикарского обычного права указывают на более, а не менее варварское прошлое, они также указывают на прошлое неисчислимой продолжительности. Где-то в том прошлом также очевидно, что в материальном отношении дикарь, должно быть, был еще в худшем положении, чем сейчас. Даже сейчас он может разжечь огонь; у него есть лук, или бумеранг, или духовая трубка, и он достиг очень значительного мастерства в использовании своих собственных грубых кремневых инструментов и оружия с кварцевыми наконечниками. Итак, человек, конечно, не был рожден с огнем; он пришел в мир не с луком или бумерангом в руке, не с инстинктом, который научил его зазубривать рыболовные крючки. Эти орудия он должен был научиться изготавливать и использовать, и пока он не научился их использовать и изготавливать, его состояние неизбежно должно было быть более бедным в материальном оснащении, чем у любой расы, известной нам исторически. Таким образом, все, что можно сделать о прошлом дикарей, - это то, что оно длилось очень долго и что в какой-то период человек был более материально обездолен и, следовательно, более борющимся и заброшенным, чем были австралийские мурри, когда их впервые обнаружили европейцы. Даже тогда определенные расы *могли* обладать интеллектуальными способностями, превосходящими возможности других рас. Возможно, первые отцы белых народов Севера начинали с лучших мозгов и телосложения, чем первые отцы веддов Цейлона; но все они начинали голыми, без инструментов и огня. Единственный способ избежать этих выводов - утверждать, что люди или некоторые привилегированные расы людей были созданы с цивилизованными инстинктами и привычками мышления и были чудесным образом обеспечены предметами первой необходимости для жизни или были чудесным образом проинструктированы производить их, не проходя медленных стадий эксперимента, изобретения и модификации. Но с таким же успехом мы могли бы предположить, как и некоторые ранние библейские комментаторы, что обнаженный Адам в Раю был чудесным образом облачен в одеяние из сияющего света. Против таких убеждений мы можем только сказать, что они не имеют прямого исторического подтверждения какого-либо рода.

Но если, ради аргументации, мы примем веру в то, что первобытный человек был чудесным образом наделен даром и сразу же перешел на стадию простой и счастливой цивилизации, наш тезис все равно останется неизменным. Цитировалось высказывание доктора Фейрберна: "Дикари так же стары, как и цивилизованные расы, и их так же мало можно назвать примитивными". Но мы не хотим называть дикарей примитивными. Мы уже говорили, что у дикарей за плечами долгая неизвестная история и что (за исключением предположения о чудесном просветлении, за которым последовала деградация) их прошлое, должно быть, было связано с медленным развитием их грубых искусств, их странных верований и изощренных обычаев. Несомненно, нет ничего "примитивного" в человеке, который умеет пользоваться бумерангом и который должен приписывать каждый отдельный сустав кенгуру, которого он убивает, отдельному члену своего семейного круга, в то время как с некоторыми из этих членов ему запрещено законом разговаривать. Люди не рождались на свет со всеми этими представлениями. Самый низкий дикарь отыскал или унаследовал множество изобретений, и его нельзя назвать "примитивным". Но в наших аргументах никогда не говорилось о том, что дикари *are* примитивны. Наш аргумент не считает необходимым утверждать, что дикость - это состояние, из которого вышли все люди. О том, что было "примитивным", поскольку у нас нет исторической информации по этому вопросу, мы вообще не высказываем никакого мнения. Человек может, если кому-то нравится так думать, появиться на земле в состоянии

совершенства и, возможно, выродиться из этого состояния. Примерно такого мнения, что чистота и разумность "ближе к началу", чем абсурд и неразумность, по-видимому, придерживается м-р Макс Мюллер, который замечает: "Я просто говорю, что в Ведах мы имеем более близкий подход к началу и понятному началу, чем в диких заклинаниях готтентотов или бушменов". *

* Лекции об Индии.

Не добавит ли г-н Мюллер: "Я просто говорю, что в искусстве и политическом обществе ведической эпохи мы ближе подошли к началу, чем в искусстве и обществе готтентотов и бушменов"? Является ли использование колесниц, лошадей, кораблей — царей, городов, окруженных стенами, сельского хозяйства, искусства ткачества и так далее, - все это, знакомое ведическим поэтам, ближе к началу человеческой цивилизации, чем жизнь обнаженного или одетого в шкуры охотника, который еще не научился обрабатывать металлы, который не признает царя и не имеет определенного места жительства? Если нет, то почему религия цивилизованного человека ближе к началу, чем религия человека нецивилизованного? Мы уже видели, что, по мнению г-на Макса Мюллера, его формулировки гораздо дальше от начала.

Каким бы ни было первобытное состояние человека, несомненно, что дикость была стадией, через которую он прошел со своими институтами или у которой он обильно позаимствовал. Возможно, он выродился из совершенства или из скромного вида безвредной простоты в дикость. Возможно, он поднялся до дикости из чисто животного состояния. Но как бы то ни было, современные дики в настоящее время находятся в диком состоянии, а предки цивилизованных рас прошли через подобное дикое состояние или заимствовали его у него. Как говорит мистер Тайлор, "Нет необходимости выяснять, как на земле впервые возникло дикое состояние. Достаточно того, что тем или иным способом оно действительно возникло". * Это стадия, через которую прошли все общества, или (если это можно оспорить) состояние вещей, из которого все общества позаимствовали. Этот взгляд на дело был хорошо изложен М. Дарместетером.**

* Прим. Культ., i 37.

**"Ревю Критик", январь 1884г.

Он говорит об истории религии. "Если дики не представляют религию в ее зародыше, если они не являются примером того расплывчатого и неопределенного явления, которое обычно называют "первобытной религией", то, по крайней мере, они представляют собой стадию, через которую прошли все религии. Доказательством является то, что очень небольшое исследование цивилизованных религий обнаруживает поразительное сходство между наиболее существенными элементами цивилизованных и неисторических верований ". Доказательства этого были приведены, когда мы рассматривали мифы Греции.

Далее мы должны подвергнуть критике попытки дискредитировать *свидетельства*, на которые мы опираемся в наших знаниях об интеллектуальном строении дикаря, его религиозных идеях, мифах и легендах. Если эти доказательства не имеют ценности, то вся наша теория основана на песке.

Трудности на пути получения достоверной информации об идеях, мифах и психических процессах дикарей не только провозглашаются противниками антропологического метода, но и откровенно признаются самими антропологами. Задача трудоемкая и деликатная, но не невыполнимая. Преимущество антропологии, во всяком случае, состоит в том, что она изучает фактическое, бесспорно существующее положение вещей, просеивает свидетельства относительно этого положения вещей, изучает возможности, осмотрительность и честность свидетелей - это часть бизнеса антропологии. Наука, основанная на некритическом принятии всех сообщений миссионеров, путешественников, торговцев и "выходцев с пляжей", ничего бы не стоила. Но, как будет показано, антропологии повезло, что у нее есть пробный камень, "подобный тому", как говорит Феокрит, "которым менялы пробуют золото, чтобы, возможно, неблагородный металл не сошел за настоящий".

"Трудности, с которыми сталкиваются путешественники и миссионеры при описании религиозной и интеллектуальной жизни дикарей", были занесены в каталог г-ном Максом Мюллером. Поскольку он вряд ли опустил что-либо, что противоречит свидетельствам миссионеров и путешественников, мы можем принять его заявление в сокращенной форме, с критическими замечаниями и с нашими собственными дополнительными иллюстрациями. *

* Лекции Хибберта, стр. 9

Во-первых, "Немногие мужчины вполне устойчивы к колебаниям общественного мнения". Таким образом, во времена Руссо многие путешественники видели дикарей глазами Руссо, то есть как образцы простого "естественного состояния". Точно так же, мы можем добавить, современные образованные путешественники склонны видеть дикарей в свете, пролитом на них мистером Тайлором или сэром Джоном Лаббоком. Мистер Им Турн из Гвианы видит глазами мистера Тайлора; господа Дж. Файсон и Ховитт, представители австралийского племени камиларой, смотрят глазами мистера Льюиса Моргана, автора книги *"Системы кровного родства"*. Очень хорошо; мы должны учитывать предвзятость в каждом конкретном случае. Но что мы можем сказать, когда путешественники, жившие задолго до Бегнара, сообщают в точности о тех же фактах жизни дикарей, что и остроумный француз, написавший, что "после обезьяны лапландец - животное, наиболее близкое к человеку"? Что мы должны сказать, когда моряк, или путешественник с пляжа, или переводчик с индийского, который никогда не слышал о Руссо, привозит из Канады или с Маркизских островов сообщение об идеях или обычаях, которые опытный антрополог находит в Новой Гвинее или на островах Адмиралтейства и с которыми инка Гарсиласо де ла Вега был знаком в Перу? Если уэслианский миссионер в Южной Африке попал в ту же историю, что и иезуит в Парагвае или Китае, в то время как лютеране на Камчатке сообщают те же сведения, что и они, и все трое получают поддержку от потерпевшего кораблекрушение моряка на Тонге и скваттера в Квинсленде, а также от свидетельств древних времен и стран, от Страбона, Диодора и Павсания, что тогда? Разве не ясно, что если греки-язычники, иезуиты и уэсли, скваттеры и антропологи, толкователи индейцев и отцы христианской церкви - все согласны в том, что та или иная идея или та практика применима в их собственное время и в их странах, то на их свидетельства, по крайней мере, не влияют "колебания общественного мнения"? Этот критерий непреднамеренного совпадения свидетельств, почерпнутых у протестантов, католиков, язычников, скептиков, из классических, средневековых и современных времен, от людей образованных и необразованных, является пробным камнем антропологии. Следует признать, что единодушные свидетельства людей на

всех стадиях веры и предрассудков, невежества и образованности не могут совпадать, поскольку они действительно совпадают, в силу некоторого "колебания общественного мнения". Следует сожалеть, что в описании г-ном Максом Мюллером трудностей, с которыми сталкивается изучение религиозных идей дикарей, он полностью опускает упоминание, с другой стороны, подтверждения, полученного из непреднамеренного совпадения независимых свидетельств. Этот момент настолько важен, что, возможно, будет уместно процитировать утверждение мистера Тайлора о ценности антропологического критерия:

Заслуживает внимания тот факт, что описания сходных культурных феноменов, повторяющихся в разных частях света, на самом деле являются случайным доказательством их собственной подлинности. Несколько лет назад один выдающийся историк задал мне вопрос, подчеркивающий эту точку зрения: "Как может утверждение об обычаях, мифах, верованиях и т.д. дикого племени рассматриваться как свидетельство, если оно зависит от свидетельства какого-то путешественника или миссионера, который может быть поверхностным наблюдателем, более или менее несведущим в родном языке, небрежным распространителем нетривиальных разговоров, человеком, предубежденным или даже умышленно лживым?" Этот вопрос, действительно, должен быть ясно и постоянно поставлен перед каждым этнографом. Конечно, он обязан использовать свое лучшее суждение относительно достоверности всех авторов, которых он цитирует, и, по возможности, получить несколько отчетов для подтверждения каждой точки в каждом населенном пункте. Но именно сверх этих мер предосторожности возникает проверка на рецидив. Если два независимых посетителя разных стран, скажем, средневековый мусульманин в Татарии и современный англичанин в Дагомее, или миссионер-иезуит в Бразилии и уэслианец на островах Фиджи, соглашаются в описании какого-либо аналогичного искусства, или обряда, или мифа у людей, которых они посетили, становится трудно или невозможно отнести такое соответствие к случайности или умышленному мошенничеству. История, рассказанная бушрейнджером в Австралии, возможно, вызовет возражения как ошибка или выдумка; но сговорился ли с ним методистский священник в Гвинее, чтобы обмануть общественность, рассказав там ту же историю? Возможность преднамеренной или непреднамеренной мистификации часто исключается таким положением вещей, что подобное заявление сделано в двух отдаленных странах двумя свидетелями, из которых А жил за столетие до Б, а Б, похоже, никогда не слышал об А. Насколько далеки эти страны, насколько далеки друг от друга даты, насколько различны вероисповедания и характеры наблюдателей в каталоге фактов цивилизации, не нуждается в дальнейшем объяснении любому, кто хотя бы взглянет на сноски к настоящей работе. И чем более странным является утверждение, тем меньше вероятность того, что несколько человек в нескольких местах сделали это неправильно. Учитывая это, представляется разумным заключить, что эти утверждения в основном действительно даны и что их близкое и закономерное совпадение обусловлено появлением сходных фактов в различных областях культуры. Теперь таким образом подтверждаются наиболее важные факты этнографии. Опыт через некоторое время приводит студента к ожиданию и обнаружению того, что явления культуры, являющиеся результатом широко действующих сходных причин, должны повторяться в мире снова и снова. Он даже не доверяет отдельным утверждениям, которым, как он знает, нет аналогов в других местах, и ждет, когда их подлинность будет подтверждена соответствующими отчетами с другого конца земли или с другого конца истории. Средства аутентификации действительно настолько сильны, что этнограф в своей библиотеке иногда может позволить себе решить не только, является ли конкретный исследователь проникательным и честным

наблюдателем, но и соответствует ли то, что он сообщает, общим правилам цивилизации. *Non quia, sed quid.*

В качестве дополнения к замечаниям м-ра Тило следует добавить, что антропология быстро усложняет накопление свежих и заслуживающих доверия свидетельств, как никогда. Путешественники и миссионеры начали читать книги по антропологии, и поэтому антропологические теории с гораздо большей вероятностью искажают их свидетельства, чем это было раньше. Когда м-р М'Леннан писал о "тотемах" в 1869 году *, он мог сказать: "Некоторой компенсацией за полноту отчетов является то, что мы можем полностью доверять им, поскольку тотем до сих пор не был замешан в спекуляциях, и, соответственно, наблюдатели были беспристрастны. Но по мере того, как антропология сейчас изучается все шире, получить *наивные* свидетельства невежества и удивления становится все труднее".

"Двухнедельное обозрение", октябрь 1869г.

Теперь мы можем утверждать, что, хотя на показания каждого отдельного свидетеля могут влиять колебания мнений, тем не менее единодушные их показаний, когда они единодушны, остается непоколебимым. Тот же аргумент применим к личным склонностям, предубеждениям и методу исследования каждого отдельного наблюдателя.

Путешественники в целом и миссионеры в частности подвержены предубеждениям несколькими различными способами. Миссионер иногда стремится доказать, что религия может прийти только через откровение, и что некоторые племена, не получив никакого откровения, вообще не имеют религии или религиозных мифов. Иногда миссионер, с другой стороны, стремится продемонстрировать, что мифы его языческой паствы являются искаженной версией библейского повествования. В первом случае он пренебрегает изучением мифов дикарей; во втором он бессознательно приспособливает то, что он слышит, к тому, что он называет "правдой". В наши дни миссионер часто смотрит глазами мистера Герберта Спенсера. Путешественник, который не является миссионером, может либо иметь те же предрассудки, либо он может быть скептиком по отношению к богооткровенной религии. В последнем случае он, возможно, бессознательно стремится вложить пародийные версии библейских историй в уста своих информаторов-туземцев или представить дикарей как высмеивающих (доктор Моффат обнаружил, что они действительно высмеивали) библейские традиции, которые он им передает. И снова мы должны помнить, что наводящие вопросы европейского исследователя могут дать дикарю нить, на которую можно нанизать ответы, предложенные самими вопросами. "У вас когда-нибудь было сильное наводнение?" "Да". "Был ли кто-нибудь спасен?" С наводящего вопроса начинается выдумка дикарем мифа о Потопе, идея которого, возможно, никогда раньше не приходила ему в голову.

Последнее является источником ошибки, на которую указал мистер Кодрингтон:*

* Антропологический журнал. Inst, февраль 1881г.

"Вопросы европейца - это нить, на которой осаждаются идеи туземца". Теперь, поскольку европейские исследователи склонны задавать во многом одни и те же вопросы, народ, который, подобно некоторым кельтам и дикарям, "всегда отвечает утвердительно", везде даст во многом одни и те же ответы. М-р Ромилли в своей книге о Западной части Тихого океана *

замечает: "В некоторых частях Новой Британии, если бы незнакомец спросил: "Есть ли в горах люди с хвостами?", ему, вероятно, ответили бы "Да", поскольку именно такого ответа, по мнению нового британца (и северного британца тоже, очень часто) ", от него ожидали бы, и он был бы удивлен". скорее всего, это принесет удовлетворение. Ход мыслей в его голове был бы примерно таким: "Он должен знать, что таких людей не существует, но он не мог задать такой глупый вопрос без цели, и поэтому он хочет, чтобы я сказал "Да!" Конечно, первое "Да" влечет за собой множество других, и за очень короткое время все становится известно об этих хвостатых людях, и полный отчет о них отправляется домой ".

То, что верно в отношении хвостатых, применимо и к ответам местных жителей о мифах и обычаях, когда вопросы задают люди, которые не завоевали доверия народа и не выяснили свои истинные верования путем длительного и терпеливого наблюдения. Это нужно иметь в виду, когда миссионеры говорят нам, что дикари верят в одно верховное божество, в посредника и тому подобное, и это нужно иметь в виду, когда они говорят нам, что у дикарей вообще нет высшего существа. Мы всегда должны быть осторожны! Очень приятный пример непоследовательности в сообщениях об одной и той же расе можно найти при сравнении отчета о кхондах в тринадцатом томе Королевского азиатского общества с отчетом, приведенным генералом Кэмпбеллом в его *личном рассказе*, спрашивающий в первом случае не знал языка кхондов и доверял переводчикам, которые позже были изгнаны с государственной службы. Генерал Кэмпбелл, с другой стороны, считал себя "пользующимся доверием священников и вождей", и его описание совершенно иное. В случаях противоречий, подобных этим, антропологу лучше оставить субъекта в покое, если только у него нет очень веских причин верить тому или иному из спорящих свидетелей.

Западная часть Тихого океана и Новая Гвинея, Лондон, 1886, стр. 3-6.

* Лекции Хибберта, стр. 92.

Теперь мы рассмотрели возражения, которые могут быть выдвинуты против предвзятости свидетелей.

Г-н Макс Мюллер выдвигает еще одно возражение по поводу "отсутствия признанных авторитетов среди дикарей".* Это отсутствие авторитета не всегда является полным; у маори, например, есть традиционные гимны, обладающие большим авторитетом и древностью. Часто встречаются священные песни и обычаи (сохраненные краснокожими индейцами в песнопениях, записанных рисунками на бересте), и всегда есть какое-то наставление от матерей своим детям или в Мистериях. Все это, но, прежде всего, почти неизменная святость *обычая*, являются источниками доказательств. Но, конечно, история одного дикаря-информатора может сильно отличаться от истории его соседа. Первый может быть белой вороной в племени, следующий может быть святым в округе. "Европейские путешественники будут рассматривать обоих как безупречных авторитетов в том, что касается их религии". Это слишком сильно сказано. Даже любознательный скваттер с большим доверием отнесется к сообщениям о его религии чернокожего с приличным характером или чернокожего, который лишь недавно смешался с белыми людьми, чем к сообщениям бездельника, набивающего ромовую нагрудную повязку, с окраинных станций или чернокожего профессионального игрока в котелки на колониальном крикетном поле. Наши лучшие свидетельства получены от

лингвистов, которые были посвящены в тайные Мистерии. Еще больше миссионеров и ученых, таких как Блик, Хан, Кодрингтон, Кастрен, Гилл, Каллауэй, Тил и остальные, будут просеивать и сравнивать свидетельства наиболее заслуживающих доверия местных информаторов. Заслуги путешественников, которых мы назвали в качестве наблюдателей и ученых, безоговорочно признаны самим г-ном Максом Мюллером. К их заявлениям мы также можем применить критерий: подтверждает ли отчет Блика от бушменов и готтентотов сообщение Кастрена от финнов? Рассказывает ли Кодрингтон в Меланезии ту же историю, что Джилл в Мангии или Тил у кафров? Все ли они подтверждены Шарлевуа, Лафито и Бребефом, древними католическими апостолами североамериканских индейцев? Если это так, то мы можем предположить, что расследователям удалось вытянуть правдивые сведения из некоторых своих местных информаторов. Цель исследования, конечно, состоит в том, чтобы выяснить не то, что могут думать несколько более образованных и благородных членов племени, и не то, что какой-нибудь оригинальный спекулятивный мыслитель из низшей расы мог выработать для себя, но установить общий характер идей, наиболее популярных и широко распространенных среди отсталых народов.

Третье возражение заключается в том, что священники диких племен не являются безупречными авторитетами. Следует отметить, что даже у христианского духовенства есть свои разногласия. Естественно, мы ожидаем большинства оттенков мнений там, где больше всего знаний и больше всего свободы, но свобода дикого неортодоксализма действительно очень широка. Мы могли бы почти сказать, что (как и в греческой мифологии) у дикарей *нет* ортодоксальной мифической доктрины. Но среди незначительных различий мы нашли много идей, которые универсальны как в мифах дикарей, так и в мифах цивилизованных народов. *Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*. Именно на этом универсальном элементе веры, а не на расхождениях местных священников, мы должны сосредоточить наше внимание. Во многих разных городах Греции было показано место рождения или гробница того или иного божества. Существенный момент заключается в том, что все согласились с утверждением, что бог родился или умер.

Еще раз — и это важный момент, когда нам говорят, что священники отличаются друг от друга в своих высказываниях, — мы должны помнить, что сами эти различия практически универсальны во всех мифологиях, даже в мифологии цивилизованных рас. Таким образом, если один дикий авторитет заявляет, что люди первоначально произошли из деревьев, в то время как его соплеменник утверждает, что человеческая раса была создана из глины, а третий свидетель утверждает, что его первые предки появились из ямы в земле, а четвертый настаивает на том, что его предки произошли от лебедя или змеи, а пятый утверждает, что человечество произошло от других животных форм, эти дикарские утверждения кажутся противоречивыми. Но когда мы обнаруживаем (что мы и делаем) точно такие же противоречия, повторяющиеся повсюду среди цивилизованных народов, в Греции, Индии, Египте, а также в Африке, Америке и Австралии, кажется, больше нет причин не доверять различным версиям мифа, которые приводят различные жрецы или вожди. Каждый свидетель рассказывает только ту легенду, которую он слышал и предпочитает, и именно сосуществование всех этих отдельных чудовищных верований составляет загадку и привлекательность мифологии. Короче говоря, расхождения в мифах дикарей не являются аргументом против достоверности нашей информации по данной теме, потому что сами расхождения повторяются в цивилизованных мифах. *Semper et ubique, et ab omnibus*. Возражать против наличия противоречивых свидетельств — значит возражать против мифологии за то, что она мифологична.

Другое возражение вытекает из "нежелания дикарей говорить о религии" и из того, что их трудно понять, когда они все-таки говорят о ней. Вряд ли это применимо, когда европейцев посвящают в мистерии дикарей. Мы можем добавить наглядный пример сложности изучения чужих религий. Оно дано Гарсиласо де ла Вега, сыном принцессы инков и сподвижником Писарро.*"

Гарсиласо де ла Вега, Королевские комментарии, том, i. 123.

Метод, который наши испанцы использовали при написании своих исторических трудов, состоял в том, чтобы спрашивать индейцев по-испански о том, что они хотели у них узнать. Они, из-за отсутствия четких знаний о древних вещах или из-за плохих воспоминаний, говорили им неправильно или смешивали поэтические басни со своими ответами. И хуже всего было то, что ни одна из сторон не обладала более чем весьма несовершенным знанием языка другой, чтобы понять запрос и ответить на него.... В этой великой неразберихе священник или мирянин, задававший вопросы, вкладывал в них тот смысл, который был наиболее близок к желаемому ответу или который больше всего походил на то, что, как было понято, сказал индеец. Таким образом, они толковали в соответствии со своим удовольствием или предубеждением и записывали вещи как истины, которые индейцам и не снились. В качестве примера таких сравнений Гарсиласо приводит открытие учения о Троице среди жителей Перу. Было обнаружено, что так называемая *Икона* соответствует Отцу, Сыну (*Пакаб*) и Святому Духу (*Эструа*); не было недостатка ни в Богородице, ни даже в Святой Анне. "Все эти вещи - выдумки испанцев". Но как только Гарсиласо осудил испанцев и их метод, он спешит проиллюстрировать на собственном примере еще одну трудность, с которой мы сталкиваемся в поисках доказательств существования мифов. Он говорит, как будто это непреложный факт, что Тласолтеут, разновидность Приапа, бога похоти, и Ометоктилти, бога пьянства, и бога убийства, и другие, "были именами *мужчин и женщин*, которым уроженцы этой земли поклонялись как богам и богиням". Таким образом, Гарсиласо эухемеризуется дерзко, как и Саагун в своем рассказе о мексиканской религии. Мы не имеем права предполагать, что боги природных сфер (не больше, чем Дионис, Приап и Арес) когда-то были настоящими людьми и были обожествлены, на основании таких свидетельств, как заявление Гарсиласспа. Он высказывает свою собственную эвгемеристскую догадку, как будто это само собой разумеющееся, и это распространенный обычай даже среди наиболее умных первых миссионеров.

Другой пример естественной трудности изучения мифов дикарей можно взять из книги м-ра Спроута "*Сцены жизни дикарей*" (1868). В работе мистера Спроута есть честность и прямота, которые сами по себе, по-видимому, снимают с этого свидетеля, по крайней мере, обвинения в поспешности или предвзятости. Религия дикарей, говорит этот исследователь, "является предметом, относительно которого путешественник может легко составить ошибочное мнение из-за практической трудности, даже для человека, владеющего языком, установить истинную природу их суеверий. Эта короткая глава является результатом более чем четырехлетнего расследования, проводившегося неустанно, при благоприятных обстоятельствах. Существует постоянное искушение, от которого непредвзятый наблюдатель не может быть вполне свободен, заполнить в своем уме, без надлежащего материала, пробел между тем, что известно о религии туземцев наверняка, и большей, менее известной частью, о которой можно только

догадываться; и я часто обнаруживал, что, поддавшись этому искушению, я формировал в своем собственном сознании связанное целое, разработанное так, чтобы оно совпадало с какой-нибудь остроумной теорией, которая, возможно, хотела бы быть верной. Вообще говоря, я думаю, необходимо с подозрением относиться к *любому очень регулярному сообщению*, которое путешественники дают о религии дикарей ". (Тем не менее, мы видели отсутствие "регулярности", различия во мнениях среди священников, против которых возражал г-н Макс Мюллер как доказательство ненадежного характера наших свидетельств.) "Настоящие религиозные представления дикарей невозможно отделить от расплывчатой и неоформленной, а также звериной и гротескной мифологии, с которой они смешаны. Слабые борющиеся усилия нашей натуры на столь ранней или столь малоразвитой стадии морального и интеллектуального развития могут породить лишь мешанину мнений и верований, не заслуживающих эпитета религиозных, которых свободно придерживаются сами люди, и их нелегко обнаружить или объяснить ". Когда мы пришли к цивилизованным мифологиям, мы обнаружили, что они также "звериные и гротескные", "расплывчатые" и представляют собой "смесь мнений и верований ".

Мистер Спроут провел "два года среди АНТ, постоянно думая об их религиозных верованиях", прежде чем смог обнаружить, что у них вообще были какие-либо такие верования. Торговцы заверили его, что у них их нет. Он обнаружил, что АНТ "любили мистификацию" и "надувательство"; и, короче говоря, этот исследователь, живущий с Аht как с Аht, не обращал внимания на всякого рода обстоятельства, которые могли бы опровергнуть его изложение их мифов. *

* С. 203-205.

Теперь, когда мы видим, что м-р Кодрингтон принимает те же меры предосторожности в Меланезии, и когда его рассказ о меланезийских мифах читается как точная копия рассказа м-ра Спроута об этих легендах, и когда оба они подтверждаются сборниками Блика, и Хана, и Джилла, и Кастрена, и Эйнка в самых отдаленных уголках мира, в то время как современные свидетельства этих ученых людей согласуются с показаниями старых миссионеров-иезуитов и необразованных авантюристов, много лет проживших с дикарями, несомненно, это будет признано что трудность выяснения мнения дикарей была в значительной степени преодолена. Если все свидетельства неверны, совпадения свидетельств друг с другом и диких мифов, которые они сообщают, с мифами греков и арийцев Индии будут не чем иным, как чудом.

Теперь мы рассмотрели возражения, выдвигаемые против системы, основанной на сравнительном изучении мифов дикарей. О нас нельзя сказать (как это было сказано о Де Броссе), что "все, что мы находим в путешествиях моряков и торговцев, является желанным для нас; что у нас есть теория для защиты, и все, что кажется подтверждающим ее, несомненно, верно". Наши свидетельства в очень значительной степени основаны на сообщениях миссионеров, которые признаны учеными и трезвомыслящими людьми. Это подтверждается другими свидетельствами, католическими, инакомыслящими, языческими, научными, а также сообщениями неграмотных людей, непредвзятых наукой и мало предвзятых религией.

Но мы еще не исчерпали наши доказательства и не прибегли к нашему окончательному критерию. Это свидетельство, этот критерий получены из изучения сравнительных институтов, сравнительных ритуалов, сравнительного права и сравнительных обычаев. В широко распространенных обрядах и институтах, которые находят свое выражение в реальной

практике, мы имеем несомненные доказательства идей, на которых основаны обычаи. Например, если человек отдает свой вампум, или ямс, или наконечники стрел магу за профессиональные услуги, из этого следует, что он *действительно* верит в магию. Если он предает смерти соплеменника за грех женитьбы на женщине, с которой он был в родстве только в силу общего происхождения от одного и того же животного или растения, из этого, по-видимому, следует, что он *действительно* верит в происхождение и родство с растениями и животными. Если он хоронит еду и ценное оружие вместе со своими мертвецами, из этого следует, что он *does* или что его отцы верили в продолжение жизни мертвых. По крайней мере, во всех трех случаях человек действует в соответствии с тем, что когда-то должно было быть реальными верованиями, даже если вытекающие из этого действия все еще остаются в силе только благодаря обычаю, после того как настоящая вера угасла. Таким образом, вера, прошлая или настоящая, в определенные мнения может быть выведена из реальной практики, точно так же, как мы можем вывести из нашей собственной Коронационной службы тот факт, что масло, помазанное священником на голову человека, когда-то считалось обладающим таинственной силой, или тот факт, что некий грубый блок красного песчаника когда-то считался обладающим какой-то святостью. Из всех этих источников свидетельств ни один не является более ценным, чем свидетельство ритуала. Минутное размышление покажет, что ритуал у любого народа, дикого или цивилизованного, нелегко изменить. Если мы возьмем дикаря, то *его* ритуал состоит в основном из магических обрядов, с помощью которых он надеется заставить своих богов ответить на его молитвы, хотя он также может "открыть" неофиту "Отче наш". Если мы изучим греков, то обнаружим тот же элемент в таких ритуалах, как аттическая тесмофория, танец Деметры с факелами, вызывание дождя на Аркадской горе Ликей и во многих других примерах. Между тем древний языческий ритуал сохранился в Европе в виде сельского фольклора, и таким образом, мы можем проследить цепочку свидетельств, от дикой магии до греческого ритуала, с фольклором Германии, Франции, России и Шотландии, подтверждающих связь между ними и нашим временем. Это едва ли не лучшее доказательство древних представлений о богах и служении им. Таким образом, свидетельства институтов могут быть дополнены отчетами. "Прямое свидетельство", как говорит г-н Дарместетер, "простое использование, которое дополняет не прямое управление эмоциями, обморок, связанный с обычаями, путями, внешний порядок жизни", все, что показывает нам религиозную веру, воплощенную в действии. Теперь эти действия также подтверждаются только отчетами путешественников, миссионеров и историков. Но сравнительно легко правильно описать, что *делается*, гораздо легче, чем обнаружить, о чем *думают*. И все же будет обнаружено, что прямые свидетельства институтов подтверждают менее прямые свидетельства в отношении мыслей и мнений. Таким образом, необычайно прочная ткань свидетельства соткана из совпадения свидетельств, прямых и косвенных, древних и современных, ученых и необразованных людей, католиков, протестантов, язычников и скептиков. Что можно сказать против этих доказательств, которые мы услышали? Мы рассмотрели возражения, основанные на "влиянии общественного мнения на путешественников", на "отсутствии признанных авторитетов среди дикарей", на несоответствии признанных авторитетов, на "нежелании дикарей говорить о своей религии" и на трудности понимания их, когда они говорят об этом.

Но после учета всех этих недостатков (что в каждом конкретном случае допускает каждый антрополог, достойный этого имени), мы показали, что действительно остается множество совпадающих свидетельств, авторитетных свидетельств, то изученных и критичных, то некритичных и необразованных, которые нельзя отбросить как "крайне ненадежные". Этот

авторитет признается в вопросах эволюции искусства, политики, ремесел; почему бы и нет в вопросах религии? Обычно это свидетельства людей, которые не видели их тенденции или не знали их ценности. Случайное слово в Ведах показывает нам, что поэту был известен жестокий пункт брачного этикета. Насмешка Теофраста, осуждение Иезекииля, анекдот Геродота раскрывают нам обычаи современных дикарей такими, какими они существовали тысячи лет назад среди рас диких или цивилизованных. Рассказ путешественника о Мелвилле или Мандевилле оказывается не просто "байкой", но дополняет доказательства существования в Азии или на Маркизских островах верований и обрядов, которые, как доказано, имели место в Европе или Индии.

Такова природа свидетельств в пользу идей дикарей и их пережитков в цивилизации; и количество свидетельств лучше всего известно тому, кто имеет дело с трактатами, историями и отчетами миссионеров.